

63.3(2-2С)18

**Курортный район
Страницы истории
Выпуск II**

63.3(2-2018)
К93

**Курортный район
Страницы истории**

АБОНЕМЕНТ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

23031/8
ГУК "ЦБС Курортного района"
Санкт-Петербурга

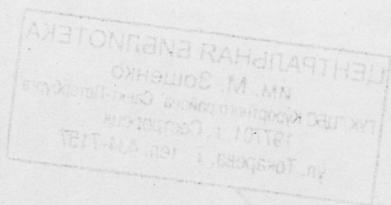
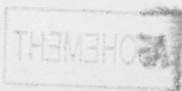
ББК 26.89 (2-2 Санкт-Петербург)
УДК 913 (470.23-25)
К93

Курортный район. Страницы истории. Выпуск 2. – СПб.:
Издательство ОСТРОВ. 2006. – 132 стр., илл.

ISBN 5-94500-046-9

Во второй сборник статей по истории Курортного района Санкт-Петербурга вошли статьи, рассказывающие об улицах Сестрорецка, о жизни их обитателей, о поселке Дибунь, о форте Тотлебен и многом другом.

Для всех интересующихся историей Санкт-Петербурга и Ленинградской области

© Авторы. 2006 г.

© Библиотека им. М. М. Зощенко. 2006 г.

ISBN 5-94500-046-9

© Издательство ОСТРОВ, 2006 г.

ПАМЯТНИК ИСКУССТВ. СЕСТРОРЕЦК СПб, 1843 г.

Редакция считает целесообразным не менять старинный стиль источника, «дабы сохранить аромат эпохи».

Быт и нравы оружейников (начало XIX в.)

Каждый оружейник, обязанный семейством, все свободное от казенных работ время посвящает со всевозможною деятельностью устройству своего домашнего быта; имея случаи при неутомимом усердии выработать более и более задельной платы, он на вырученные суммы легко может завестись полным хозяйством. Почти всякой семьянин имеет у себя, кроме дворовых птиц, корову или две, в содержании которых не чувствует ни малейшего затруднения, запасшись своевременно сеном, даже в избытке, с дарованных им казною лугов. Рубка дров и сенокосы производятся ими по большей части за разливом Сестры-реки, по которому они летом на лодках, а зимою на санях перевозят весь годовой запас означенных потребностей для хозяйства. От всех издержек на содержание семейства, при довольствии всех родов овощами с собственных огородов, расположенных позади домов или в окрестности, им остается еще достаточная сумма как на прилично-опрятное одяние, так и на убранство чистых и светлых жилищ. Весьма немногие из семейств оружейников отказывают себе даже в прихотливых привычках к чаю или кофе; без последнего, в особенности жены их, «как рыбы без воды», по словам их, жить не могут; этой причудливости, издавна вкоренившейся здесь, наиболее способствует дешевизна чаю, кофе и сахара посредственного качества, привозимых сюда из Гельсингфорского порта.

Кроме различных металлических изделий, в мелочном количестве сбываемых в Петербурге, рыбная ловля всевозможными средствами в окружающих водах и близ берегов Финского залива, не как ремесло, а более как страстное удовольствие, весьма занимает оружейников, что называется, от мала до велика. Летом, в праздничные дни, уже с восходом солнечным вся поверхность разлива как бы усеивается рыбацкими лодочками; а по болотистым местам нередко слышатся ружейные выстрелы, знаменующие открытие атаки егерей за дичью, которою впрочем здешние ближайшие окрестности чрезвычайно бедны, так что едва ли на десять охотников придется одна пара дичи; зато рыбаки вполне наслаждаются своею страстью и без большого труда награждаются успешным ловом салакушки, корюшки, ершей и окуней. Чуждые же того и другого удовольствия занимаются обстройкою своих домов. Все таковые занятия единственно влекут за собою более или менее ценную, существенную пользу; а главное то, что постоянная деятельность, развивая их силы, имеет значительное влияние на упрочение здоровья; живым примером этому служат нередко встречающиеся из оседлых сестрорецких жителей старики 100 и более лет; с этим вместе и нравственность их имеет склонность более к добру; пагубные пороки, особенно воровство, чрезвычайно редкий феномен между мастеровыми; всякий из них, достойно награжденный за свой труд, совершенно доволен своим бытом и вовсе не знаком с завистью. Примерная их набожность и честность, строгое выполнение всех возложенных на них обязанностей оправдывают их в некоторых общественных слабостях или привычках; едва ли один из тысячи изъявит желание перейти из настоящего звания в какое-либо другое, единственно потому что по выслужении казенного срока лет, достигши преклонной старости, всякой добропорядочный мастеровой обеспечивается в отставке пожизненною пенсией и в полном довольстве, среди семьи своей, мирно доживает остаток дней.

Некоторые из отставных содержат лошадей для извоза или занимаются обработкою огородов, где преимуществует посев картофеля, причем своевременный сбыт овощей доставляет им значительные суммы денег.

Женщины, кроме постоянной выручки за молоко, сливки, сыр и яйца, летнею порой имеют еще значительный доход от сбора ягод, растущих в окрестностях заводских, а именно: брусники, черники, малины; весной и осенью клюквы и грибов, которые продаются тут же в селении или в столице.

Удобство к сбыту по соседству со столицею, где есть приют всему, что только может произвести деятельная промышленность, заставило сестрорецких мастеровых задуматься при выборе выгоднейшего и легчайшего рукоделья, которое бы было всегда безостановочно в действии, не подвержено влиянию перемен года, чтоб было сподручно всем возрастам, а главное драгоценное для них условие при производстве работ — это возможность говорить без умолку, глядеть на проходящих и кочевать из одной ассамблеи сотрудниц в другую; некоторые же помудренее и трудолюбивее непреоборимо желали такого дела, которое бы росло не по дням, а по часам, не изнуря их «деликатствия».

Долго бы привелось им, сложивши руки, сидеть у моря и ждать погоды, если бы лень как услужливый фактор, богатая на выдумки в подобных делах, не помогла белоручкам разгадать ими же заданную загадку, и вдруг, как бы эпидемически вдохновенные, и стар и млад, и убог и богат, вооружились чулочными иглами. Но из чего вязать?.. Вот загадка! Лень и тут им подсказала: чем хлопотать о посеве льна, холить его, собирать, сушить, обрабатывать, прясть, сучить, белить, так лучше, сообразно духу изобретательности нынешнего века, прямо начать с холста; и дельно: думать больше не о чем! По их мнению, и липа для того растет на Божьем свете, чтоб с нее драть лыки для лаптей и лубки для кровель. Мгновенно весь низкий сорт холста был взят из лавочек, на жертву хитрой мудрости; малолетним досталось на долю распускать холст, старым бабам сидеть на печи с веретеном; а красные девицы, поголовно распустившись на выгодных обсерваториях, всегда и везде с чулком в руках, самодовольным взором как бы хвастаются пред проходящими, что для них, трудолюбивых, и такая мудреная работа нипочем. Пробная расценка сделана, что из трех аршин узкого 25-копеечного холста должны выйти две пары женских чулок-скороспелок, времени для которого нужно трое суток, крайняя цена каждой паре от 50 до 70 коп. медью. Ловкость, проворство, неутомимая деятельность рук при беспрестанном вязанье заслуживают вполне удивления, а столько же и постоянная их привязанность к этому однообразному и скучному рукоделию; только сон и кофе разлучают их с любимую игрушкой; чулок трепещет в руках, как осиновый лист, в продолжение нескольких десятков лет; они так освоились с этим занятием, что для них оно составляет любимейшее удовольствие; кроме праздничных дней, в одной болезни с потерей чувств может быть мастерица без прилагательного — чулка; темнота ночи

не имеет никакого влияния на механизм рукодеяний; иглы как бы намагниченные липнут, скользят, перебегают с неуловимой быстротой в хлопотливых привычных их руках; та из них достойна посмеяния, которая уронит иголку из рук хоть раз в неделю. Таким образом готовится ими годовая пропорция до 25000 и более пар чулок; все это количество одним разом или по частям сдается на руки опытной, сметливой, выбалтированной из среды их экспедиторши, которая за добросовестные проценты с каждой пары чулок сбывает в столице гуртом по казенным заведениям, или же десятками и сотнями на толкучем рынке; потом каждая чулочница из полученной выручки расплачивается по лавочкам за взятый холст, а с остальной суммой отправляется в петербургский толкучий рынок, где есть возможность найти всякому свое, кто чего желает, где есть представители всевозможных родов промышленности; тут-то сестрорецким корифеям мод раздолье, нега вкуса! На этой-то выставке, загроможденной клочками промотавшейся роскоши, полинявших отставных мод и мишурного блеска костюмирует себя щеголиха-плебеянка, и полная самодовольством, пешком, обыкновенно ночью, копируя дорогою подмеченную походку столичных дам, возвращается домой. Все тришкины обновки, как контрабанда или находка, тщательно сохраняются ими до первого праздника. Наконец, нетерпеливо ожидаемый день торжества наступает; первые лучи восходящего солнца впервые отразились на старых обновах, освобожденных из заточения; владельница жадно ими любит, кокетливо примеривая их в сотый раз перед зеркалом на свою мнимо-преlestную персону и, наконец, заучив праздничную позу, со звуком колокола отправляется к обедне. Мысль перещегоолять одной другую овладевает ими до самопожертвования; в эти критические дни расторгаются даже годовичные узы дружбы или приязни между мастерицами; если которой-либо удастся превзойти всех своим нарядом, то эта несчастная счастливица уже на целый год заклеяна бывает завистливым презрением своих подруг. Мысленно готовые побить выскочку камнями или чем-либо другим стереть с лица земли, на деле они ограничиваются только одним желчным злоязычием. Приличный званию костюм, натуральная походка, манера во всех приемах, наречие и т. п. в эти дни считается весьма достойным посмеяния и как бы неуважением к празднеству. Лучшая же эпоха их уморительного жеманства есть послеобеденные прогулки; разделившись на партии от трех до пяти, облекшись, яко в радугу, возможных ярких

цветов костюмами, они машинально движутся по улицам, как группа автоматов, потому что манера и улыбка, с утра принятые перед зеркалом, остаются неизменными до ночи; церемониальный марш их медлен, чему много способствует песчаный грунт улиц; попавшиеся им навстречу подобные же ходы служат пищею пересудам и злоязычию. По вечерам летнею порой каждая из них имеет привилегированного чичисбея из молодых оружейников, который сопровождает свою сильфиду во всех играх и хороводах; святочные вечера их, или так называемые беседы, всегда одушевляются музыкой, состоящей из торбана (украинский струнный музыкальный инструмент, схожий с лютней; имеет до 25 и более струн, идущих вдоль грифа без ладов. – прим. ред.), которым владеют рекруты-артисты, большею частию из евреев; многие из них при этом играют на скрипке или бубнах и своим искусством стараются эти сельские сходки превращать в танцевальные вечера, где слышатся городские звуки какого-либо кадрили или экспромтные, терзающие слух мелодии мазурки. В масленицу, начиная с четверга, съезжаются в Сестрорецк из окрестных деревень до 200 чухонцев для катанья; лошади откормлены на славу, легкие простые сани раскрашены с возможно яркой пестротой; сбруя и дуга увешаны бесчисленными погремушками и колокольчиками. В 12 часов полдня каждый из чичисбеев спешит на площадь заранее абонировать под свою ответственность лошадь и, сторговавшись с чухонцем за незначительную цену, вдвоем со своей любезной рыщут до вечера из конца в конец по сестрорецким улицам. Эти каждодневные ристалища продолжаются до 10 часов вечера воскресенья. В свадебных обрядах, покрое костюмов, прическах и даже в домашнем быту у большей части мастеровых видны полубоярские затеи; бедные женщины готовы целый год питаться одним картофелем или селедкой с хлебом, лишь бы иметь каждодневно двойную порцию кофе и костюм, возможно роскошный наравне с другими. Чрезмерная, безответная страсть к щегольству, обезьянническая копировка мод столичных и другие подобные причуды, несообразные с их званием, произошли единственно от дешевизны заграничных товаров и неограниченного права – носить костюмы всевозможных покровов, в выборе которых руководствует ими необузданное своеволие и мнимая возможность присвоить все, приличное высшему сословию; у всех в виду одна цель: хоть чем-нибудь отличить себя от категории солдатских жен или выдвинуться из назначенной судьбою колеи, приличной их званию. Из всего этого выходят не-

исчислимые чрезвычайно дурные последствия, влиянием своим разоряющие благосостояние домашнего быта, которое создается постоянными трудами главных распорядителей в семействе.

В последнее десятилетие торговля иностранными товарами различных родов в Сестрорецке значительно увеличилась, так что ежегодно сумма в обороте простирается до 400000 руб. ассигнациями. Постоянно живущие при заводе торговцы, поселившиеся с давних времен на правах маркитантов для продажи съестных припасов, сверх этого, за условленные проценты, забирают на кредит годовую пропорцию товаров в богатейших магазинах, принадлежащих выборгским и гельсингфорским купцам, и по окончании срока из годовой выручки за взятые товары расквитываются в магазинах, а к нераспроданным товарам прибавляют вновь привезенные из-за границы. По значительному сбыту, из привозимых в Сестрорецк товаров, заслуживают внимание: полушериносы, шерстяные кисеи гладкие и затканые шелком, тибет (шерстяная ткань саржевого переплетения, мягкая и пушистая. – *прим. ред.*), викторин, фуфайки и дамские платки; из бумажных: шведских фабрик холстинки, коленкоры, полуполотна, пике из бумазеи, такие же одеяла, разноцветные салфетки, ситцы и чулки; полотна шведские и голландские, полубатист, носовые полотняные и батистовые платки; бархатные и шелковые различные уже готовые принадлежности к гардеробу, в особенности мантильи, дамские шелковые платки, мужские шейные шарфы, ост-индские платки отличной доброты; литый хрусталь в различных изделиях прежде привозился в большем количестве, но по возвышении ценности и затруднениям в доставке, особенно столовых фарфоровых и фаянсовых сервизов, привоз их вовсе прекратился, а заменен различными галантерейными и косметическими товарами; лучшую же выручку торговцы получают от огромного сбыта кофе, сахара, курительного табаку, сигар и бумажных изделий шведских фабрик.

Эти же торговцы за условленные проценты отдают на кредит значительную часть товаров разносчикам, бродящим по окрестным финским деревням и местечкам, где нет постоянной продажи подобных товаров.

За право торговли сестрорецкие маркитанты обязываются заводом вносить ежегодно до 50 рублей серебром в общественный заводский капитал, на содержание почтовых лошадей и потребностей. Одним словом, жители всех сословий обеспечены от вся-

ких нужд со стороны жизненных потребностей, исключая некоторых съестных припасов, покупаемых в столице. Одна главная невыгода, довольно обременительная для семейных чиновников, есть недостаток квартир к возможно удобному помещению.

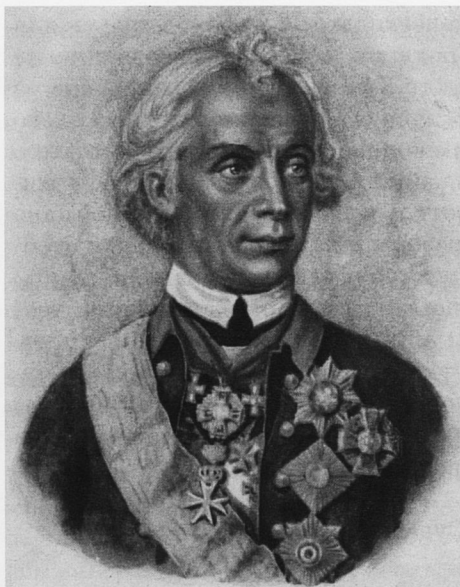
Разбойники в лахтинских лесах

В 1736 году, осенью, сестрорецкие рыбаки и дровосеки объявили заводскому начальству, что в густоте лесов по береговой части Финского залива, от Дубковской пристани и до Лахты, очень часто показывались шайками бродяги, большею частию в матросских костюмах, которые, как оказалось впоследствии, имели у себя хорошо оснащенные лодки для грабежа мелких купеческих судов, перевозивших разные товары и съестные припасы из Петербурга в Кронштадт и обратно. То же подтверждали и охотники, которые много раз случайно встречали в густоте Лахтинских лесов шумные ватаги этих дезертиров, приготовлявших пищу из лучшего домашнего скота, отбитого от сельских стад. Прежде нежели правительство успело принять деятельные меры к преследованию этих разбойников, в одну осеннюю ночь того же года они сделали привал близ Дубковской роши и разграбили бывший там винный погреб и мелочную лавку, которые только что были заведены вольными откупщиками. Хозяева, в ужасе от неожиданного нападения запершись кругом, старались до последней крайности защищаться, пока откуда-нибудь подоспеет помощь, но чрез это ожесточили разбойников до того, что они тут же из разрушенных до основания жилищ сделали огромный костер и всех вместе с детьми и женами сожгли; потом, нагрузивши свои лодки награбленным имуществом, боясь погони, поспешно отчалили от берега. Один только молодой лавочник каким-то случаем успел спрятаться в близлежащих кустарниках и был невольным зрителем страдальческой пытки своих хозяев. Перед рассветом в ту же ночь рыболовы, заметив огромное зарево на том месте, где произошел этот разбой, быстро пристали к берегу для подания помощи от пожара и с ужасом встретили между пылающими бревнами полуобгоревшие, обезображенные трупы страдальцев. Лавочник, скрывавшийся в кустарнике и онемевший от страха, вышел из своей засады к рыбакам и, быв не в состоянии передать им в словах все происшедшее, показал только на белеющиеся вдаль по взморью паруса быстро удалявшихся разбойничьих лодок. Высшее правительство немед-

ленно отрядило из Петербурга несколько эскадронов драгун для разгромления притонов этих бродяг по лесам; к преследованию же их на пространстве залива между Кронштадтом и вдоль берегов от Дубковской пристани до Петербурга крейсировали несколько военных катеров с достаточным количеством команды и оружия. Ранний снег и быстрое наступление зимы весьма много послужили экспедиции, так что в короткое время бродяг было поймано около 50 человек; притоны их разорены до основания, лодки отобраны, и все награбленное имущество возвращено было по принадлежности. С тех пор в этих местах редко проезжающие или дровосеки встречали и то более жалких, нежели опасных дезертиров, пробиравшихся в центр России из Финляндии, а чаще бедных чухонцев с мелочною контрабандой, прокрадывавшихся тайком чрез зыбкие болота или по тонкому слою прибрежного осеннего льда и нередко плативших за такой риск своею жизнью.

Визит А. В. Суворова на завод

В июле месяце 1792 года, по окончании неприязненных военных действий между Россией и Швецией, победоносный герой, увенчанный мирными лаврами, Суворов, возвращался из Финляндии в Петербург. Командир Сестрорецкого завода, узнавши об этом, заранее ожидал его на станции по главному пути между Сестрорецком и Выборгским почтовым трактом. Кто был уже знаком со странностями характера и причудливым отвращением Суворова ото всех церемониальных почестей, тот вперед мог угадывать, что все особенные приготовления к встрече такого знаменитого гостя останутся без внимания; последствия доказали это на опыте. Суворов за несколько верст от Сестрорецка отпустил свой экипаж со свитой в Петербург и в солдатской егерской шинели, на чухонской таратайке в одну лошадь, по проселочной дороге – прямо в завод, не обративши на себя должного внимания чиновников. Верховой, посланный из завода, возвратился с решительным известием, что княжеский экипаж проехал по Выборгской дороге прямо в столицу; из этого все чиновники заключили, что князь, вероятно, вовсе не желал быть в Сестрорецке, и преспокойно разошлись по домам. Суворов же, по костюму принятый оружейниками за частное лицо, случайно проходящее чрез заводское селение, совершенно удовлетворил свое любопытство при обзоре заводских фабрик,

А. В. Суворов

которые были тогда в полном действии. Участвуя собственноручно в отделке некоторых оружейных вещей, он, между прочим, расспрашивал мастеровых о домашнем их житье-бытье и в продолжение часа, пользуясь словоохотливой откровенностью их, уже знал почти всю подноготную по разным частям быта сестрорецкого. Смотря на отделку штыков, Суворов, не раз потирая руки от удовольствия, говорил:

— Помилуй Бог, как штыки остры, — любо сердцу! Прочее все дрянь!

При выходе его из завода главный мастер неизвестно от кого узнал, что этот забавный балагур служивый (как прозвали его оружейники во время осмотра) был ожидаемый князь, и с должною почтительностью предложил Суворову пожаловать в приготовленную уже для него квартиру, показывая на двухэтажный командирский дом; но Суворов, зажмурия глаза, отвечал ему:

— Помилуй, пощади: так высоко жить — голова закружится; пойдем лучше к тебе обедать! — и почти бегом, припрыгивая с ноги на ногу, пустился вслед за мастером, который хотел предупредить в доме своем о неожиданном посещении такого важного и незваного гостя.

Лишь только Суворов вошел в комнату, как, обратившись к хозяйке, спросил скороговоркой:

— Нет ли у тебя в доме кого-нибудь больше меня?

Та в испуге и торопливости не знала, что сказать ему на такой загадочный вопрос, но он, не дождавшись ответа, уже успел осмотреть все уголки в доме и, с удовольствием похлопывая в ладоши, ворчал про себя:

— Раздолье! Ребят-крикунов нет, стало быть, можно есть и спать покойно, сколь душе угодно!

Потом присел к обеденному столу и с аппетитом опорожнил два блюда поданных ему горячих щей с говядиной и крошеным сырым луком, а в заключение обеда – полную тарелку кислого молока с черным хлебом. Вставая из-за стола, он пожалел, что не случилось при этом крутой гречневой каши, и удивлялся тому, что на столе не было селедков, которые он привык встречать за чухонским обедом по всей Финляндии; после этого, чувствуя от дороги усталость, прилег отдохнуть на разостланной по лавке походной шинели, положивши под голову сапоги и шляпу.

В это время командир завода, с рассвета дня ожидавший Суворова на станции верст за 10 от Сестрорецка, встретил, наконец, остановившийся для смены лошадей княжеский экипаж и просил вышедшего из кареты адъютанта доложить князю, не угодно ли ему будет удостоить своим посещением Сестрорецкий оружейный завод; но каково было изумление его и даже страх, когда ему сказали, что Суворов, вероятно, уже успел осмотреть весь завод, отправившись туда более двух часов раньше этой встречи. Командир стремглав поскакал в завод, обожал все фабрики, спрашивая каждого встретившегося мастерового: не видал ли кто князя, и где он остановился? Но, не получив ни от кого решительного ответа, оставался в отчаянном расстройстве духа, посреди вновь собранных чиновников, тоже объятых паническим страхом от такой неожиданной вести. Суворов, ложась спать после обеда, строго приказал хозяину не отлучаться покуда из дома и не объявлять никому о его прибытии; но жена мастера прежде этого за тайну поделилась с соседками о своем госте – инкогнито, – и чрез полчаса весь женский люд, от одного конца селения и до другого, судил и рядил, всякий по-своему, о последствиях такого странного события, возмущившего до дна тихую прозябательную жизнь чиновников. Наконец, судьба сжалась над страждущими заводскими властями, шепнув через кого-то командиру о местопребывании Суворова, и он, как иступленный, бросился с рапортом в квартиру князя. Суворов, только что проснувшись, внимательно оципывал для своего десерта рябину с дерева, растущего под самым окошком дома; хозяин доложил ему, что командир завода ожидает позволения явиться к нему с рапортом, но он, жалея, что рябина еще не созрела, с насмешкою сказал:

– Ты видишь, мне теперь некогда, занят важным делом! – и свидание отложил до завтра.

Вечером вместе с хозяином отправился пешком в Дубовую рощу, где на развалинах дворца пробыл более часа, любясь кар-

тинными окрестностями Финского залива и беседуя с хозяином как старожилом сестрорецким о времени основания завода и спенах войны со Швециею, бывшей в 1741 году. Потом, выкупавшись в Финском заливе, поздно возвратился в квартиру. На другой день с восходом солнца князь по привычке окачивался водой и был очень рад, слыша из рассказов хозяина, что все воды в окрестностях сестрорецких более или менее имеют железистые свойства и давно известны своею целительностию преимущественно против истощения сил и старческой дряхлости; при этом, для придачи отзывам пушей достоверности, исчислены были бесчисленные примеры помолодевших стариков и пополневших жертв чахотки единственно от живительности этих вод. После того Суворов бродил по окрестностям заводским, с любопытством обращая свое внимание на те, которые во время военных действий служили оборонительными пунктами против неприятеля. На третий день, с утренним рассветом, князь тотчас после купания, щедро наградив хозяина за квартиру, отправился в Петербург на той же двухколесной таратайке, на которой прибыл в Сестрорецк. Командир завода, не выдавший Суворова во все время пребывания его в заводе и после, уже узнавши об отъезде его, страшился неприятных последствий за свою неудачу в должном приеме князя; но, сверх ожидания, дня через три обрадован был, по личному ходатайству Суворова, монаршим благоволением за отличный порядок и благосостояние завода во всех отношениях.

А. С. Кубарева

УЛИЦЫ СЕСТРОРЕЦКА

Сестрорецк как поселение стал расти и развиваться вместе со строительством оружейного завода. Природа к нему была не очень благосклонна, так как он оказался на довольно узком перешейке между двумя водоемами: Финским заливом и озером Разлив.

В начале XIX века воды Разлива разрушили Петровскую плотину и стены двух мастерских. На месте размыва построили запруду, но и она вскоре была смыта. И так продолжалось до тех пор, пока в конце века деревянную плотину не заменили каменной.

Также огромный ущерб Сестрорецку нанес пожар 15 июля 1868 года, который бушевал несколько часов подряд, и от всего селения остались только груды обгоревших развалин и не более 50 домов (на улицах Солдатской, Офицерской, Угольной и Бойной*). Вот как об этом бедствии писала «Петербургская газета»: «Сгорело даже кладбище со всеми крестами, церковью и до 800 обывательских домов».

Но Сестрорецк отстроился и продолжал расширяться. Новые улицы получали названия по профессиям заселяющих их жителей, по роду работ мастерских (цехов) завода. Дороги, как правило, были песчаными. Первая грунтовая дорога была проложена в 1852 году, от парадного подъезда завода к Дубковской пристани (протяженностью 1410 саженей – около 3 км). Сегодня это две улицы: Дубковское шоссе и улица Воскова.

Дубковское шоссе. Это название получила улица, идущая ранее от завода (теперь от железнодорожного переезда) прямо к

---

* От слова «боск».

Дубковское шоссе.

дворцу Петра I, где была пристань (для подвоза к заводу всего необходимого). В петровское время у дворца был разбит парк, который частично сохранился и до сих пор является любимым местом отдыха жителей Сестрорецка.

В противоположную от переезда сторону, до мостика через реку Сестру у завода им. Воскова, начальная часть бывшего шоссе носит имя **Воскова**. Она названа в честь первого председателя заводского комитета, созданного в 22 мая 1917 года. В состав этого комитета входили, в основном, большевики. Семен Петрович Восков, опытный революционер и агитатор, был в апреле 1917 года послан к сестрорецким оружейникам Петроградским комитетом РСДРП(б) для оказания помощи заводским большевикам. Он поступил столяром в ложевую мастерскую. Заводской комитет, возглавляемый Восковым, решил выдавать продукцию завода – винтовки – только по ордерам из Смольного. Так завод стал арсеналом революции. Тысячи рабочих Петрограда делали революцию с сестрорецкими винтовками в руках. Так, в середине октября 1917 г. по решению Петросовета рабочим Петрограда было передано 5000 винтовок. И сами сестрорецкие красногвардейцы активно участвовали в революции со своими винтовками. После октябрьских событий Семен Петрович Восков работал в Петрограде.

О революционных событиях и самих революционерах говорит улица **Володарского** (в прошлом Выборгская). Для помощи в подготовке восстания уже в октябре 1917 г. приезжал в Сестрорецк член ЦК партии большевиков агитатор Володарский. Он выступал в летнем театре на Ермоловском проспекте, и в память о нем и об этой встрече улица, которая продолжает улицу Воскова от мостика через город на север, носит имя этого большевика. В районе кладбища она соединяется с Приморским шоссе. Каменные дома (коттеджи) на улице были построены в 1945–1946 годах пленными немцами. Но из всех домов на ней выделяется многоступенчатый разноэтажный «муравейник» постройки 1975–1976 годов, спроектированный архитекторами Н. М. Захарьиным, Г. И. Буряковым и И. А. Солодовниковым.

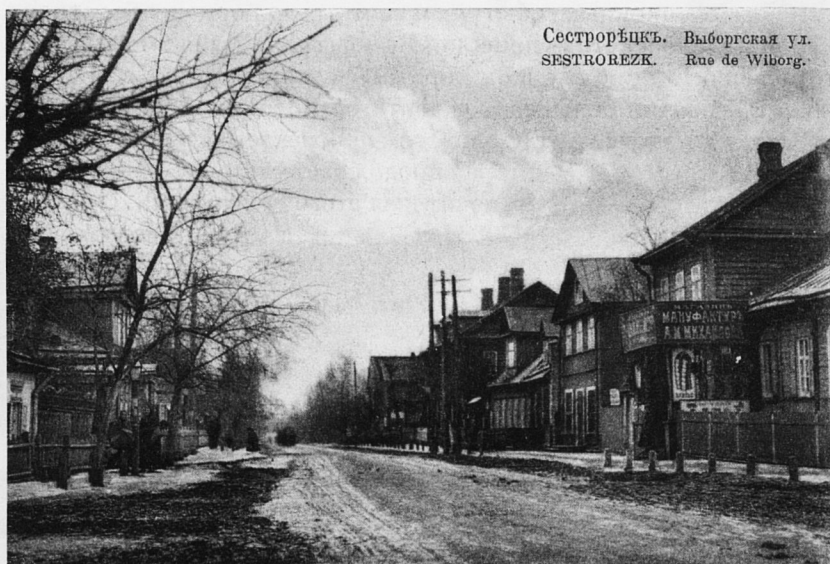
Еще одна улица берет начало вблизи заводоуправления, она идет до станции Разлив. Это улица **Мосина** (раньше она состояла

Почта и лавки на Дубковском шоссе

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7187

123031/8

Сестрорѣцкъ. Выборгская ул.
SESTROREZK. Rue de Wiborg.

Ул. Выборгская (теперь Володарского).

из двух улиц: коротенькой Крестовской, до Шипучки*, и длинной Петербургской, потом Б. Ленинградской, до станции Разлив), названная в честь человека, немало сделавшего как для завода, для города, так и для всей России.

Сергей Иванович Мосин родился 5 мая 1849 года в дворянской семье в селе Рамонь Воронежской губернии. Учился в военной гимназии (и окончил ее), в воронежском Александровском училище, затем в Михайловском артиллерийском. В 1872 году поступил в Михайловскую артиллерийскую Академию в Петербурге, окончив которую «по I разряду, отчислен от оной с переводом в Тульский оружейный завод с зачислением по полевой конной артиллерии», что произошло 19 июля 1875 года (из послужного списка генерал-майора Мосина С. И., составлен 18 марта 1901 г.). Он был назначен помощником начальника мастерской, и уже в 1887 году капитан Мосин спроектировал принципиально новую винтовку, магазинную, дававшую до 18 выстрелов в минуту, выгодно отличаясь и своей меткостью. Винтовка Бердана, бывшая на вооружении у русской армии, была однозарядной и позволяла делать лишь

* Шипучка – местное название канала у плотины весеннего спуска воды.

12 выстрелов в минуту. К тому же мосинская винтовка оказалась намного легче и весила всего 4,5 кг. Поэтому ее сразу же взяли на вооружение, назвав трехлинейкой образца 1891 года (калибр винтовки составлял три линии – 7,62 мм). Сам Мосин С. И. высочайшим приказом от 9 августа 1891 года произведен в полковники... и утвержден в должности Председателя Приемной комиссии при Императорском Тульском оружейном заводе.

Следующая запись в послужном списке говорит о начале работы Мосина в наших краях: «Назначен и.(сполняющим) д.(олжность) начальника Сестрорецкого оружейного завода, с оставлением по полевой пешей артиллерии, 21 апреля 1894 года. Прибыл и вступил в должность 26 мая 1894 года». На новой должности Сергей Иванович прежде всего взялся за переоборудование завода; за помощью ему не раз приходилось обращаться в Главное артиллерийское управление, где его просьбы о выделении средств на покупку новых станков, паровых котлов и машин регулярно отклонялись. Однако новый начальник завода переоборудовал его за счет собственных средств, увеличил число станков до 875, рабочих к 1897 году стало уже 1725 человек.

Новые станки и оборудование подняли производительность труда в два раза и снизили себестоимость трехлинейки на 3 рубля 95 копеек. Завод приступил к массовому производству таких вин-

Крестовская улица.

Сестрорѣцкѣ. Петербургская ул.
SESTROREZK. La rue de Pétersbourg.

Улица Мосина

товок. Много внимания уделял Мосин и развитию инструментального производства. Так, по его просьбе из Петербурга сюда был переведен инструментальный отдел Трубочно-инструментального завода, что привело к тому, что вскоре именно Сестрорецкий оружейный завод стал основным поставщиком инструмента для всей военной промышленности. К тому же выпуск военной продукции и инструмента значительно увеличился с переводом завода на электроэнергию в 1890-х годах.

Чтобы не было недостатка в квалифицированных рабочих, Мосин организовал для детей оружейников оружейную школу, где готовили мастеровых (мы знаем старое здание ПТУ около 433-й школы, в этом доме учились рабочие мальчишки).

Сергей Иванович пользовался у рабочих большим уважением как за прекрасное знание дела, так и за свою порядочность. Умер он 21 февраля 1902 года от крупозного воспаления легких. Вот последняя запись его послужного списка:

«В службе сего генерал-майора не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к этому знаку».

Как достойного сына Отечества С. И. Мосина похоронили за церковной оградой Петропавловской церкви Сестрорецка. (В советское время церковь снесли, а на ее фундаменте построили школу; сейчас это школа № 433.)

Акварель художника А. Ф. Сорокина
«Правый берег канала (Литейная набережная).
Зима 1962-1963 годов. (Публикуется впервые)

К столетию со дня рождения Сергея Ивановича, в мае 1949 года, на здании заводоуправления открыли мемориальную доску в его честь, гроб с его телом перезахоронили на Сестрорецком кладбище, где установили памятник в видеobelиска.

От пристани в начале улицы Мосина, у самого завода, более десятка лет назад по озеру ходил прогулочный пароходик до музея «Шалаш В. И. Ленина» на той стороне Разлива. Здесь же можно было взять напрокат лодку, а потом пострелять в тире рядом.

Через дорогу, в низине, стоял деревянный дом, в котором располагалась библиотека. Сегодня на этом месте выстроен большой многоквартирный дом «на курьих ножках».

Наконец, с 2001 года улицу Мосина украшает бюст самого знаменитого изобретателя трехлинейки, установленный у бывшего директорского дома начальника завода (теперь клуб завода)*.

Еще одна улица в нашем городе носит имя оружейника, это улица **Токарева** (на старых картах – Литейная улица), которая соединяет Дубковское и Приморское шоссе. Федор Васильевич Токарев изобрел первую автоматическую винтовку. Когда он был есаулом Ораниенбаумской стрелковой школы в 1908 году, работал над переделкой мосинской трехлинейки в автоматическую винтовку. Для этого его командировали на Сестрорецкий оружейный завод. В трудных условиях он сумел создать новый образец винтовки, которая выгодно отличалась от своих предшественников. Работа продолжалась до 1914 года. С началом Первой мировой войны он был призван в действующую армию. В январе 1916 года Федор Васильевич вернулся на Сестрорецкий оружейный завод и продолжил работу над автоматической винтовкой, заведя «отделом поверки и сборки заводских изделий».

В апреле 1941 года рабочие Сестрорецкого инструментального завода им. Воскова встретились с бывшим работником завода, Героем социалистического труда, изобретателем первой автоматической винтовки Ф. В. Токаревым. Встреча была посвящена 50-летию мосинской винтовки. Умер Токарев в 1968 году. На улице Токарева стоит современное нестандартное вытянутое здание, разноэтажный дом с собственным именем – «Змей Горыныч».

Мы рассказали лишь о нескольких улицах нашего города, названных в честь достойных людей, наших предков, работавших когда-то на Сестрорецком оружейном заводе.

---

* Когда-то на этом месте был «заводской дворец» Петра I.

О. М. Протопопова

КУРОРТНАЯ ЖИЗНЬ ТЕРИОК И ОКРЕСТНОСТЕЙ

Если Петербург часто называют Северной Пальмирой, то его курортную зону давно окрестили Северной Ривьерой. И это не преувеличение! Умеренный морской климат, без резких сезонных и суточных колебаний температуры, густые хвойные леса, расположенные на прибрежных дюнах, насыщают воздух озоном, задерживают морские ветры. Мелководный Финский залив летом хорошо прогревается и удобен для купания, а песчаные пляжи идеальны для солнечных и воздушных ванн.

Курортная зона протянулась вдоль берега Финского залива к северо-западу от Санкт-Петербурга почти на 60 км, начинаясь от арки в конце Старой Деревни, и заканчивается в посёлке Смолячково. Общая площадь ее 145 кв.км, и это одна из самых больших территорий для массового отдыха в России. Иметь дачу на Карельском перешейке или хотя бы снимать её на лето для петербуржцев чрезвычайно престижно как сто лет тому назад, так и сегодня.

«— Желаете снять дом? Извольте. Вот большой, с 13 комнатами, мебелью и общим садом – за 350 рублей. Двухкомнатный – за 35.

— А есть ли там купальня, лодки, кегельбан?

— Разумеется. Есть и каретный сарай, ледник, прачечная.»

Примерно такой разговор происходил, когда наши прадедушки заключали сделки на дачный сезон 1889 года. Южные провинции Финляндии (в то время Карельский перешеек входил в состав автономного Великого княжества Финляндия) были для петербуржцев привлекательны ещё и образцовым порядком, чистотой всюду и во всём. Даже пляжный песок финны просеивали через

специальные сита, дабы отделить его от мелких камней и осколков стекла. Местные жители старались изо всех сил: ведь «короткое лето весь год кормило». До 70-х годов XIX века жизнь тихих посёлков Карельского перешейка проходила однообразно и незаметно. Всё изменилось со строительством железной дороги Санкт-Петербург–Риихимяки, когда 11 сентября 1870 года гудок паровоза впервые нарушил тишину этих мест. Пассажирские перевозки уже в те годы обслуживало 20 пар поездов. Жители столицы получили прекрасную возможность в считанные часы добраться из душного центра города на пронизанные свежим морским воздухом песчаные пляжи Финского залива.

Териоки (Зеленогорск) – центр дачной жизни

Маленький рыбацкий посёлок Териоки (ныне Зеленогорск) быстро превратился в центр дачной жизни Петербурга. «Под названием "община Териоки", – рекламировал один из путеводителей, – разумеется огромная, унизанная дачами береговая полоса, вёрст на 20, и полоса эта с каждым годом увеличивается». В летний сезон сюда приезжает до 55 тысяч дачников. Некоторые из них ездили в Петербург на работу и жили в Териоках круглый год.

Одна из улиц в Териоках в начале XX в.

Интересно, что и тогда дачникам приходилось не сладко. В часы пик пассажиров было так много, что они висели на подножках и толкались даже в проходах между вагонами. В дачный сезон ежедневно на привокзальной площади сотни извозчиков ожидали пассажиров. Спрос на извозчиков был так велик, что этот промысел привлекал сюда и жителей отдалённых деревень. Работы хватало всем, и дневной заработок в 5–6 рублей (13–15 финских марок) считался ещё умеренным. Расценки были высоки, несмотря на попытки властей их регулировать. В разгар сезона от станции вниз к дачам тянулась километровая вереница разномастных упряжек. Тут были и простые дроги с жёсткими колёсами, и крытые двуколки на резиновом ходу, по типу петербургских. Иногда встречались и господские экипажи с собственными кучерами в форменной одежде. Последние года два перед Первой мировой войной от вокзала вниз по Виертотие (ныне проспект Ленина) ходил доставленный из Петербурга «транвай». Он напоминал автобус: резиновые колёса и мотор. Скамейки расположены были вдоль бортов, на крышу вела лестница, где тоже сидели на скамейках.

«Общество благоустройства дачной местности», существовавшее в Териоках, волновало много проблем – поливка улиц, их освещённость. Город имел только 75 керосиновых фонарей, поэтому в тёмное время суток ничего не стоило угодить в яму или свалиться в канаву.

В Финляндии был «сухой закон». Однако тайная торговля спиртным, как писала газета «Териокский дневник» за 1913 год, прочно укоренилась в Териоках.

Но не всё так грустно было в дачной жизни. Прекрасное море, чистый воздух уютные рестораны со столиками на верандах, струнный оркестр под управлением Фрица Больмона, купание... Кстати, в то время мужчины и женщины купались отдельно – моралисты видели в совместных плесканиях упадок нравственности. А либералы как раз усматривали обратное: именно там, где дамы купаются вместе с мужчинами, меньше развито подсматривание, щёлканье фотоаппаратом и тому подобное. У последних вызывало удивление, что молодёжь обоих полов в купальных костюмах непринуждённо бродит по берегу, точно это пляж где-нибудь в Ницце; там люди давно уже перестали слишком внимательно рассматривать друг друга.

Так уж получилось, что история Курортной зоны Карельского перешейка – это прежде всего история русской культуры. Ещё

Дмитрий Лихачёв отметил: «В Териоках бывали все, кроме Ивана Бунина». Перечислить всех великих людей, некогда ступавших по этой благословенной земле, просто невозможно.

Териоки из заштатного посёлка превращается в курортный город. Увеличивается число рабочих и служащих разных профессий. Открываются почта, телеграф и телефонная станция. Вместо каменных фонарей зажглись в магазинах и на некоторых дачах электрические лампочки. Успехом у дачников пользовалось казино, где выступала русская демократическая труппа. Большое здание, автором которого был архитектор Бруни, построили в центральной части парка, недалеко от моря. Концертный зал казино вмещал 200 человек. Здесь давали концерты артисты из Петербурга, а по субботам сами дачники ставили любительские спектакли. На берегу Финского залива располагался яхт-клуб, созданный по инициативе адмирала Скрыдлова в 1910 году. Яхт-клуб имел искусственную гавань, где яхты спасались во время шторма. На берегу находились также «Кургауз», водолечебница, концертный зал и ресторан с залом длиной во много десятков метров. Иногда по улицам Териок проносилась чухонская таратайка, а в ней со всем семейством направлялся к месту отдыха выдающийся русский художник В. А. Серов. «Вода, – говорил он, – несолёная, море – не море, зато песок и воздух – какой воздух!» Частыми гостями Серова в Териоках были Горький, художники Бенуа и Матэ.

Центром притяжения для литераторов в окрестностях Териок стала дача Леонида Андреева, выходящая окнами на Чёрную Речку. Здесь были написаны «Царь-Голод», «Чёрные маски», «Анатэма», «Океан».

В начале 1900-х годов здесь жили и работали талантливый скульптор В. В. Лишев и известный архитектор И. Л. Фомин, создавший ряд оригинальных дачных построек на Карельском перешейке и в самих Териоках. Прогрессивную интеллигенцию столицы с первых лет XX столетия в Териоки привлекала не только самобытная красота природы, уединённость этих мест, но и относительная свобода. Некоторые селились здесь надолго и не по своей воле. Под гласный надзор полиции в 1901 году в Петербурге попали К. Бальмонт, М. Филиппов, Н. Гарин-Михайловский, прозаик и врач Вересаев. Жизнь на курорте давала возможность уйти от постоянного контроля со стороны полиции. «Нас в Териоках образовалась целая колония», – рассказывал о той поре учёный и популяризатор науки М. М. Филиппов. В небольшой даче в Те-

риоках занимался научной работой выдающийся педагог, психолог, анатом и врач П. Ф. Лесгафт. Период пребывания здесь учёного был очень плодотворным. В Териоках удалось в одну зиму написать больше, чем за предыдущие 13 лет. В маленьком домике П. Ф. Лесгафта жизнь была ключом. Сюда приезжали из Петербурга его коллеги, слушатели, пациенты. Часто бывал и профессор В. М. Бехтерев, имевший дачу в окрестностях.

Учёные, литераторы Петербурга, жившие здесь, сумели открыть курсы и школы. В 1901 году такую школу в Териоках на улице Пеллервонкату (теперь Красноармейская) закончил 18-летний Алексей Толстой. Традиции дачного отдыха петербургской художественной интеллигенции начала века сохраняются до сих пор.

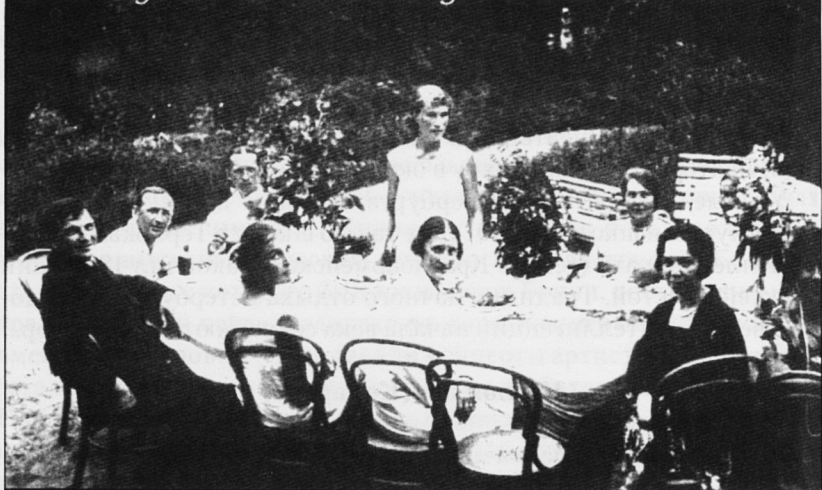
Келломяки (Комарово)

Историю этого посёлка можно условно разделить на два периода. Один – Келломяки, другой – Комарово. Оба они по-своему интересны и примечательны. Своеобразная обстановка была потрясающе необычна и всё же пленительна, особая природа и особенное население; для многих это уже «прошлая жизнь». По мнению всех, кто жил здесь постоянно или только в летний сезон, никакая местность в остальной Финляндии не идёт в сравнение с перешейком, а особенно с Келломяками.

Пляж в Келломяках

Семья академика Павлова на своей даче в Келломяках. 1930-е гг.

Семья академика Павлова на своей даче в Келломяках. 1930 гг.

Природа подарила пересечённую местность с благоухающим сосновым лесом, побережье с мелким песком и покоем, обычно не свойственным курортным и дачным местам. Население хорошо уживалось со своими летними гостями, завязывались даже знакомства между живущими в Келломяках эмигрантами и летними гостями. Обычно летние гости лишь купаются, гуляют и спят. Общение и духовные увлечения отходят на задний план.

В Келломяках положение летних гостей было иное. По инициативе полковника Олани и коммерсанта Антти Хирви был создан летний театр. На его сцене театра были поставлены такие спектакли, как «Северяне», «Это произошло вдалеке» и другие. Здесь выступали и бывшие на гастролях артисты. Например, певица Айли Кеттунен-Острём, молодые артисты Выборгского городского театра.

Местные жители тоже участвовали в общих хлопотах. В Келломяках проживало много разной публики. Каждое лето жил скульптор Матти Гаупт, который в своей мастерской создал за многие годы много прекрасного. Семья скрипача Наума Левина принадлежала к постоянным летним жителям, как и пианистка Рапель Стейнбок-Левина, которая с семьёй проводила лето на летней даче в Келломяках. Здесь же проживал и знаменитый писатель Ильма-

ри Кианто. Свою маленькую дачу он назвал «Логово антилопы». Кианто, по-видимому, хотел начать новую жизнь, уйдя от мира, сделать «переливание крови». Вся его избушка, каждый камень, даже столбы забора и калитки были исписаны афоризмами и изречениями. Ильмари Кианто, когда жил в Келломяках, был довольно дружен с Юрием Репиным. Много интересных и забавных воспоминаний оставил Кианто и о Юрии, и о других жителях этого посёлка: «Здесь, на перешейке, полно каких-то странных типов. Вспоминаю то ли профессора, то ли пророка, который ел лишь зёрна из мешка. Знал образованную российскую немку, актрису, которая была очень искусна в хиромантии и предсказаниях. Имел я дело с русским евреем, торговцем иконами. Купил у него по дешёвке несколько икон, граммофон и ещё очень редкий, сделанный из благородного дерева сундук, происхождением из итальянских аристократических кругов Италии. Ювелир Миеттинен, у которого жена стопроцентная русская, был мой хороший знакомый. Однажды мы проводили пасхальную ночь и ездили на лошади в церковь. Хороший друг был Антон Сильвенберг. Его жена Сисси была страстной художницей. Все стены и даже двери были заполнены произведениями искусств. По вдохновению эта госпожа вполне могла бы быть ученицей Ильи Репина, но маэстро даже не знал о Сисси, на лице которой было столь же много красок, как и в её картинах.» Среди населения Келломяк преобладали петербургские дачники, часть жила здесь и зимой.

Примечательно, что здесь селились жители из разных районов Финляндии, занимавшиеся торговлей, строительством, пилившие лес, добывающие торф и т. п. Летом в Келломяки приезжали строители из Польши и садовники из Прибалтики (в основном, латыши и эстонцы). Последние известны своим мастерством по всей Европе, они создавали на бедных песках местных террас настоящие шедевры садово-паркового искусства.

Посёлок застраивался не хаотично, а по плану, разработанному служащим Выборгской землеустроительной конторы Э. А. Пипониусом. Согласно «Плану дачного района», здесь находились дачи Эдлера и Чижова, Ивановой и Юхневич, Буффа, Владимирова и Бательта. До наших дней сохранился и состоит под охраной великолепный резной деревянный особняк, над спуском к заливу: дом, принадлежавший госпоже Юхневич, сдавался хозяйкой Мариинскому театру, и нередко в нем собирался весь бомонд Петербурга. В особняке некоторое время жила русская балерина

М. Ф. Кшесинская. Напротив располагался обширный участок, принадлежавший некоему Чижову. Впоследствии этой дачей владела семья Рено, породнившаяся с купеческой фамилией Орешниковых. Владельцы устроили на верхней и нижней террасах и литориновом уступе парк с четырьмя искусственными водоёмами (берега их были обложены камнем), удачно использовав рельеф и флору. Сейчас вилла Рено пустует. Сохранились лишь въездные ворота с великолепной чугунной решёткой в стиле модерн.

Куоккала (Репино)

В «Спутнике по Финляндии» К. Б. Грэнхгагена о Куоккале сказано: «Куоккала (42 км от СПб). Станция находится в одной версте от берега залива. В летнее время местность густо заселена дачниками. Имеются лавки, аптека и даже театр. Лучшие дачи расположены вдоль береговой линии и отдаются в наём за высокую плату. Недорогие дачи находятся к северу от ж.-д. станции. Многие из них также заняты зимою. Имеется православная церковь.»

Куоккала – это интереснейшая дачная местность Петербурга. Летом здесь жила небогатая часть петербургской интеллигенции. Две дачи принадлежали зимогорам (круглогодичным жителям) Анненковым (из этой дворянской семьи, сыгравшей большую роль в русской культуре, вышел и художник Юрий Анненков); на самом берегу, против куоккальской бухты, была дача Пуни. Владелец её, Альберт Пуни, принявший православие с именем Андрей, виолончелист Мариинского театра, был сыном автора балетной музыки и имел большой доходный дом на углу Гатчинской улицы и Большого проспекта Петроградской стороны. Его сын стал во Франции известным живописцем и до конца жизни любил писать пляжи, напоминавшие ему счастливое детство.

В Куоккале жили И. Е. Репин, К. И. Чуковский. На мызе Линтулла жил Горький. Мыза была постоянно переполнена голосистым и разношёрстным народом: родственники, свойственники, друзья и совершенно неизвестные посетители, приезжавшие в Куоккалу провести день возле гостеприимного писателя. Горький работал обычно утром, и эти часы он был невидим. После шумного завтрака вся толпа направлялась в сад, где происходили веселые игры и случались забавные ситуации. Любимый детьми и подростками Горький придумывал всевозможные затеи. Юрий Анненков вспоминает: «Мы играли в казаков и разбойников, носились

в заброшенном еловом парке, резались в лапту у сарайной стены.» Но иногда играм Горький предпочитал костюмированные развлечения. Он рядился в краснокожего, в пирата, в колдуна, в лешего, переодевался в женское платье или выворачивал пиджак наизнанку, рисовал жжёной пробкой эспаньолку или покрывал лицо ацтекской татуировкой и т. п. Горький наряжался и гримасничал с юношеским задором. К вечеру, когда жара спадала, Алексей Максимович приступал к своей излюбленной игре – в городки. Два–три раза в неделю, по ночам, на мызе Линтулла устраивались фейерверки.

Иногда бывал в Куоккале и В. Маяковский. Он снимал комнату в одной из дач, недалеко от залива. Денег было мало. По этому поводу он сам вспоминал: «Установил семь обедающих знакомств. В понедельник иду обедать к Чуковскому, во вторник – к Анненковым, в среду иду на травки к Репину...» Известна была страсть Маяковского к игре (часто это служило средством существования). Эльза Триоле справедливо рассказывала, что Маяковский, вместо того чтобы входить с людьми в деловые отношения, предпочитал играть с ними «прежде всего – в карты, потом – на бильярде, потом – во что угодно. Преимущественно на деньги.»

Все жители Куоккалы знали друг друга. Почти всегда встречались на Большой дороге (главной улице) и в чудесном общедоступном

Куоккала. Александровская улица

парке сестёр Редингер. По вечерам дачники гуляли либо по самому берегу залива, либо по бетонной дорожке, которая шла к глубине пляжа около заборов выходивших к морю дач. Было много финских и русских торговцев. Куоккала была царством детей. На пляже слышался гомон детских голосов. К морю уходили на целый день, брали с собой молоко и завтрак, пропуская обеденное время, принятое зимой в час. Игрушки, вёсла, спасательные пояса, зонты, купальные костюмы – всё это хранилось в деревянных будках на берегу. У каждой дачной семьи была своя будка. От пляжа в море шли мостки, с которых было весело кувыркаться в воду.

По воскресеньям на пляже играл оркестр. Одевались тоже весело. Д. Лихачёв вспоминает: «Приятельница моей матери Мария Альбертовна Пуни, красивая черноглазая итальянка, носила на шиколотке ноги золотую браслетку. Девочки Анненковы смущали всех, нося брюки в своём саду. Сам Корней Иванович, вернувшись из Англии, стал ходить босиком и в превосходном костюме...»

Бывал в Куоккале и совсем тогда ещё юный поэт Сергей Есенин. Вот как об этом вспоминает Юрий Анненков: «Лицо Есенина удивляло девической красотой, волосы были русые. Вместо элегантного костюма на нём была несколько театральная, балетная, крестьянская косоворотка с частым пастушьим гребнем на кушаке, бархатные шаровары при тонких шевровых сапожках. Сходство Есенина с кустарной игрушкой производило на присутствующих неуместно-маскарадное впечатление, и после прочтения стихов аплодисментов не последовало».

Было в Куоккале ещё одно развлечение. В пасхальную ночь, как и во всех русских православных храмах, разрешалось звонить всем и в любое время. Каждый непременно пользовался этим правом. На всех это производило восхитительное впечатление.

В Куоккале проживали люди разных национальностей: русские, финны-крестьяне, сдававшие дешёвые дачи, петербургские немцы, финляндские шведы, петербургские французы и итальянская семья Пуни – с необыкновенно темпераментным стариком Альбертом Пуни во главе, вечным заводилой и спорщиком, при этом он всегда и вполне искренне выступал как отчаянный русский патриот.

На благотворительных спектаклях пытались поразить неожиданностями. Ставились фарсы, шутили над всеми известными дачниками. Репин читал свои воспоминания, Чуковский читал «Крокодила», жена Репина знакомила с травами. И дети и взрос-

лые разновозрастными компаниями отправлялись в длинные прогулки.

Дмитрий Лихачёв в детстве часто проводил лето с семьёй в Куоккала, и благодаря его воспоминаниям мы можем получить полную картину дачной жизни. Примечательно одно событие, оставившее след в жизни писателя; читателям оно ярко передаёт атмосферу, которая царила в этом дачном посёлке. «Был в Куоккале один случай, который "прославил" нас с братом среди всех дачников. Ветер дул с берега (самый опасный). Мой старший брат снял синюю штору у нас в детской, водрузил её на нашей лодке и предложил прокатиться под парусом вполне приличному мальчику – внуку сенатора Давыдова. Домашний мальчик Серёжа (он впоследствии работал архитектором-реставратором в Новгороде) пошёл к своей бабушке и спросил разрешения прокатиться. Бабушка была франтиха с фиолетовыми глазами. Она спросила только – не промочит ли Серёжа ноги, ведь в лодках всегда на дне вода. Велела Серёже надеть галоши. Ветер, тихий у берега, усилился на море. Лодку погнало. Синий парус медленно наклонился и исчез. Бабушка как была в корсете с зонтиком, так и пошла по воде, простирая руки вперёд. Дойдя до глубокой воды, она рухнула. А на берегу за загородкой из простыни загорал проректор Петербургского университета – красавец Прозоровский. Он бросился её спасать. И, о ужас! – в одних трусах. А я изо всех сил побежал домой. Подбежав к даче, замедлил шаг. Мать спросила: "На море всё спокойно?" Я немедленно ответил: "На море всё спокойно, но Миша тонет". Эти мои слова вспоминались потом в нашей семье сотни раз. Они стали нашей семейной поговоркой. А в море происходило следующее. Серёжа не умел плавать. Брат приказал ему сбросить свои галоши. Но Серёжа отказывался. Ему было жалко блестящих галош. Ситуация разрешилась удачно благодаря брату. Вечером приехал отец. Брата повели на второй этаж пороть, а затем, не изменяя своим привычкам, повёл нас гулять вдоль моря. Как полагалось, мы шли впереди родителей. Встречные говорили, указывая на моего брата: "Спаситель!", а "спаситель" шёл мрачный", с зарёванной физиономией. Лето длилось бесконечно долго. И в город я возвращался каждый раз повзрослевшим. И опять "связь времён". Дачевладелец серб А. Шайкович, у которого мы снимали дачу, переводил "Слово о полку Игореве" на сербский язык. После революции он был югославским консулом в Финляндии и издал свой перевод в Гельсингфорсе.»

Так пёстро, весело, дружно протекала курортная жизнь на Карельском перешейке. Кто-то из обитавших здесь дачников довольно метко отозвался об этих местах: «Когда-то здесь была вторая Ницца». И эти слова не лишены смысла. Сегодня Карельский перешеек переживает вторую жизнь. Как и в прошлые столетия, в летний сезон здесь полно народу. Люди приезжают сюда за тем же что и наши предки много лет назад: за чистым воздухом, душевным покоем и новыми силами.

Использованы материалы:

1. Аненков Ю.П. Дневник моих встреч. – Л. : Искусство. 1992.
2. Вильё – Юсси Хукари. Воспоминания о лете в Келломяках. // Карьяла. –1970. – N25, с. 16.
3. Лихачёв Д. С. Воспоминания. М. 1999 г.
4. Пышновская О. М., Усыскин Г. С. Зеленогорск. – Л. : Лениздат, 1978.
5. Рафиков А. М. Воспоминания о Териоках (отрывки из книги) // Петербург. Курорты. – 1996.
6. Рукописный альманах К. Чуковского : Чукоккала. М.: Искусство, 1979.
7. Севастьянов В. Неизвестное об известном: Из истории Зеленогорска. // Зеленогорские вести. 1997.
8. Шмитко Н. Когда-то здесь была вторая Ницца. // Петербург. курорты. – 1995.

М. А. Логунцов

ВОКЗАЛ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Я живу в Белоострове с 1957 года и никогда не слышал о вокзале – «гранитной глыбе». Но однажды мне на глаза попала книга Е. А. Балашова «Карельский перешеек. Часть I», в которой была фотография некоего грандиозного каменного вокзала, якобы построенного в Белоострове в 1934 году.

Пытаясь прояснить ситуацию, обращаюсь к старожилам Сестрорецка. Но те сказали, что это ошибка: мол, каменного вокзала в Белоострове никогда не было. Как же не было, когда этот вокзал упомянут в старой ленинградской газете и изображен на снимке? Тогда звоню в Центральный железнодорожный музей на Садовой улице и получаю ответ, что маленькими вокзалами они не занимаются. В научном отделе ГИОПа об этом вокзале тоже ничего не слышали. Мистика какая-то...

Знакомые предложили мне просмотреть архитектурные журналы того времени, так как проекты значительных зданий проходили конкурс, который непременно должен быть отображен в специальной прессе. Добросовестно потратив три дня на эти журналы, узнаю много интересного, но о вокзале в Белоострове – ни слова.

Рассуждаю так: если в Белоострове был построен такой огромный вокзал, то должна остаться хотя бы часть фундамента. Но и этого при всем старании обнаружить не смог. И тут мне повезло: я встретился с местным жителем, Львом Васильевичем Чернышевым.

Здесь стоит сделать отступление. Дело в том, что после Великой Отечественной войны многие его жители в Белоостров не верну-

Вокзал в Белоострове. Начало XX в.

лись. Поэтому свидетелей тех событий практически не осталось. Л. В. Чернышев – одно из редких исключений.

Он подтвердил, что такой вокзал в Белоострове был, и даже показал мне его фундамент с большим подвалом.

Рассказывает Лев Васильевич Чернышев

«В 1934 году в Белоострове взамен старого деревянного железнодорожного вокзала был построен новый каменный. Вокзал был очень красивый, двухэтажный, с мраморной облицовкой. На первом этаже находились билетные кассы, буфет и киоски с мороженым, газированной водой и газетами, на втором – ресторан.

По рассказам нашей матери, на открытие вокзала должен был приехать С. М. Киров. Вокзал и прилегающие постройки были разукрашены красными флагами, все было подготовлено к встрече...»

Открытие нового вокзала было назначено на 3 декабря 1934 года. Но 2 декабря во всех газетах Советского Союза появилось:

«Правительственное сообщение.

Москва, 1– XXI (ТАСС). 1-го декабря в 16 час. 30 мин. В городе Ленинграде в здании Ленинградского совета (бывший Смольный) от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса, погиб секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП (большевиков) и член президиума ЦИК СССР товарищ СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ. Стрелявший задержан. Личность его выясняется».

(Газета «Сталинец» от 02. 12. 1934 г.)

Судя по газетной хронике, в стране наступило полное замешательство, и траурные церемонии не дали возможности провести намечаемое открытие вокзала в намеченный срок. Спустя неделю руководство железной дороги приняло решение о переносе даты.

«ИЗВЕЩЕНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ ОКТЯБРЬСКИХ Ж. Д. сообщает, что ОТКРЫТИЕ ВОКЗАЛА НА СТ. БЕЛООСТРОВ, назначенное на 3-е декабря с. г., СОСТОИТСЯ 12 ДЕКАБРЯ. Выезд из Ленинграда с Финляндского вокзала в 11 ч. 47 мин. Выданные на 3-е декабря пригласительные билеты действительны на 12 декабря.

УПРАВЛЕНИЕ ОКТ. Ж. Д., 123. 1934 г.)»

Через четыре дня та же газета писала так:

Торжество на границе

Небольшое, но знаменательное торжество происходило 12 декабря днем на самой границе Советского Союза с Финляндией. Мы очень привыкли к таким торжествам. В нашей огромной социалистической родине ежедневно почти открываются новые предприятия, новые гиганты индустрии или культуры.

На границе с Финляндией 12 декабря открыт новый только что выстроенный вокзал. Строгий, но в то же время и ласкающий глаз архитектурный стиль, спокойный, но в то же время и могущественный, вполне отображающий величие великой страны.

Открытие Белоостровского вокзала, этого нового показателя хозяйственного и культурного роста СССР, сопровождалось очень скромным торжеством. В обычно малолюдный пункт сегодня прибыло около 500 человек гостей. Зам. начальника Октябрьских ж. д. тов. Бадашев, начальник политотдела 7-го отделения тов. Савельев, работники управления дорог и политотдела 7-го отделения и другие.

Около часа дня открылся короткий митинг. С небольшим словом, посвященным значению стройки, выступил т. Бадашев. Он призвал работников вокзала к охране чистоты и порядка в новом здании, к бережливому отношению к социалистическому имуществу.

После выступления рядовых рабочих-строителей вокзала премировали 10 участников строительства.

На митинге выступавшие вспоминали безвременно ушедшего от нас тов. Кирова, вложившего немало труда и заботы в постройку Белоостровского вокзала.

Не пришлось Сергею Мироновичу повидать нового здания, ходом постройки которого он так живо интересовался.

После митинга для присутствующих был устроен банкет, затянувшийся до 4 часов вечера.»

(Из газеты «Сталинец» от 14. 12. 1934 г.)

Я отыскал газету «Сталинец» от 5 декабря 1939 г. и за подписью начальника станции Белоостров Н. И. Захарова увидел заметку:

«Советский Белоостров

«... В 1935 (опечатка, надо 1934 г. – прим. автора) на месте старой, сгоревшей хибары был выстроен новый, первоклассный вокзал, замечательное произведение советской архитектуры. Возвышаясь гранитной глыбой над невысокими соснами пограничного рубежа, прекрасное здание белоостровского вокзала как бы символизирует мощь и уверенное спокойствие нашей великой страны...»

Характерно идеологическое обоснование грандиозности постройки. Не надо забывать, что в период принятия решения о строительстве такого огромного и дорогого вокзала в СССР был голод.

«В наших условиях желательно, чтобы вокзал не только представлял собой архитектурно-техническое сооружение, но и показывал проезжающим рост, развитие и особенности района, рассказывал о крупнейших исторических и революционных событиях, происшедших в данной местности, и о том, как создавались дорога, завод или город.

Для этой цели следует использовать скульптуру, барельефы, мозаики, фрески и живопись.

Хороший почин в этом отношении сделан на новом пограничном вокзале в Белоострове (граница СССР и Финляндии), построен-

ном по инициативе С. М. Кирова. Когда поезд подходит к вокзалу со стороны Финляндии, то первое, что бросается в глаза, – это высеченный в камне большой герб СССР, которым увенчан угол здания. Кроме того, главный вход и фриз вокзала обработаны барельефами, рисующими жизнь и развитие СССР и его промышленности».

Передо мной встал вопрос: почему же никто не знает о существовавшей еще совсем недавно «огромной глыбе» – каменном вокзале Белоострова?

Собирая информацию, я пришел к выводу, что история советского Белоострова вообще известна мало.

После образования независимой Финляндии в 1918 году здесь прошла государственная граница с ее широкой пограничной полосой и своими законами; она шла по реке Сестре, протекавшей всего в 32 км от Ленинграда.

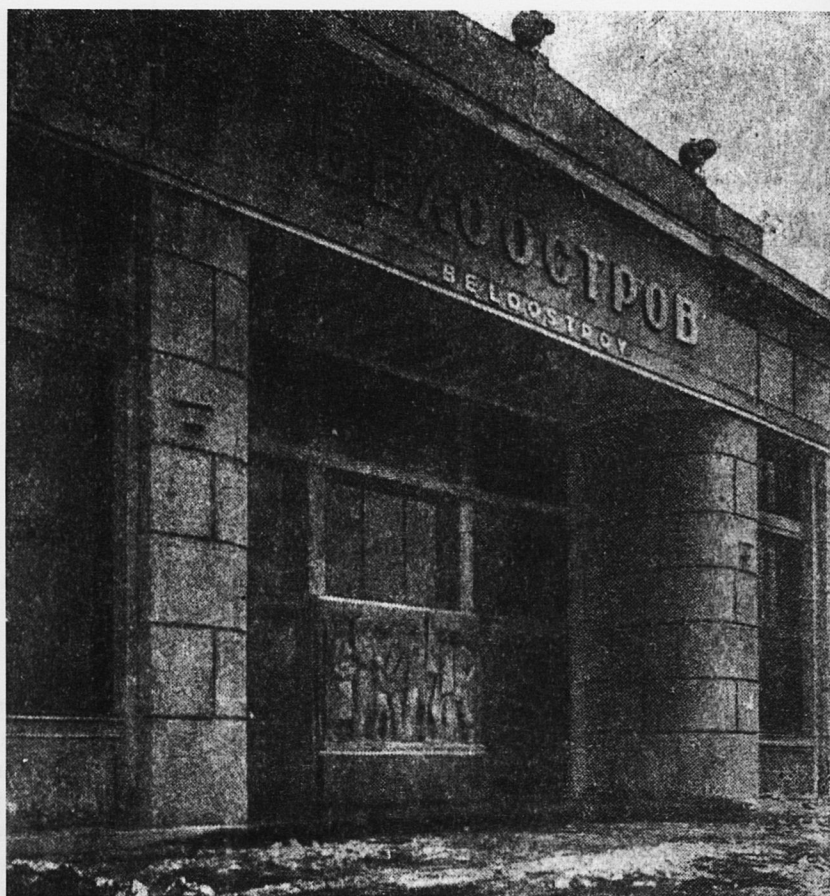
В 30-х годах вдоль всей границы начинается строительство особо секретных фортификационных сооружений Карельского укрепрайона, протянувшихся от берега Финского залива до Ладоги.

Район Белоострова был легко проходим для танков и поэтому наиболее опасным участком для возможного вторжения со стороны Финляндии. Здесь находились: железная дорога Ленинград–Хельсинки, Приморское и Выборгское шоссе. Именно в этом месте сооружались наиболее мощные ДОТы Карельского укрепрайона.

Есть свидетельства – воспоминания людей, которые в довоенное время были пассажирами пригородных поездов, следующих через Белоостров: «на участке Дибуны–Белоостров–Курорт поезд сопровождали вооруженные винтовками пограничники. Они были в каждом тамбуре вагонов и следили, чтобы по нему “не было хождения, и окна были закрыты шторами”. На станции Белоостров можно было выйти, только имея специальный пропуск для пребывания в пограничной зоне. Проверка документов осуществлялась пограничниками у выхода из каждого вагона».

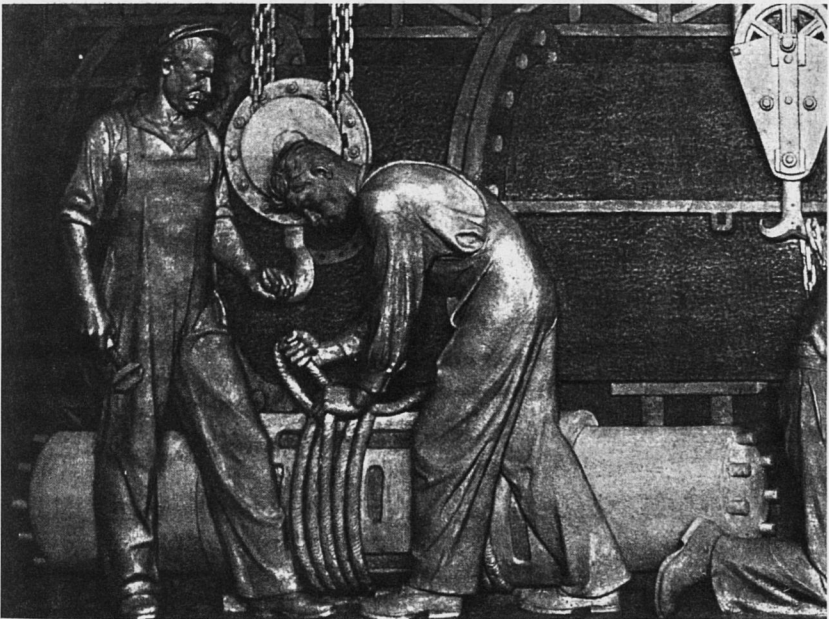
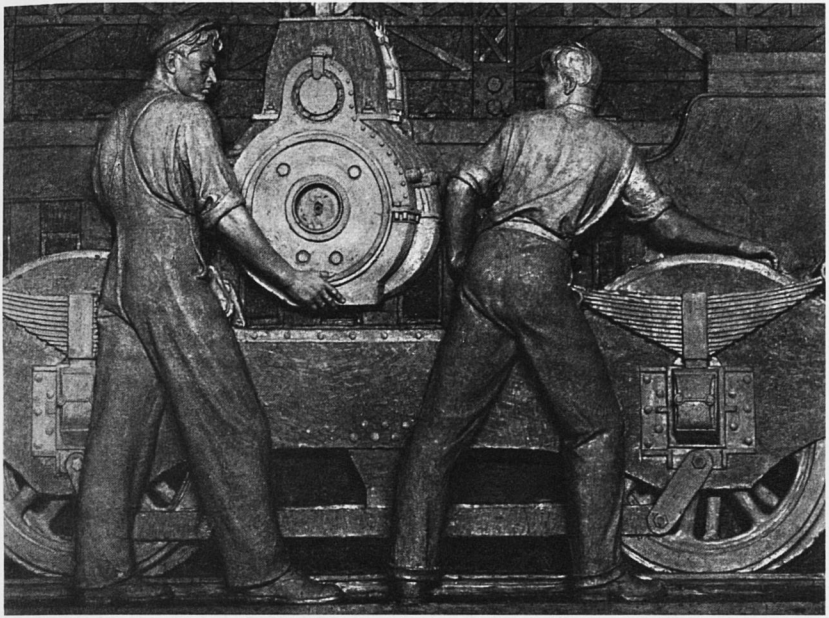
Все эти ограничения имели перед собой одну цель – не дать возможности предполагаемым врагам увидеть особо секретную зону с ее мощными ДОТами и противотанковыми рвами, располагающимися по ходу движения поезда. Даже коренные жители Белоострова от вокзала до своих домов добирались по специальной «тыловой» дороге.

В довоенное время в Белоострове был засекречен каждый метр. Вокзал, построенный по проекту архитектора А. И. Воробьева, в этом отношении – не исключение.

Здание вокзала в Белоострове. 1934 г.

Барельефы на здании вокзала в Белоострове

Редкие свидетельства того, что именно Воробьев был архитектором этого вокзала, есть в книге «Архитектура железнодорожных вокзалов» (Явейн И. Г. М. 1938. с. 270–272) и в газете «Ленинградская Правда» от 14. 12. 1934 г.

Рассказывает Галина Константиновна Кельвиняйнен, жительница Белоострова:

«Приблизительно 20 августа 1941 года наша учительница Хайна Суламифь Цезаревна обошла учеников старших классов и предложила прийти на следующее утро к вокзалу. Когда мы собрались, нам сказали, что мы должны помочь замаскировать крышу вокзала зелеными елками, чтобы враги не догадались, где он находится.

Мужчины-железнодорожники рубили елки высотой около 3-х метров вдоль железной дороги, в 500-х метрах от вокзала, в направлении станции Дибунь, а мы подтаскивали и грузили их в открытые железнодорожные платформы. Потом паровоз подвез их к вокзалу, и с помощью веревок мужчины поднимали елки на крышу».

Это было явно ошибочное решение, т. к. елки на крыше вокзала быстро высохли, и от первой же искры во время обстрела это грандиозное здание, «свидетельствующее о мощи и незыблемости молодого государства», превратилось в огромный факел.

В начале сентября 1941 года Белоостров находился в центре ожесточенных боев между финскими и советскими войсками. Четыре раза поселок переходил из рук в руки.

С 13 по 20 сентября 1941 года он был подвергнут артиллерийским обстрелам со стороны кронштадских фортов «Обручев» и «Первомайский», а также с орудий линкора «Октябрьская революция» (калибр 305 мм) и крейсера «Киров» (калибр 180 мм).

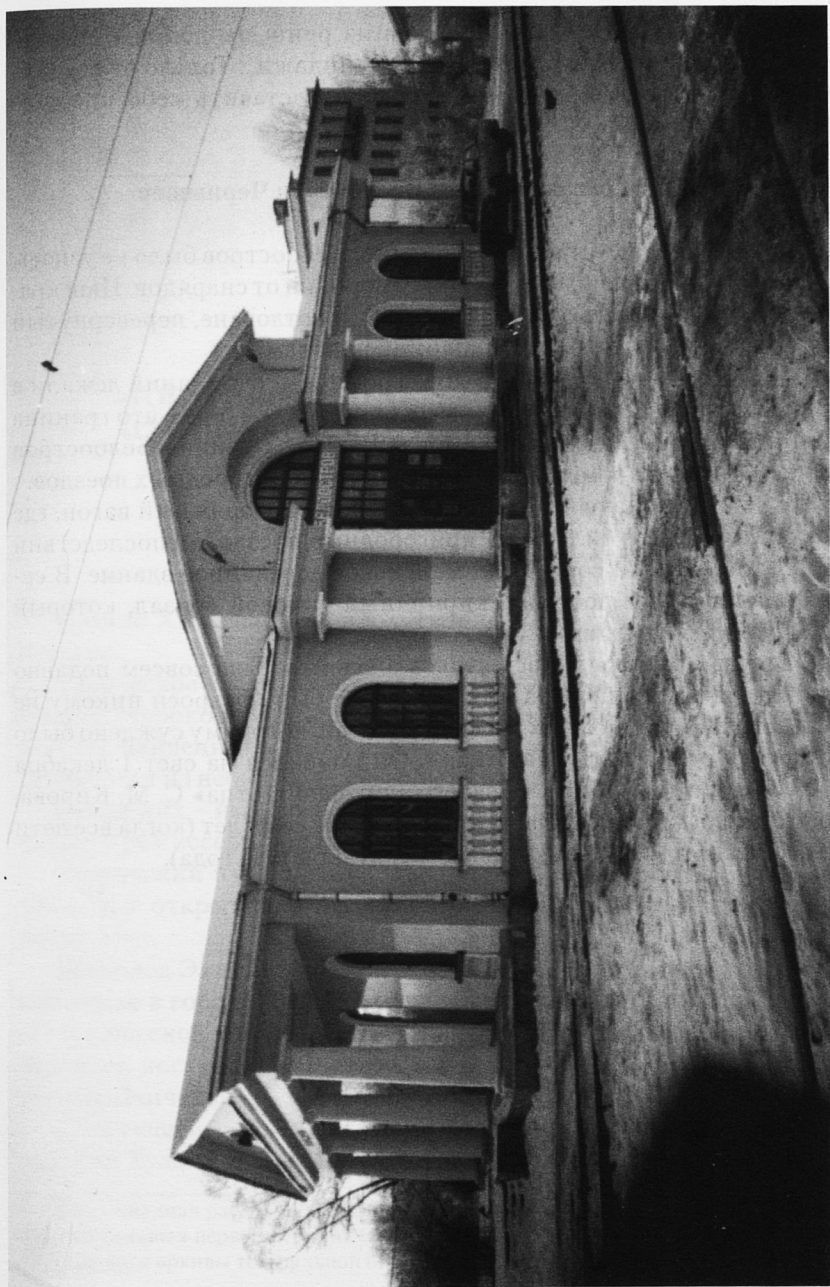
Военный корреспондент Павел Лукницкий 20 сентября 1941 года стал свидетелем самой мощной атаки советских частей на Белоостров, занятый финнами:

«...Танки с исходного положения вышли в 6 ч. 17 мин. (к Белоострову), двигаясь кильватерной колонной.

Впереди были шесть КВ, восемь Т-34, за ними двадцать легких Т-26...

Наши части, ворвавшись в Белоостров, вели бой на улицах... В полном одиночестве, хлюпая по лужам, я добрался до разрушенного, прогорелого Белоостровского вокзала».

14 июля 1944 г., после освобождения Белоострова от финских войск, Павел Лукницкий писал:

Современное здание вокзала в Белоострове

«Несуществующий Белоостров: из руин его домов и фундаментов давно сделаны дзоты, доты, блиндажи... Только от вокзала остались куски, по которым можно представить себе прежние формы здания».

Рассказывает Лев Васильевич Чернышев

«Когда мы вернулись из эвакуации, Белоостров было не узнать. Все было разрушено. Кругом зияли воронки от снарядов. Наш красивый вокзал был взорван. Он лежал в котловане, перевернутый вместе с фундаментом и расколотый пополам».

После войны 1941–1945 годов огромное число зданий лежали в руинах, и вокзал восстанавливать не стали, тем более что граница с Финляндией была отодвинута за Выборг. Станция Белоостров стала одной из промежуточных остановок пригородных поездов.

В 1945 году на рельсы поставили железнодорожный вагон, где стали продавать билеты на пригородные поезда, а впоследствии для этой же цели соорудили маленькое деревянное здание. В середине 50-х был построен кирпичный типовой вокзал, который существует и поныне.

Вот так распорядилась судьба-злодейка. Еще совсем недавно в 32-х км от Ленинграда в Белоострове был построен никому не известный грандиозный красавец-вокзал, которому суждено было прожить очень недолгую жизнь. Он появился на свет 1 декабря 1934 года, в день убийства своего «духовного отца» С. М. Кирова, и погиб, когда ему не исполнилось полных семи лет (когда все дети еще только идут в первый класс – сентябрь 1941 года).

Н. Ю. Наумкина*

«ТОВАРИЩЕСТВО АКТЕРОВ, ХУДОЖНИКОВ И МУЗЫКАНТОВ» В ТЕРИОКАХ В 1912 ГОДУ

*С большой благодарностью посвящаю
эту работу моему школьному учителю
Константину Юрьевичу Виноградову.*

Начало XX века было плодотворным для русской науки и искусства.

Творческое наследие тех лет лишь в 80–90-е годы XX столетия начали глубоко изучать; новые методы и жанры живописи, литературы, найденные в те бурные времена, живут и в наши дни. Возвращаются из небытия давно забытые имена.

Среди них – имя Всеволода Эмильевича Мейерхольда – талантливого режиссера, новатора театра, классика режиссуры.

Творческий путь Мейерхольда был сложным путем исканий, это новые открытия, а также возврат к забытым приемам постановки пьес.

Всеволод Эмильевич Мейерхольд родился в 1874 году в немецкой семье в городе Пензе. Театр был одной из немногих радостей его юношеской жизни. Уже в 1896 году Мейерхольд, бросив университет, поступает в Филармоническое училище, в класс Немировича-Данченко.

Следующей вехой биографии Мейерхольда становится Московский Художественный театр, где он серьезно знакомится с при-

---

* Олимпиадная работа по истории ученицы 10 класса 445 школы г. Зеленогорска, получившая первое место на Олимпиаде 1990 г. в г. Ленинграде. В работе использованы архивы театральной библиотеки.

В. Э. Мейерхольд

нципами натуралистического театра. Работа в МХТ примечательна еще и тем, что на примере Станиславского Мейерхольд видит, как много значит режиссура.

Но только после ухода Мейерхольда из МХТ (в 1902 г.) начнется его самостоятельный творческий путь. Период с 1902 по 1906 годы станет периодом исканий в области символизма. Мейерхольд поставит пьесы Пшибышевского, Метерлинка, Ибсена, познакомится с молодыми художниками Сапуновым, Судейкиным, композитором Ильей Сацем.

С 1906 года Мейерхольд – главный режиссер нового театра, театра Веры Федоровны Комиссаржевской.

Постановки таких пьес, как «Сестра Беатриса» Метерлинка, «Жизнь Человека» Леонида Андреева и, конечно, «Балаганчик» Александра Блока, принесут Мейерхольду известность. «Балаганчик» следует выделить особо, так как именно эта постановка начнет новый этап творческих поисков Мейерхольда.

В 1908 году Всеволод Эмильевич получил совершенно неожиданное приглашение в императорские театры: основной его задачей становится постановка спектаклей и опер в Мариинском и Александринском театрах. Работа с Комиссаржевской убедила Мейерхольда, что эксперименты на «большой» сцене с большой известной группой не проходят даром. Поэтому, когда в императорских театрах работает, ставит классические пьесы и оперы режиссер Мейерхольд, «набашне» у Вячеслава Иванова, в Доме Интермедий появляется доктор Дапертутто (везде, повсюду – *пер. с итал.*), непрестанно удивляющий публику новыми неожиданными постановками...

Таковы основные этапы творчества Всеволода Эмильевича Мейерхольда до 1912 года.

До того как восхитить читателя удивительной работой «Товарищества актеров, писателей, художников и музыкантов», следует немного рассказать о Териоках и первом знакомстве Мейерхольда с этим прекрасным уголком Российской империи.

Великое княжество Финляндское до 1917 года находилось в составе России. Границей служила река Сестра и железнодорожная станция Белоостров. Териоки и все окрестные поселки входили в состав Финляндии.

«В полутора часах езды на паровичке от столицы Российской империи, по ту сторону Белоострова, и в самом деле бытовали другие нравы, существовала иная цензура...»¹. И лишь в 1906 году «царское правительство было вынуждено узаконить автономию Финляндии...»²

Самобытная природа, целебный воздух, близость к столице, отнесенность свобода от цензурного и полицейского надзора – все это привлекало в Териоки многих людей. Сюда на лето съезжались из Петербурга огромные толпы дачников.

Многие художники, писатели, ученые имели дачи в окрестностях Териок.

Каждое лето с 1900 по 1911 год приезжал в Териоки художник Валентин Александрович Серов. Его посещали А. М. Горький, А. Н. Бенуа.

Чудесная дача Леонида Андреева, построенная по проекту архитектора А. А. Оля у Черной речки, стала «центром притяжения литераторов...»³. Сюда приезжали Вересаев, Куприн, Скиталец, Чуковский...

Всеволод Мейерхольд впервые посетил Териоки в 1907 году. Сезон в театре Комиссаржевской закончился в апреле, и у него оставалось четыре свободных месяца. Поселившись в одной из куоккальских дач, он решил продолжить статью, начатую еще в прошлом году, – «Театр. К истории и технике».

«Работа пока идет туго, но все-таки продвигается вперед. Как только дело со статьей войдет в норму, буду уметь работать систематически, не будет опасно заняться устройством здесь того, что задумал»⁴.

Что же задумал Мейерхольд? Еще ранее в письме к Веригиной он сообщил, что в Оллила организуется кружок музыкантов, который своими силами будет проводить музыкальные вечера и ставить музыкальные инсценировки. Последнее чрезвычайно заинтересовало Мейерхольда. «Искания в области музыкальной драмы» были делом новым и неизведанным, и, естественно, оно не могло не привлечь внимания Всеволода Эмильевича. Он хотел поставить «Саломею» Уайльда, «Пляску смерти» Ведекинда, «Короля на площади» А. Блока – произведения, запрещенные цензурой в Пе-

тербурге. Мейерхольд ранее уже работал над «Саломеей». Но для постановки пьесы у него не было ни своей труппы, ни помещения. И сейчас Мейерхольд обратился с просьбой к Гардину – который снял в это лето театр в Териоках – предоставить ему театр и актеров для постановки «Саломеи».

Гардин согласился, но попросил Мейерхольда поставить также пьесу Леонида Андреева «К звездам». Этой постановкой 27 мая 1907 года и был открыт театр в Териоках. Успеха пьесы «не имела ни малейшего», Мейерхольда «газеты выругали за “стилизацию”, которой в постановке не было и не предполагалось».

Вскоре Мейерхольд неожиданно порывает с Гардиным; в письме Веригиной он напишет, что «Гардин оказался человеком ненадежным. Теперь я всецело отдаю свои силы музыкальной студии».

«В Оллила мы ставили наши вечера по воскресеньям. Дела идут недурно, но утомляюсь я чрезмерно».

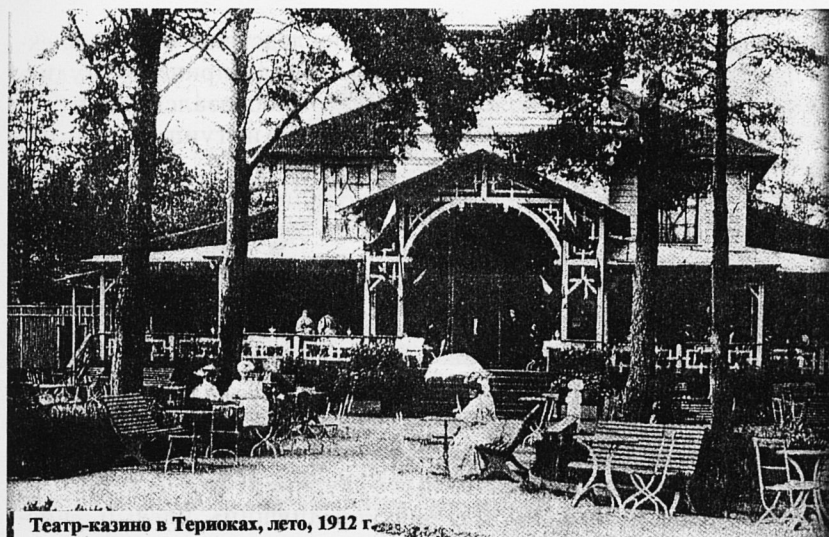
Первый вечер инсценировок состоялся 29 июня. Были представлены два романса Грига и Эренберга, инсценированные Всеволодом Эмильевичем, а также танец Саломеи из оперы Рихарда Штрауса.

Да, из всей пьесы Мейерхольду удалось поставить только танец. Да и то с этой «трудной, но в высшей степени интересной пластической задачей» исполнительница не справилась. «Саломею танцевала одна оперная певица. Танцевала неважно. Зато музыка звучала превосходно». 13 июля его студия ездила на гастроли в театр Гардина в Териоки.

«В этот день там был назначен вечер нового искусства. В первом литературном отделении участвовали А. А. Блок, С. Городецкий, С. Сергеев-Ценский, К. Чуковский и артисты. Во втором отделении выступала Оллильская музыкальная студия». Были показаны инсценировки романсов Чайковского – «Отчего» и «На nive желтые» – и танец Саломеи. Постановочной частью вечера руководил Мейерхольд.

Следующий вечер состоялся 15 июля. К нему Мейерхольд инсценировал отрывки из «Тристана и Изольды» Вагнера: смерть Изольды и грезы Тристана. Это была последняя работа Мейерхольда в Оллиле.

Мысль об организации летнего театра пришла Любови Дмитриевне Менделеевой-Блок. Как-то встретившись с Сапуновым и Веригиной в «Бродячей собаке», они долго разговаривали, строили планы на лето. Сапунов очень увлекся этой затеей и «бросил целый ряд блестящих идей». О Мейерхольде в то время никаких

Театр-казино в Териоках, лето, 1912 г.

Театр-казино.

разговоров не было. Тогда же кто-то предложил поехать в Териоки. Мысль понравилась. И однажды, уже вчетвером – Любовь Дмитриевна Блок, Пронин, Н. Бычков и В. Веригина – отправились в Териоки.

«Казино и театр в Териоках арендовал Ионкер, молодой швед, с которым Бычков и Пронин быстро сговорились. Ионкер сдал нам театр на процентных условиях...»

Труппу решили сформировать из тех актеров, кто посещал «Бродячую собаку». В нее вошли: Веригина и ее муж Николай Бычков, Александр Мгебров, Виктория Чекан, Константин Кузмин-Караваев, Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок и другие:

Пригласить Мейерхольда предложила Любовь Дмитриевна. Между тем, Мейерхольд согласился не сразу. Почти месяц актерам пришлось репетировать в Петербурге.

«Понемногу Всеволод Эмильевич все же увлекся и согласился приехать». Ему предложили очень выгодные условия: Мейерхольд мог «ставить что захочет и когда захочет». Так образовалось общество с очень длинным и важным названием – «Товарищество актеров, писателей, художников и музыкантов». Кроме уже перечисленных актеров сюда входили художники Н. Сапунов, Ю. Бонди и Н. Кульбин (военный врач, он с охотой рисовал деко-

рации к любительским спектаклям; впоследствии очень увлекся футуристическим направлением). Ю. Бонди привел в студию Кульбин. Этот молодой болезненный человек оказался талантливым художником, «его творческая энергия, его интуиция очень помогли Мейерхольду» .

Все участники «Товарищества» поселились в огромной заброшенной даче Лепони, «похожей на корабль шекспировских времен, со множеством пристроек и крытых переходов» . Актеры жили на втором этаже. Почти весь первый этаж служил гостиной. Очень часто после спектакля в гостиной ночевали петербургские гости. Здесь же, на просторной террасе первого этажа, обедали и пили чай. Обеды в большой кухне готовила повариха-финка.

Все жили в равных условиях; жалованья никто не получал, да и какое могло быть жалованье, когда сборы от спектаклей падали со 190 до 40 рублей! Финансировала все предприятие Л. Д. Блок.

Итак, Мейерхольд, в то время «бредивший» идеями «чистой» театральности и возрождения импровизации на сцене, и его верный спутник В. Н. Соловьев, превосходный знаток комедии dell' arte – итальянской комедии масок, решили поставить арлекинаду В. Н. Соловьева «Арлекин, ходатай свадеб». Поставили в форме пантомимы. Декорации написал Кульбин.

Открытие сезона было назначено на 9 июня.

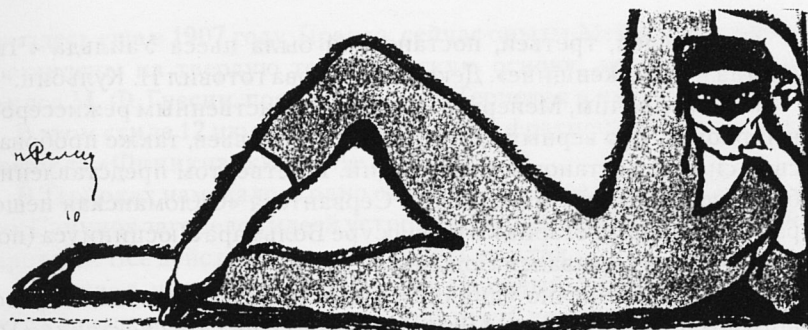
Большое желтое здание Курзала, построенное в центральной части парка (архитектор Бруни), было видно издалека. Над театром развевался флаг, разрисованный Сапуновым. Вот как описал этот флаг В. Н. Соловьев:

«На лиловом фоне – белый улыбающийся Пьеро. Брови его сдвинуты, но он весел, – складки губ образуют ироническую усмешку. Когда флаг был шит, Сапунов расписал его красками. Но краски недостаточно еще высохли, как кто-то, быть может, сам художник, задел флаг рукавом. Краски немного сдвинулись с места, исчезла ироническая усмешка и ее заменила трагическая складка губ, знаменующая страдания и предчувствия смерти».

Довольно странный флаг для, в общем-то, очень веселого божьего предприятия, однако, именно это изображение будет как нельзя более точно передавать тот дух, те настроения, которыми жили актеры на протяжении всего летнего сезона.

Но это – позже. А пока зрителей, впервые пришедших в театр, безусловно, должен был поразить вид сцены:

«Занавес полупрозрачный, подвешенный на недлинных нитях.

ТОВАРИЩЕСТВО АКТЕРОВ. ПИСАТЕЛЕЙ. МУЗЫКАНТОВ. ХУДОЖНИКОВ
ДОМЪ ИНТЕРМЕДИИ

*Эмблема «Товарищества актеров, писателей,
музыкантов, художников».*

Вместо кулис – или ширмы, или занавесы. Кулис в прежнем смысле этого слова совсем нет. Поэтому сцена большая, пол обит серым сукном». ⁵

Первый спектакль териокского «Товарищества» предваряли две речи – Мейерхольда и Кульбина.

«Речь Мейерхольда представляла собой как бы серию театральных афоризмов, облеченных в поэтическую форму...». ⁶ (Надо отметить, что Мейерхольд почти каждый свой спектакль начинал с обращения к зрителям, «приглашая их быть заодно с актерами, помогая им воображением и доброжелательными чувствами...»)

Итак, представление началось. В первой постановке, «Арлекин, ходатай свадеб», все актеры одеты пестро, за исключением Арлекина. Он был одет в черное. «Движения актеров, их мимика, жесты были легки, если можно так сказать, чеканны... Движения Арлекина развязны, задорны, не лишены фиглярства» – так описал манеру игры актеров М. Бабенчиков в московском журнале «Новая студия» (1912, № 7).

Затем была показана пантомима «Влюбленные» на музыку Дебюсси и интермедия Сервантеса «Два болтуна».

Во втором спектакле были использованы фрагменты из комедии Гольдони «Хозяйка гостиницы». В главной роли – Менделеева-Блок. Постановку предваряла речь Мейерхольда. По воспоминанию Б. Садовского, «Любовь Дмитриевна играла из рук вон плохо».

Следующей, третьей, постановкой была пьеса Уайльда «Что иногда нужно женщине». Декорации снова готовил Н. Кульбин.

Между прочим, Мейерхольд был не единственным режиссером в Териоках. Его верный спутник, В. Н. Соловьев, также пробовал свои силы в постановке интермедий. В четвертом представлении были показаны две интермедии Сервантеса «Саломанская пещера» и «Ревнивый старик» в режиссуре Вольмара Люсциниуса (под этим именем скрывался Соловьев).

Можно бесконечно удивляться неистощимой фантазии чудесного доктора Дапертутто! В тот день, когда шел 4-й спектакль «Товарищества», отключили электричество. Актеры суетились, кричали, стремясь «покорить тьму»; Мейерхольд между тем раздобыл несколько пачек свечей, поставил по бокам сцены две пустые бочки и установил на них свечи. Спектакль имел шумный успех!

Однажды, 1 июля, «Товарищество» ездило на гастроли в куоккальский театр «Прометей». Здесь были показаны пантомима «Арлекин, ходатай свадеб» и «Поклонение кресту» Кальдерона, поставленное ранее на териокской сцене.

О последней постановке хочется сказать особо.

Актеры мечтали развернуть грандиозное представление.

На даче у писательницы Крестовской (неподалеку от Черной речки) был прекрасный сад с фруктовыми деревьями и большим розарием. В этом саду имелась лестница, она начиналась от самой дачи и спускалась вниз, к полям. На этой-то лестнице ночью, при свете факелов, актеры хотели развернуть все представление. К сожалению, затее не суждено было осуществиться. Но «Поклонение кресту» Мейерхольд все же поставил.

Не знаю, наверное, в зрелищности и грандиозности эта постановка значительно уступала задуманной. Однако спектакль был, несомненно, очень интересным, как впрочем, и все, сделанное Мейерхольдом с большой фантазией и чудесным талантом.

Декорации к спектаклю были необычны: задний фон представлял собой белое полотно, на котором протянулись синие кресты. Полотно разрезано на узкие вертикальные полосы, в прорези входили и выходили актеры. В своих замечаниях к спектаклю Мейерхольд отмечал, что полотно «являлось символической границей, определявшей место действия католической пьесы от внешнего враждебного мира...»

Интересно, что в 1912 году Мейерхольд в какой-то мере продолжил искания в области пластической музыкальной драмы, нача-

тые здесь еще в 1907 году. Правда, сейчас опыты Мейерхольда уже поставлены на твердую теоретическую основу; автором теории явился М. Ф. Гнесин, поселившийся в Териоках в июле 1912 года.

В этом стиле 12 июля были поставлены фрагменты из трагедий Софокла «Финикианки» и «Антигона».

В Териоках намечалось одно очень интересное событие. Художник Сапунов загорелся идеей устроить в огромном парке северный карнавал. Все действие представлялось ему так.

Карнавал надо проводить ночью. Каждый участник должен иметь маску и костюм. Среди гостей пусть ходит один дурацкий персонаж – шарлатан, попевающий «всюду повремя».

Действие карнавала должно быть распределено по отдельным балаганам. В одном из них обещали дать настоящую испанскую драму «Сила любви и ненависти». И вот в балагане публика уже расселась по местам, все в ожидании зрелища. Время проходит, но ничего не начинается. Наконец, публике надоедает ждать, она свистит и топает ногами. Между тем, занавес поднимается, и глазам истомленных ожиданием зрителей предстанет еще один занавес; на нем нарисована физиономия с очень длинным носом и надпись:

«Вы, требующие исполнения испанской пьесы, не доросли еще до ее понимания. В награду за уплаченные в кассу балагана деньги вы можете бесплатно увидеть свое собственное изображение».

Можно представить, какой бы это вызвало эффект! Во всяком случае, план был задуман восхитительный!

Сапунов длинными белыми ночами часто беседовал с друзьями о предстоящем событии.

Северный карнавал был назначен на День святых Петра и Павла – 29 июня (по ст. ст.).

15 июня Сапунов собирался поговорить с Мейерхольдом о карнавале. Однако Всеволод Эмильевич ушел от разговора, по-видимому, его не очень-то привлекала такая идея. Сапунов грустный, в подавленном настроении, уехал в ночь с друзьями, кататься на лодках по заливу...

Многие современники описывают Сапунова как человека «жизненного», легко увлекающегося, «склонного к буффонству, ... каким-то особенным вызывающим капризам».

А между тем Сапунова постигла, по-моему, страшная для художника участь – «его признали, но не оценили». Он видел вокруг себя людей, которые хвалили его работы, а в то же время абсолютно не понимали их, не чувствовали. Это ощущение творческого,

духовного одиночества преследовало Сапунова на протяжении всей жизни.

«Сапунов вел очень рассеянную жизнь. Много пил и кутил и страдал от этого – по Достоевскому. Нисколько не хочу сказать, что художник следовал литературным образцам в своей жизни. А только то, что жизнь его было бы под силу описать Достоевскому и, пожалуй, великий романист от этого бы не отказался» .

...Сапунову не однажды было предсказано, что он утонет, и поэтому он панически боялся воды. Даже переправляться на лодке через Неву – боялся.

А тогда, 15 июня, поехал кататься...

Спаслись все, кроме Сапунова. Его тело через 11 дней вынесло на берег в Кронштадте.

Так все изменилось. Небольшой взмах руки Творца – и веселое, полное прекрасных задумок и планов летнее предприятие превратилось в грустную поминальную песнь по покинувшему этот мир странным, глупым образом.

Спектакль по пьесе шведского драматурга Августа Стриндберга «Винновны – невинновны» был поставлен к годовщине со дня смерти писателя, но в какой-то мере эта постановка была посвящена и Сапунову, о чем говорило черное траурное обрамление сцены.

Поставить пьесу предложил А. Блок.

На спектакль собралась изысканная публика, прибыла из Швеции дочь Стриндберга; ей постановка понравилась, и она все удивлялась, что пьеса не будет показана в Петербурге (по цензурным соображениям).

Перед спектаклем «Пяст прочел большую речь за черным столом перед рампой, густо заложенной папоротником». Затем начался спектакль. Вот что напишет впоследствии Блок: «...Жизнь души переведена на язык математических формул, а эти формулы, в свою очередь, написаны условными знаками, напоминающими зигзаги молний на очень черной туче» .

Интересны были декорации, выполненные Ю. Бонди. Предметов никаких не было, только ажурные экраны, изображавшие залы ресторанов, аллеи, церковь. Большое значение придавалось цветовому решению декораций и костюмов. Цвета имели свое особое значение, например, желтый символизировал грехопадение.

Свет шел откуда-то издалека, из глубины сцены, высвечивал фигуры актеров так, что они превращались в силуэты. Главные

роли в спектакле исполняли Мгебров, Веригина и Менделеева-Блок.

А. Блок был потрясен постановкой. После спектакля он сказал: «Тут Мейерхольд временами гениален».

Блок никогда не относился однозначно к творчеству Мейерхольда. Он то восхищался его новаторскими идеями, то обвинял в чрезмерной «кукольности» постановок.

Первоначальная задумка летнего театра Блоку нравилась. Но, когда в дело включился Мейерхольд, собиравшийся заниматься постановками в духе итальянской комедии масок, Блок напишет, что «вместо большого дела, традиционного, на которое никто не способен, возникло талантливое декадентское маленькое дело». Но «маленькое дело» постепенно увлекало Блока. Ему понравилась постановка и «Арлекина, ходатая свадеб» и двух интермедий Сервантеса. В то время Блок был сильно увлечен творчеством Августа Стриндберга, даже пишет две статьи, ему посвященные.

Естественно, Блоку хотелось увидеть пьесы шведского драматурга на сцене. И вот такая возможность представилась. Спектакль по пьесе «Виновны – невиновны» Августа Стриндберга имел большой успех.

Последним спектаклем териокского «Товарищества» была комедия Б. Шоу «Ни за что бы вы этого не сказали». Актеры начали репетировать сами, но за несколько дней до премьеры увидели, что получается скучно и вяло. Тогда в дело включился Мейерхольд. Он изменил текст пьесы, все декорации и мизансцены. «У всех занятых в этой пьесе осталось восхитительное воспоминание о репетициях и спектакле. Это было необыкновенно талантливо режиссерски, смело и как-то отчаянно молодо». Пьеса прошла с большим успехом.

Можно долго спорить о значении териокского предприятия в режиссерской жизни Мейерхольда. Но то, что все его творчество заслуживает огромного внимания, бесспорно.

В 1939 году Мейерхольда арестовали и в 1940-м расстреляли.

В 1955 году Всеволод Эмильевич был посмертно реабилитирован, имя его возвращено истории мировой сцены. Его театральные идеи получили широкое распространение, творческое наследие издано, изучается и живет поныне.

- 1) Театр. Журнал, 1984, № 4. О. Релиз. Летний сезон в Териоках.
- 2) Глава «Центр ближайшей эмиграции, а кн. Пышновская О. М., Усыскин Г. С. «Зеленогорск», Л., 1978.
- 3) Там же. Глава «Дачный пригород Петербурга», с. 14.
- 4) Мейерхольд В. Е. Переписка 1896-1939. – М. 1979 – 13.05.1907.
- 5) Кириллина. Репин в Пенатах. Л., 1977, с. 94.
- 6) Б. Аллерс. Искания новой сцены. М., 1985, с. 291.

Б. Е. Ривкин

ЧЕЛОВЕК–ЛЕГЕНДА

*Гвозди бы делать
Из этих людей.
Не было б крепче
В мире гвоздей.*

Эти слова В. В. Маяковского в полной мере характеризуют Семена Воскова, чье имя более 70 лет носил Сестрорецкий инструментальный завод, награжденный орденом Октябрьской революции в год своего 250-летия.

Сейчас в Сестрорецке уже не осталось тех, кто знал его лично, да и имя Воскова с каждым днем уходит в историю.

Кто же он – Семен Восков?

Восков Семен (Самуил) Петрович родился в мае 1889 года в селе Глобино Кременчугского уезда Полтавской губернии в бедной литовско-украинско-еврейской семье. Отец его был ремесленником, мать – портнихой. Когда мальчику исполнилось семь лет, умер отец. Мать осталась одна с пятью маленькими детьми. Самуила удалось устроить в школу на «казенный кошт».

Школьная муштра и зубрежка изводили мальчика, и он начал «бороться за справедливость». В результате «борца» сначала лишили «казенного кошта», а затем вообще выгнали из школы. Тогда мать, по совету родственников, отправляет сына в Кременчуг к дяде, где его устроили учеником столяра. В пятнадцать лет Семен знакомится с местными социал-демократами и начинает заниматься распространением листовок. Сначала в своей мастерской, а потом и на других предприятиях Кременчуга.

Семен Восков

Первое время шустрый курносый пацан не привлекает внимания властей, но через непродолжительное время все-таки попадает на заметку полиции. Несколько раз его арестовывают, но за малолетством выпускают. 1905 году он в очередной раз оказывается в тюрьме, уже в Екатеринославе.

Рабочие освобождают своих товарищей, и «товарищ Семен», так зовут теперь молодого революционера, переходит на нелегальное положение.

После поражения первой русской революции друзья рекомендуют ему эмигрировать в Австрию. Там Семен продолжает революционную агитацию и среди рабочих-

эмигрантов и среди австрийских рабочих. Он очень хорошо умел сходить с людьми, тем более что, кроме русского и украинского знал еще литовский и еврейский (идиш) языки. Но и в Австрии за ним следят. Опасаясь ареста местной полицией и выдачи русским властям, Семен через Турцию добирается до Америки. Имея специальность столяра и вполне приличную квалификацию, он быстро находит работу по специальности. Веселый, обаятельный, «рукастый» эмигрант и в Америке оказывается в гуще рабочих. Объединяет русских эмигрантов и создает Русское отделение Американской социалистической партии. Участвует в издании русской рабочей газеты, знакомится с руководителями «Индустриальных рабочих мира», с журналистами Джоном Ридом и Рисом Вильямсом. Его избирают секретарем профсоюзной ячейки столяров и плотников (сродни нашему обкому профсоюзов). И это эмигранта! В отличие от многих эмигрантов, особенно интеллигентов, он своими руками зарабатывает деньги на содержание семьи (в Америке Восков женился на своей землячке).

Сразу после Февральской революции Восков с семьей возвращается пароходом в Россию. Петроградский комитет большеви-

ков, учитывая большой опыт нового товарища, направляет его на Сестрорецкий оружейный завод для сплочения рабочих. В начале апреля Семен Петрович Восков был принят столяром в ложевую мастерскую.

Первомайская демонстрация сестрорецких рабочих, когда они вышли на улицы Сестрорецка с пением Интернационала, подтвердила способности Воскова – рабочего организатора и вожака (до этого рабочим гимном была «Варшавянка»).

22 мая рабочие СОЗа выбирают его председателем первого завкома (вроде недавних советов трудового коллектива), который был фактическим руководящим органом завода.

В кризисные дни июня, когда стало известно, что в Сестрорецк направляется карательная экспедиция, чтобы разгромить «Сестрорецкую большевистскую республику», Восков на многочасовом митинге (проходившем во дворе завода) уговорил оружейников не оказывать сопротивления и тем самым сохранить завод – «арсенал революции». Рабочие согласились с доводами своего председателя и успели поспрятать всё оружие, которое было у них.

Каратели, войдя в Сестрорецк, разграбили помещения всех партий, в том числе и Революционный комиссариат. Арестовав

С. П. Восков на фронте (в полушубке с белой оторочкой)

Похороны С. П. Воскова на Марсовом поле

семь человек «особо опасных руководителей» (Воскова в первую очередь), карательная экспедиция отбыла в столицу. Воскова с товарищами поместили в «Кресты», но через два дня по требованию рабочих они были освобождены.

Летом 1917 года непростая обстановка сложилась на заводе – не хватает металла и топлива. На Путиловском заводе Восков получает металл, а затем едет в Донбасс за топливом.

Позднее, оказавшись перед сенатской комиссией, Джон Рид заявил, что он неоднократно бывал на Сестрорецком оружейном заводе, и так охарактеризовал Семена Петровича: «Восков был организатором союза плотников в Америке. Восков проделал огромную работу по созданию государственного оружейного завода недалеко от Петрограда... Он – прекрасный организатор». Рида привлекала яркая фигура Воскова, рабочего-самородка, активно-го большевика, вожака рабочих.

В дни корниловского мятежа Восков принимает участие в рас-пропагандировании казачьих эшелонов под Гатчиной. 25 октября он формирует 2-й отряд сестрорецких красногвардейцев, который принимает участие во многих событиях в Петрограде.

В 1918 году Семен Восков – комиссар продовольствия Союза Коммун Северной области. Его честность и порядочность поражали многих знавших его. Р. Вильямс писал: «Когда Восков был комиссаром продовольствия, дети его ловили мух и ели их от голода». Затем Семен Петрович воюет с белогвардейцами на многих фронтах Гражданской войны. Уезжая на фронт, он сказал жене: «Если погибну, скажи детям, что отец завещал им продолжать борьбу». Семен Петрович Восков умер от тифа в Таганроге 14 марта 1920 г. Похоронен на Марсовом поле. На траурном митинге звучали слова прощания сестрорецких рабочих со своим товарищем:

*Над красным гробом коммунара
Склоните траура знамёна.
Хвала тому, кто сердцем чистым
Спаял рабочие колонны.*

Накануне 5-й годовщины октябрьской революции сестрорецкие рабочие постановили: присвоить Сестрорецкому заводу имя С. П. Воскова.

В 1925 году Ленинградский Истпарт выпустил сборник воспоминаний о нем его соратников и сестрорецких рабочих. На первой странице – посвящение: «Посвящается рабочим г. Сестрорецка». Этот сборник много лет хранился в библиотечном «спехране» и не выдавался читателям, а те экземпляры, которые были в семейных библиотечках, по-видимому «канули в Лету». Совсем недавно мне удалось приобрести экземпляр этого сборника. Но в каком виде! На одной из страниц портрет Воскова из цензурных соображений был залит чернилами.

У Воскова было четверо детей: два сына и две дочери. Старший – Виктор – погиб при испытании крылатого дирижабля. Дочь Евгения в годы Великой Отечественной войны была на

фронте переводчиком, а потом преподавала иностранный язык в школе. Даниил воевал всю войну на Балтийском флоте, а затем работал на ленинградском заводе «Электроаппарат». Он был заядлым футболистом-любителем и играл за заводские коллективы. В последние годы жизни он избирался председателем федерации футбола и хоккея г. Ленинграда.

Самая младшая дочь С. П. Воскова – Сильвия, в 1941 году с последнего курса ЛЭТИ ушла в школу радистов-разведчиков и в 1944 году погибла в тылу врага в бою с карателями.

Я верю, что пройдут годы, и мы опять вспомним нашего «товарища Семена», и он нам скажет:

*Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря!
Заглуша
поэзии потоки,
Я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.*

И. Я. Юдина

**«ПАМЯТЬ О НЕМ И СЕЙЧАС ВОЛНУЕТ»
(ИЗ ЖИЗНИ М. ЗОЩЕНКО)**

Лето 1958 года выдалось обычное питерское: холодное и дождливое. Последнее лето в жизни писателя Михаила Михайловича Зощенко. Его дом в Сестрорецке, на Полевой ул., под № 14а, среди цветущих яблонь и кустов сирени, находился рядом с Финским заливом, нашим Северным морем.

«Я всегда мечтал жить где-нибудь на берегу, совсем близко к воде, так, чтобы волны были почти у крыльца моего дома», – писал Зощенко в автобиографической повести «Перед восходом солнца».

Михаил Михайлович купил этот дом в 1939 году у Луизы Ивановны Витте, посадил сирень и яблони, выкопал колодец. Кабинет писателя находился на 2-м этаже дома. Окна выходили на север. Рядом с видом на море – комната жены Веры Владимировны. В полутемном чулане хранились газеты и книги («летняя библиотека»), на стеллажах – журналы. В кабинете у окна стоял письменный стол, слева в углу – этажерка с лекарствами, справа – кровать. Здесь Зощенко провел последние дни своей жизни.

Начиная с июля, он чувствовал себя очень плохо, почти не вставал с постели. Лекарства, грелки, кислородные подушки, врачи и медсестры, сменявшие друг друга. А когда боль отпускала, наплывали воспоминания о прожитой жизни, из глубины сознания возникали картины детства и юности, события и люди...

Детство писателя было связано с линиями и проспектами Васильевского острова, где родители снимали недорогие квартиры в доходных домах вблизи Академии Художеств. Отец – Михаил

М. М. Зоценко

Иванович Зоценко, красивый и веселый человек, был младшим художником Мозаического отделения при Императорской Академии Художеств.

«Все женщины сходят с ума от нашего папы. Это чересчур расстраивает маму», – говорила сестренка Леля. Мама, Елена Иосифовна, в молодые годы была актрисой. Она не только воспитывала восьмерых детей и вела хозяйство, но и успевала писать и печатать небольшие рассказы в газете «Копейка».

Летом детей увозили на дачу в деревню Пески вверх по Неве, недалеко от Шлиссельбурга. Избы вдоль деревенской улицы. Маленькая круглая часовенка, пристань, пыльная проселочная дорога и поле, где росли голубые, белые и желтые цветы. Днем – шумные детские игры, а по вечерам – нянькины сказки про всякую нечисть и заколдованную фею. Мир детства, в котором, как в спектакле, было начало и конец. Были в нем и свои действующие лица: родители, сестры, братья, сверстники.

После окончания 8-й классической гимназии Михаил Зоценко поступил в Петербургский университет на юридический факультет.

...Веселая студенческая семья, шумные пирушки в кругу друзей с «Гаудеамусом» и «Вечерним звоном», первые влюбленности, тайные свидания, поездки за город...

«В студенческом кителе, со стеком в руках, я иду по берегу моря. Сестрорецкий пляж. Жарко. Лето. Играет симфонический оркестр. На горячем песке расположились люди... Кругом чинно, скучно» («Перед восходом солнца»).

В мае 1914 года Зоценко за «невзнос платы» был отчислен из Университета, так как после смерти отца в 1907-м семья оказалась в тяжелом материальном положении. А осенью 1914 года, прослушав ускоренные военные курсы, уехал на фронт – началась Первая мировая война. Он участвовал во многих боях, «был ранен и отравлен газами». Предупреждая солдат об опасности во время газовой атаки, он крикнул: «Газы!.. Маски!», – но отравился сам и «заработал себе порок сердца». За боевые заслуги Михаил Зоценко был представлен к пяти боевым орденам и получил чин штабс-капитана.

В феврале 1917 года он вернулся в Петроград и был назначен комендантом петроградского почтамта и телеграфа. «С 1917 по 1920 год, за 3 года я переменял 12 городов и 10 профессий, – вспоминал Зоценко, – от агента уголовного розыска, инструктора по кролиководству и конторщика до сапожника». Эта «охота к перемене мест» происходила «не из авантюризма». Уже в молодые годы он переживал состояния «черной меланхолии», состояния тяжелой депрессии, от которой старался избавиться всю жизнь, и рассказал о пути этого избавления в «Повести о разуме».

В мае 1920 года Зоценко женится на Вере Владимировне Кербиц-Кербицкой. А в 1921-м в жизни Михаила Михайловича произошли два радостных события: родился сын Валерий, которого он нежно называл «Валичка», и в издательстве «Эрато» вышла первая книга молодого писателя «Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова».

Началась профессиональная литературная работа. Еще в 1919 году Зоценко вошел в литературное объединение «Серапионовы братья», познакомился с Горьким, Блоком, Гумилевым и другими известными литераторами. Он переехал в центр города в общежитие Дома Искусств на набережной р. Мойки, а затем в большой пятиэтажный дом под № 9 на канале Грибоедова. «Писательский», – так называли этот дом ленинградцы.

В неустроенном голодном Петрограде пришла к нему литературная слава. Здесь Зоценко создал свои лучшие рассказы и повести, фельетоны и переводы, театральные пьесы. К середине 20-х годов популярность его не знала границ. Как говорил К. Федин,

«этот человек... как в сказке, получил признание и в литературной среде, и в совершенно необозримой читательской массе. Он действительно проснулся в одно прекрасное утро знаменитым». Его юмор пришелся по душе широчайшей аудитории. Герои рассказов Зоценко встречались везде: на улице и в театре, в бане и на вокзале, среди знакомых и незнакомых людей. «Мне хочется передать нужный мне тип, тип, который почти не фигурировал раньше в русской литературе... Нельзя писать так, как будто в стране ничего не случилось», – говорил Зоценко. Более того, писатель жил в окружении своих персонажей. «Как-то летом в середине двадцатых годов я пошел разыскивать его жилье в Сестрорецке (он жил в какой-то слободе на окраине), – писал К. И. Чуковский. – День стоял жаркий, и все обитатели были на улице или за низкими заборами своих чахлах садов. То и дело до меня доносились обрывки их криков, перебранок и мирных бесед, и меня поразило, что все эти люди, и мужчины, и женщины, изъясняются между собою по-зоценковски».

С 1922 года семья Зоценко каждое лето снимала дачи в Сестрорецке. Первая дача была вблизи Финского залива, в том месте Сестрорецка, которое раньше называлось Ермоловкой. В конце этой улицы была платформа Ермоловская. Они занимали маленькую комнатку, бывшую людскую. А «Михаилу мы с Ольгой устроили “кабинет” в бывшей ванной комнате, – вспоминала Вера Владимировна. – Ольга притащила досок, положила их на ванну, набили матрасник сеном – и во время своих довольно частых приездов Михаил помещался в этой “ванной”, в которой он написал свою “Козу”. Это известное произведение писателя впоследствии вошло в книгу “Сентиментальные повести”, также как и другие, написанные в Сестрорецке: “Сирень цветет”, “О чем пел соловей” “Страшная ночь”».

С 1923 по 1930 год снимали дачи на Литейной улице (район ул. Токарева) и на Гагарке (дома не сохранились). И. Слонимская вспоминала: «...Как-то летом... приехав к брату на дачу в Сестрорецк, я встретила в Дубках Зоценко. Он мне обрадовался и, как это ни странно, повел к себе на дачу. Жили они на Литейной, снимали маленькую мансарду».

В 1926 году Михаил Михайлович лечился и отдыхал в Сестрорецком Курорте. В своем дневнике Вера Владимировна писала: «16/VIII – 26. Через 2 дня Михаил пришел из Курорта. Опять был недовольный и пасмурный. Жаловался на сердце, главным обра-

зом». А в августе 1927 года Зоценко «...ходил с Чуковским к Лунначарскому в Курорт. Познакомился с ним. Говорит – довольно милый, интеллигентный старик. Одет барином – на европейский манер».

У Зоценко в Сестрорецке бывали К. Федин, М. Слонимский. Но чаще всех он встречался с К. И. Чуковским, который тоже снимал здесь дачи или приезжал отдыхать в Сестрорецкий Курорт. Чуковский вспоминал: «Как-то, когда мы сидели с ним на скамейке в Сестрорецком Курорте “на музыке”, подошла к нему какая-то застенчивая милая женщина и стала выражать ему свои нежные читательские чувства. Зоценко не дослушал ее и сказал ей: “Вы не первая совершаете эту ошибку. Должно быть, я действительно похож на писателя Зоценко. Но я не Зоценко, я – Бондаревич”».

Несмотря на свою популярность, Михаил Михайлович всегда оставался скромным, немного застенчивым и деликатным человеком. В. Каверин писал: «...Он был полон уважения к людям и требовал такого же уважения к себе». Однажды Зоценко предложил: «Не худо бы и на каждом человеке написать: “фарфор – легче!”». У него всегда была мечта о чуткости, доброжелательности в человеческих отношениях. Видя человеческие пороки, Зоценко постоянно мечтал об идеале, мечтал о том, как должны строиться человеческие взаимоотношения: будьте вежливы, терпимы, улыбайтесь друг другу. Ибо поведение человека определяет внутреннюю и внешнюю политику страны, государства. Не торопитесь, не нервничайте, учитесь управлять собой, и вы продлите свою жизнь. Об этом и многом другом рассказал писатель в научно-художественной повести «Возвращенная молодость», которую закончил в Сестрорецке.

«Последние страницы я дописываю в Сестрорецке 9 августа 1933 года. Я сижу на кровати у окна. Солнце светит в мое окно. Темные облака плывут, собака лает. Детский крик раздается. Футбольный мяч взлетает в воздух. Красавица в пестром халате, играя глазами, идет купаться... В саду скрипнула калитка. Маленькая девчурка, как говорит мой друг Олеша, похожая на веник, идет в гости к моему сыну. Благополучие и незыблемость этих вечных картин меня почему-то радуют и утешают». Эти строки были написаны в доме на Полевой улице под №16 (не сохранился), где с 1931 года в течение восьми лет Зоценко снимали дачу. В этот период Михаил Михайлович много работал над циклом рассказов для детей: «Леля и Минька», «Рассказы о Ленине».

Зоценковские чтения в Сестрорецке. 2005 г. Артист Юрий Томашевский читает рассказ М. М. Зоценко

В феврале 1939 года Михаил Зоценко был награжден орденом Трудового Красного Знамени. А в июне того же года купил дачу на Полевой улице, д.14а. В этом доме его застала война. В октябре 1941-го Зоценко был эвакуирован на самолете в Алма-Ату и там до весны 1943 года работал в сценарном отделе студии «Мосфильм».

В послевоенные годы Михаил Михайлович работал в Сестрорецке над переводами финских и шведских авторов. В 1951 году в издательстве Карело-Финской АССР вышли две повести М. Ласила «За спичками» и «Воскресший из мертвых». Имя переводчика не было указано.

Самыми трагическими в его жизни стали 1940–1950-е годы. В 1946 г. в Смольном при запуганном молчании ленинградцев – членов Союза Писателей – Зоценко был назван «пошляком» и «подонком», исключен из Союза. Его перестали печатать, окружили стеной молчания, лишили продовольственной карточки. Вокруг Зоценко образовалось «блокадное кольцо». Многие из его друзей отступились, предали его, делали вид, что никогда с ним не встречались.

Е. Юнгер вспоминала: «В сорок шестом году, после постановления о журналах “Звезда” и “Ленинград”, как-то я встретила его на

Невском и кинулась к нему. Скользя безучастным взглядом, не обратив на меня ни малейшего внимания, он прошел мимо. Смуглое лицо его еще больше потемнело, показалось мне совсем черным... Я побежала за ним, схватила его за руку: «Михаил Михайлович, вы меня не узнаете?» Мягким неторопливым движением он освободился от моей руки: «Разве вы не знаете, Леночка, что нельзя ко мне подходить? Почему вы, увидев меня, не перешли на другую сторону?» Я еле удержалась, чтобы не зареветь. Снова крепко схватила его под руку и выпалила, словно боясь, что он сейчас исчезнет, что провожу его, куда бы он ни шел».

М. Зоценко умер в 1958 году, а в 1981 году умерла Вера Владимировна, а в 1986-м – сын Валерий Михайлович Зоценко. Давно нет и дома писателя на Полевой улице. Он сгорел в 1991 году. Изменился Сестрорецк. Выросли новые дома. Появились новые улицы. Но память о Михаиле Михайловиче Зоценко, писателе, чья жизнь более 30 лет была связана с нашим городом, жива в сердцах людей. Имя М. Зоценко носит Центральная библиотека, находящаяся на ул. Токарева, д. 7. Здесь открыта постоянно действующая музейная экспозиция «Жизнь и творчество М. Зоценко». В экспозиции –

Памятник М. М. Зоценко у Сестрорецкой Центральной библиотеки

личные вещи писателя, журналы 1920–1940-х годов из его библиотеки, план земельного участка, макет его дачи (арх. С. Самусенко), фотографии. С 1994 году в библиотеке ежегодно проходят Зощенковские чтения, на которые съезжаются известные литературоведы, писатели, артисты. Постоянными участниками чтений стали З. Б. Томашевская, С. М. Хентова, Д. А. Гранин. А на могиле М. Зощенко в 1995 году установлен памятник, выполненный скульптором В. Онежко. На скамье сидит Михаил Зощенко – нога на ногу, изящный поворот головы. И в памяти возникают его строки: «Мне приходят на ум прощальные стихи. Нет, я, быть может, пронесу их когда-нибудь в дальнейшем, когда буду прощаться... со всей жизнью:

*Вот что прекрасней всего из того, что я в мире оставил:
Первое – солнечный свет, второе – искусство и разум...»*

И. А. Снеговая

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Семь лет назад, 30 сентября 1999 года, умер Дмитрий Сергеевич Лихачев, блестящий ученый, академик, первый Почетный гражданин Санкт-Петербурга, автор 500 научных и около 600 публицистических трудов. В этом году мы отмечаем его столетие.

В день празднования 300-летия Санкт-Петербурга В. В. Путин, говоря о трех веках петербургской культуры, назвал три имени, которые эту культуру определяют: Петр I, А. С. Пушкин и Д. С. Лихачев.

Действительно, Лихачев, родившийся в 1906 году и умерший в 1999-м, своим обликом и деятельностью по праву законного наследника завершил путь целого литературного круга. Это был настоящий русский интеллигент, подвижник, чьи идеи, продолжая традицию, уходят в будущее, касается ли это науки, культуры или принципов жизни порядочного человека.

Академик Лихачев – это целая эпоха

Его детство совпало с Серебряным веком, юность пришлось на революционные годы, молодость была трагически задета сталинскими репрессиями, зрелость – ленинградской блокадой, а долгая и мудрая старость совпала с серьезными переменами в стране.

«Человек – это стиль», – любил говорить Д. С. Лихачев. Он сам воплощает тип петербургской культуры во всей ее изысканной простоте и целостности.

Жизнь его связана с Карельским перешейком очень тесно. Детство он провел в Куоккале (нынешнее Репино), в 1915 году жил в

Д. С. Лихачев

Келломяках (ныне Комарово), с 1996 года в Академическом поселке Комарово и похоронен в Комаровском некрополе.

Лихачев, столько сил отдавший сохранению русской культуры, хорошо осознавал значение Карельского перешейка в развитии искусства.

Мы публикуем отрывок из его «Воспоминаний», воскрешающий дачный быт русской интеллигенции начала XX века в Куоккале.

Берег левый – берег правый

Правый и левый (южный) берега Финского залива резко расходились по своему значению. На южном (левом) берегу располагались дачные места, где в окружении исторических дворцов жили по преимуществу художники с ретроспективными устремлениями (вся семья Бенуа – Николай, Леонтий, Александр; семья Кавос; Е. Е. Лансере, К. А. Сомов, А. Л. Обер, бывал С. Дягилев и другие). На северном (правом) берегу Финского залива располагались дачные места, где жила по преимуществу интеллигенция, склонная к творческому бунтарству. В Дюнах жил В. Б. Шкловский. В Куоккале были репинские «Пенаты», вокруг которых группировалась молодежь, жил К. И. Чуковский, были дачи семей Пуни и Анненковых (Анненковы жили на Средней дорожке и дружили с семьей сенатора Сергея Валентиновича Иванова, с которыми мы были общие друзья), жил Горький, Кульбин, один год жил А. Ремизов, в пансионате около «Мельницы» на Сестре-реке. Взрослые и подростки устраивали празднества, спектакли, писали озорные стихи и пародии. В Театральном театре работали В. Э. Мейерхольд, Н. Н. Сапунов, Л. Д. Блок. Нельзя и перечислить всего того, чем примечательны в интеллектуальной жизни России северные дачные места Финского залива.

Жизнь дачной местности летом была совершенно непохожа на современную. Дачники постоянно общались, ходили друг к другу в гости, обсуждали все новости – как газетные, так и местные. Каждый заботился о своей репутации, о том, что о нем говорят. Наряжались не только для того, чтобы похвастаться своей портнихой, но и чтобы создать «свой образ». Мария Альбертовна Пуни одевалась экстравагантно, другие – подчеркнуто скромно или строго – в аристократическом вкусе.

Все это создавало культуру. Культура дачного общества была повторением русской культуры в целом, но в меньшем масштабе. Она носила разговорный характер. Мнение каждого вырабатывалось в беседах с друзьями, иногда в спорах, которые не вели к вражде, но создавали интеллектуальную индивидуальность каждого.

Станция Куоккала

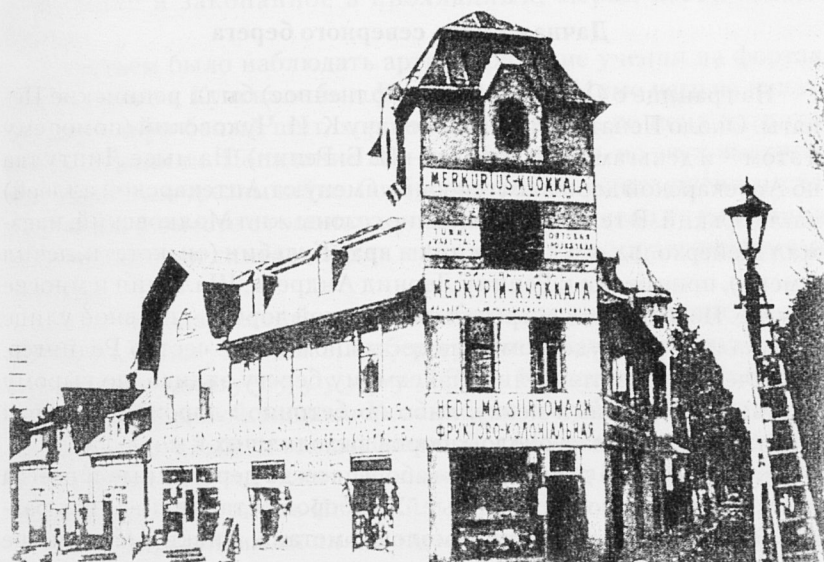
Папу из города встречаем всей семьей.

Мама с куоккальскими дамами сидит на скамейке, а я, как обычно, хожу, балансируя, по рельсине. Рельсовый путь уходит в бесконечность – к Петербургу, откуда должен на поезде приехать отец. Он привезет павловскую гигантскую землянику или еще что-нибудь вкусное, а иногда игрушку: серсо, игрушечную парусную яхточку, заводной паровозик (играть в воде мне особенно нравилось, и сохранилась даже фотография – я на море, по щиколотку в воде, в панамке и коротких штанишках, а у ног парусная игрушечная лодочка).

Жду, смотрю вдаль. И вот появляется мой «человечек»: пузатенький, с большой головой, в юбочке и курит. Это паровоз поезда. Круглое туловище – это котел. Большая голова – труба с растреском, она дымится. А странная юбочка (паровоз, несомненно, муж-

Станция «Куоккала»

Привокзальная площадь в Куоккале

чина, господин) – это предохранительная сетка, расширяющаяся книзу, к рельсам.

Приближается. Тонко, на заграничный лад, свистит (русские паровозы гудят басом, как пароходы). Потом подкатывает, работая колесами (любимая игра детей моего, пятилетнего, возраста – изображать собой паровоз, двигая локтями, как поршнями). Тянутся вагоны – синие, зеленые и красные, но значение цветов другое, чем русских. Сейчас я уже точно не помню. Кажется, синие вагоны – первого класса. Из синих вагонов выходят первыми финские кондукторы в черной форме, становятся у лесенки и помогают пассажирам выходить. Появляется отец и, целуя маму, рассказывает, с кем ехал. Однажды в окне вагона мне показали барона Мейерхольда, он ехал дальше, в Териоки. Чудится, что я его запомнил, и запомнил именно как барона. Как барона его знали и средние дачники – инженеры, чиновники. Другие дачники и зимогоры были художниками: Пуни, Анненковы, Репины и другие. Почему-то они представлялись мне другой породы – итальянцами, брюнетами, заводилами разных забав. Постепенно все разъезжаются на финских двуколках. Несутся двуколки с быстротой ветра, а если пассажиров несколько, финн-хозяин стоит на оси колеса и управляет с ловкостью циркача. Но главное – скорость.

Дачная жизнь северного берега

На границе с Оллилой (ныне Солнечное) были репинские Пенаты. Около Пенат построил себе дачу К. И. Чуковский (помог ему в этом – и деньгами, и советами – И. Е. Репин). На мызе Линтулла по Аптекарской дорожке (теперь ее именуют Аптекарской аллеей) жил Горький. В те или иные летние сезоны жил Маяковский, наезжал Мейерхольд, жил художник и врач Кульбин (он, кстати, лечил и меня), приезжали к Репину Леонид Андреев, Шаляпин и многие другие. Некоторых я встречал на Большой дороге – главной улице Куоккалы – и в чудесном общедоступном парке сестер Редингер. По вечерам мы гуляли либо по самому берегу залива, по сырому укатанному волнами песку, либо по бетонной дорожке, которая шла к глубине пляжа около заборов выходивших к морю дач.

Куоккальские дачи имели заборы всегда деревянные и всегда различные, пестро окрашенные. У заборов останавливались разносчики и финские возки: «молоко, метана, ливки» (финны не могли произносить два согласных звука в начале слова, только второй – *прим. ред.*). Разносчики часто бывали ярославцы, торговавшие зеленью, булками, пирожными. Корзинки с товарами носили на голове, подкладывая мягкий круг. Цыгане били в котел и кричали: «Лудить, паять...» – и еще что-то третье, что – я уже забыл. За пределами дачной местности часто стоял цыганский табор. Работали честно и честно возвращали заказы.

Пляж

Самые счастливые воспоминания детства связаны у меня с пляжем в Куоккале. Как вчерашние, я помню дни, с утра проведенные на пляже у своей будки. Эта будка была непременной принадлежностью сдаваемых дач. Дача сдавалась только целиком. По комнатам нанимать или сдавать дачу никому еще не приходило в голову.

И вот весной, как только дачники переезжали на нанятую ими дачу, хозяин водворял будку на воз и вез ее на пляж, где вместе с моим отцом они выбирали место для «нашей» будки. Часто будок было так много, что их выстраивали в два ряда (естественно, что в менее удобном втором ряду ставились будки поздно переехавших на дачу).

В будке хранились шезлонги, купальные костюмы, игрушки.

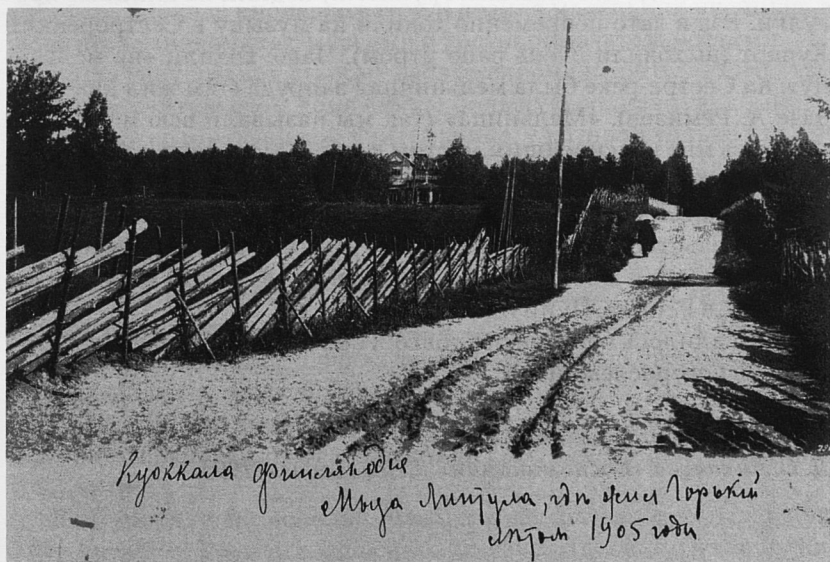
В 12 часов на пляже мы пили молоко, принесенное утром

в бутылке и закопанное в прохладный, сырой песок позади будки.

Счастьем было наблюдать артиллерийские учения на фортах. Ближе всего к Куоккале был форт Тотлебен. Мимо него на канате буксир тянул белый щит, хорошо нам видный, по нему артиллеристы стреляли. Попадание нам не было видно, но звук выстрела мне нравился чрезвычайно. Он был несколько приглушен и растянут водой и вместе с гомоном купающихся создавал ту симфонию звуков, которая сливается для меня со звуковыми ассоциациями детства.

Если погода безветренная, особенно утром – в предвещии жары, то, прислушавшись, на берегу можно было слышать как бы басовитые гудки: у-у-у, у-у-у, у-у-у! Это в Куоккале слышен на пляже звон большого колокола Исаакиевского собора. Звонят во все колокола, но слышен только большой, самый большой в городе. И в определенный час, пока еще пляж не наполнился людьми, мы бегали к морю послушать Исаакий.

По воскресеньям на пляже где-нибудь играл оркестр: это означало, что было благотворительное представление. Представления были и в куоккальском театре. Небольшой оркестрик из четырех

Мыза Линтула в Куоккале

отставных немецких солдат ходил по улицам Куоккалы, останавливался перед какой-нибудь дачей и начинал играть – начинал с «Ойры», любимой финнами песенки. Если им махали рукой, они прекращали игру, но часто мы просили их записать – в какой день прийти играть танцы на дне рождения или на именинах, когда собирались дети со всей округи.

В дни рождения и именин детей обычно иллюминировали сад китайскими фонариками, обязательно жгли фейерверк; впрочем, Горький на своей даче зажигал не только фейерверки, но и просто костры без всякого повода. Он любил огонь.

Царство детей

Куоккала была царством детей. Интересы детей, их развлечения господствовали. Взрослые с удовольствием принимали участие в детских играх. Дух озорства проявлялся в местном театре, где выступал иногда и Маяковский, читали Репин, Чуковский, Кульбин, ставились подростками фарсы. Мальчишки пели озорные песни про пупсика, «большую крокодилу», матчиш.

И дети, и взрослые (иногда вместе, разновозрастными компаниями, а иногда небольшими группами) ходили на длинные прогулки. Раз в лето непременно ходили на музыку в Сестрорецкий Курорт (выходили очень рано утром). Чаще ходили «на мельницу»: на Сестре-реке была мельничная запруда (там жил как-то на даче А. Ремизов). «Мельница» (так мы называли всю местность) казалась мне красивейшим местом в мире. Молодежь ездила туда компаниями на велосипедах.

Вот в этой обстановке расцветала озорная живопись, озорное сочинительство (пьес и стихов), по преимуществу для детей. Без этого детского и юношеского озорства нельзя понять многое в Чуковском, в Репине, Пуни и Анненкове.

Лето длилось бесконечно долго. И в город я возвращался каждый раз повзрослевшим.

Материал подготовлен по книге

Д. С. Лихачева «Воспоминания», СПб, «Logos», 1995.

Н. А. Нарышкина

СЕСТРОРЕЦК МОЕГО ДЕТСТВА

*Посвящаю моей дорогой бабушке –
Пелагее Петровне Нарышкиной*

Учительницей младших классов в 3-й Сестрорецкой школе была до войны моя бабушка, Пелагея Петровна Нарышкина. А мама, Мария Владимировна Нарышкина, училась в университете, работала в школе пионервожатой и возила маленьких учеников в Ленинград знакомить с музеями и достопримечательностями.

Когда бабушке как старому заслуженному педагогу РОНО выделило в учительском доме самую большую солнечную комнату, она отдала ее молоденькой учительнице, у которой только что родился ребенок: «Ей нужнее». В молодости бабушка входила в толстовскую общину и многое из принципов толстовцев сохранила навсегда.

Из эвакуации мы вернулись в марте 1944 года. В дом на Зоологической улице, где до войны жила бабушка, попала бомба. И теперь среди развалин шелестели обгоревшие листья маминных студенческих лекций, торчала черная чугунная сковородка.

Мы остались жить в Ленинграде, но бабушка так скучала по Сестрорецку, что мама стала снимать там комнату на лето. Приезжали мы рано, в канавах еще лежал снег, пахло прошлогодними листьями.

Воду носили из колодца, наворачивая на вал громыхавшую цепь с ведром. Ходили в керосиновую лавку, готовили на керосинке или примусе, который из-за маломерности комнатушки некуда

*Н. А. Нарышкина
с бабушкой Пелагеей Петровной*

было ставить. Тогда отворачивали матрас на кровати, и так готовили обед.

Первый раз мы приехали в Сестрорецк «на дачу» в мае 1945 года. Мне было пять лет, цветы Иван-чая в Дубках были выше меня. За вал на Дубковском шоссе ходить воспрещалось, на куске фанеры было написано: «Запретная зона» (все еще оставались мины).

От вала мы сворачивали к заливу. Такого песочка, белого, шелковистого, мне потом никогда не приходилось встречать, даже на Черноморском побережье. Доходили до Курорта. По берегу залива высились сосны с темными кронами и

красными от закатного солнца стволами. Детишки бегали по мокрым песчаным отмелям, стараясь запечатлеть на них свой след, но вода тут же смывала отпечатанные ребячьи пятки.

Курзал Курорта был разрушен, но его деревянный остов по-прежнему красовался ажурной резьбой балконов и веранд; шумели заросшие тенистые аллеи. Веяло грустью покинутости и таинственностью утраченной красоты.

Несколько раз вечером, когда было уже совсем поздно, мы видели, как на пляж вывозили инвалидов войны, совсем еще молодых парней, но у них не было ни рук, ни ног. Они радовались морскому воздуху и водичке. Страшно было смотреть на такое.

Война все еще напоминала о себе: воронки вместо домов, доты, дзоты, совсем рядом с Сестрорецком нередко рвались мины. Пленные в пятнистых маскхалатах убирали завалы. Во дворах то и дело находили осколки снарядов.

На улицах бабушку часто останавливали ее бывшие ученики. Она называла их всех по именам. Позади испытания войны, потери, а старая учительница в белой панамочке помнит все детские

шалости и успехи своих питомцев. Я держала бабушку за руку, ощущая то поле уважения и добросердечия, которое исходило от этих встреч.

Сохранились в памяти некоторые имена и фамилии бабушкиных коллег, учителей младших классов: Наталья Андреевна Стычкова, Анна Андреевна, Ева Яковлевна – приветливая старая женщина, которая жила на Дубковском шоссе. Эти учителя принадлежали к прежнему поколению: у них не было ни маникюра, ни накрашенных губ, ни золотых перстней, но лица их, строгие и светящиеся, напоминали иконы, столько в них было терпения и милосердия.

Бабушка не могла без своих бывших коллег, у нее с ними было много общих дел, общее призвание, и она часто навещала дом, где жили учителя. Его называли «черный дом» – почерневший от времени, бревенчатый, двухэтажный. Кончилось тем, что учительницы перевезли нас к себе. Когда в воскресенье приехала мама, то комната, которую она нам сняла (и гордилась тем, что сняла теплую комнату), оказалась пустой: «Съехали», – отрезала хозяйка. Мама переживала из-за теплой трубы в той комнате и пропавшего задатка. Но в «черном доме» было тепло верных друзей, и задаток был не нужен.

Сестрорѣцъ - Sestroretsk
Зоологическая улица - Rue Zoologique.

Сестрорецк. Зоологическая улица

Дом стоял во дворе за школой, недалеко от железнодорожного полотна. Из Ленинграда в Сестрорецк ходили тогда паровозы. Когда они приближались, выходила дежурная с выгоревшим флажком. В воскресенье я встречала маму, вглядываясь в окна всех проезжавших мимо составов, прежде чем вдруг в рассеивавшихся клубах пара не увижу идущую по перрону и улыбающуюся мне маму.

Когда сейчас, столько лет спустя, я слышу песню «Стою на полустаночке...», у меня перед глазами встает насыпь за «черным домом», которого уже давно нет, кусты бузины и перрон Сестрорецкого вокзала с фигурами встречавших, напряженно всматривавшихся в бегущую ленту железнодорожного полотна.

В учительском доме, где мы теперь жили, пахло прогретыми солнцем бревнами и было очень чисто: пол длинного коридора был почти всегда влажным, так как его постоянно мыли. Люди жаждали красоты и не жалели на нее времени и сил. В коммунальных кухнях на грубых деревянных полках висели трогательные бумажные занавески с фестончиками. Перед домами разбивали клумбы. В некоторых палисадниках рос душистый табак, и вечером от него струился сладкий дурмящий запах. Чаще же высаживали ноготки или настурции. Они желтели огненными пятнами в больших тумбах-вазах на вокзале, перед административными зданиями, в сквере напротив школы.

Самые красивые клумбы были перед заводом им. Воскова. Вообще это место очень живописное: чугунная ограда завода, шоссе, по которому неслись машины в Ленинград, озеро Разлив, темно-синее, иногда свинцовое, казавшееся морем. То, что Инструментальный завод был основан Петром I и имел славную историю – здесь работал знаменитый оружейник, изобретатель русской трехлинейной винтовки С. И. Мосин, рабочие завода ковали победу в годы Великой Отечественной войны, – знали в Сестрорецке все, от мала до велика. На заводе выполнялись и высокохудожественные изделия, не уступавшие по мастерству изделиям легендарного Левши: именно здесь сделаны уникальные весы для развески золота, «папинова машина»* по чертежам М. В. Ломоносова и знаменитая серебряная рака Александра Невского.

После окончания смены в заводской двор высыпали «фабричные девчонки», о которых так тепло напишет в своей пьесе

---

* Агрегат для химических опытов.

А. Володин. Они были с засученными рукавами, в парусиновых тапочках. Завидев меня, улыбались. Одна из них наклонилась ко мне: «У тебя глазки черные, ты их не моешь?» – и поцеловала. А потом как будто застеснялась и убежала. Многие из этих девушек пришли на завод из детских домов и не знали материнской ласки.

На заводе открыли библиотеку, в клубе устраивали танцы, слышалась музыка, на гармонии играли «Ой, рябина кудрявая, белые цветы».

Возвращаясь, мы с бабушкой садились на ступеньки дома и пели: «Слева кудри токаря, справа – кузнеца».

У бабушки был абсолютный слух, в молодости она играла на скрипке.

Постепенно город оживал. Сняли запретную зону. Открылась перспектива Дубковского шоссе. В самой ее дали, в арке, образуемой кронами дубов на фоне неба и залива, – огромные, как будто первозданные валуны.

Слева от валунов соорудили беленый обелиск с красной звездой, а поодаль лодочную станцию. Сюда приходило много народу: загорали, лежали на песке, смотрели в небо, купались, катались на лодках. И на постаменте обелиска всегда были свежие полевые цветы, иногда ветки дуба. Всех, кто не пришел с войны, хорошо знали, для Сестрорецка они оставались живыми. Их мамы приходили к бабушке поговорить «о сыночке», которого уже не было.

С молоденькой учительницей Леночкой Даниловой мы ходили на кладбище, где за часовенкой был похоронен ее пятилетний Женечка, умерший в конце войны от общего туберкулеза. В Сестрорецке еще в XIX веке было три кладбища – православное, лютеранское и еврейское, так что город на реке Сестре уже с момента своего основания задумывался, как бы мы сказали сегодня, городом разных конфессий.

На Дубковском шоссе открылся кинотеатр «Прожектор», смотрела там «Маленькую маму», «Петера», «Веселых ребят», «Первоклассницу».

На самом берегу озера работали бани, и оттуда красные, распаренные, закутанные в платки и с собственными тазами в руках люди расходились по всему городу.

Вечером с другого берега Гагарки возвращалось стадо коров, поднимая облака пыли. Лучи солнца, пронизывая их, придавали этой картине торжественное, почти мистическое звучание. Я зна-

Кинотеатр «Прожектор»

ла «в морду» всех Зорек, Ночек, Звездочек, Буренок и разводила их по домам, открывая калитки и заставляя преодолевать мостки и канавы. А потом, ощущая босыми ногами теплую придорожную пыль, бежала с бидончиком за парным молоком.

Дома в Сестрорецке в большинстве своем были деревянными, одноэтажными с мезонинами, резными крылечками и дорожками, ведущими к ним. На одной из старых дач на Дубковском шоссе, принадлежавшей, как говорили, известной балерине Мариинского театра Е. Люком, всегда царил тишина, иногда можно было видеть шезлонг. Я запомнила этот крошечный домик в глубине аллеи осенью: с желтыми опавшими листьями и белыми грибами прямо возле деревянного забора, которые я пыталась достать бабушкиной палкой.

Некоторые дома имели необычные башенки, шпили и окна самой причудливой формы. В них хотелось заглянуть. Казалось, за ними идет таинственная жизнь, которую так проникновенно описывал Бунин. Действительно, в комнатах царил загадочный полумрак от густой зелени сада, было много потускневших зеркал и старинной мебели.

Помню две резные беседки, которые стояли прямо на улице и красиво смотрелись сразу с разных улиц. По преданию, в одной из сестрорецких беседок выступал когда-то Федор Шаляпин. Мне казалось, что это была та беседка, которая недалеко от Курорта,

еще сохранявшая цветные стекла густых насыщенных тонов: желтые, синие, красные. Заберешься туда – все пронизано солнцем и как будто горит драгоценными камнями, настоящая сказочная декорация. Петь в беседке я не решалась, но стихи декламировала, раскланиваясь после каждого «номера». Прохожие останавливались и хлопали.

Замечательно, что эти деревянные домики и беседки Сестрорецка соответствовали ландшафту, давали возможность почувствовать красоту и разнообразие природы – песчаный берег залива, смолистый запах сосен, шумящие вековые дубы, а также глубинные ключи и россыпи розово-сиреневого вереска.

Историкам архитектуры удалось выяснить сегодня, что на рубеже XIX–XX веков в Сестрорецке и Курорте работали первоклассные зодчие «северного модерна», такие как В. Н. Пясецкий, преподаватель Института гражданских инженеров, П. И. Шестов, известный устройством залы заседания Государственной думы в Таврическом дворце, и многие другие.

Сестрорецк любила творческая интеллигенция. Бывал здесь и Александр Блок.

Первый послевоенный ресторан открылся в Сестрорецке на Дубковском шоссе в длинном деревянном здании. Бабушка повела меня туда, и мы заказали котлеты с макаронами. Это скорее была, как говорила бабушка, «столовка», но у входа стоял медведь с подносом, что придавало некоторый шик и воскрешало дух ресторанных традиций старого Сестрорецка еще XIX века.

Когда мы уходили, швейцар в форме, расшитой позументами, пригласил нас придти вечером послушать музыку. На другой день в восемь часов вечера, сжимая в кулаке монетки, я прошла по ковровой дорожке и заказала «шарик мороженого». Играл патефон, танцевало несколько пар, женщина с женщиной. Потом поставили «Синий платочек», одна из женщин заплакала. Я доела свой «шарик», сказала швейцару спасибо за приглашение и, минуя бурого медведя, вышла.

На улице, у входа, ждала бабушка.

Во дворе учительского дома дети часто играли в лапту. Еще чаще играли «в войну». Командовал Юрка, у которого отец погиб на фронте. Когда он поступал в Суворовское училище, я ему подарила книгу «Счастливый день суворовца Криничного». Он вежливо поблагодарил, но потом добавил: «Ерунда. Надо быть сильным и честным, чтобы на земле всех гадов убрать». А ему тогда не было

и 12-ти лет. Мы, дети войны, жили этим, как бы примеривая себя к историческим событиям. «Женщин туда (т. е. на войну) нельзя посылать, – авторитетно рассуждал Юрка, – вон что с Зоей Космодемьянской фрицы сделали... – и добавил, глядя на меня: – А ты, если что, бей врага под коленку...»

Что касалось меня, то я всячески боролась с собственной трусостью: выходила ночью в темный шумящий сад и, сжавшись от страха, передвигалась от одного дерева к другому...

Третье лето подряд читала книгу «Тимур и его команда». Команда такая была и у нас. За Тимура – Юрка. Штаб нашей команды был то на чердаке, то в заброшенном сарае, но чаще всего – в шалаше. Похожие шалаша попадались и в Дубках и на Черной речке, значит мы были не одни. В штабе мы собирались, все обсуждали, хранили списки, кому что делать. Однажды с этой целью я облюбовала небольшой сруб, засыпанный землей. Я освободила его от всего лишнего, вычистила землю и поставила бутылку с «букетом» – львиным зевом. Штаб нашей «команде» понравился, настоящий дворец. Вечером хозяйка соседнего дома жаловалась бабушке, что кто-то ей «в одночасье» весь парник разорил. На другой день без всякой связи с парником бабушка мне сказала: «Добрые дела можно и без дворцов делать».

Это было то время, когда писал Михаил Зощенко. Его литературные персонажи нам тоже попадались. Однажды нас пригласила к себе толстая дама, открыла огромный платяной шкаф: платья были напиханы так, что даже подолы у них не колыхались. Она выдергивала то одно, то другое, демонстрируя их нам, и потом, как бы желая расположить нас к себе, сказала: «Вот так, мы живем не только для того чтобы покушать, но и чтобы хорошо одеться». Вышли мы совершенно оглушенные, и только когда кто-то из нашей «команды» ехидно заметил: «А что, эта квашня на рояльных ножках их сразу все одевает?» – мы засмеялись. «Хорошо одеваться» – это не задача жизни.

Другое дело, когда в Сестрорецк должен был приехать «детский писатель Ленька Пантелеев». Мы разузнали, что он будет выступать в доме отдыха пограничников. Попасть туда было нереально. Но тут выручила бабушка: «Сколько вас? – строго спросила она. – Двое?» Оказалось, двенадцать. В назначенный час она стояла перед воротами санатория в своей белой панамочке, а за нею чинно выстроились мы. В результате охрана доложила начальству санатория, что пришла «детская делегация».

И хотя «Ленька Пантелеев», к нашему удивлению, оказался «взрослым дяденькой», мы никак не нарушали торжественной тишины, царившей в зале. Он рассказывал о своей жизни, о беспризорном детстве, с которого и началась его потребность писать. Потом, видимо, учитывая наше присутствие, прочитал рассказ «Честное слово» – о том, что главное в человеке его честь. То, что этому надо учить с детства, что чувство личной чести и ответственности за дело, от которого зависят люди, не может появиться как-то «вдруг», само собой, а требует большой работы души, – хорошо понимали и моя бабушка, опытный педагог, и писатель «Ленька Пантелеев», и военные-пограничники, прошедшие Великую Отечественную войну. Поэтому-то и состоялась эта встреча.

Она произвела на нас такое сильное впечатление, что мы решили организовать какую-нибудь похожую «творческую встречу» в школе и позвать на нее «малышей». Бабушка считала, что если «ребятня» хорошо подготовится, то можно будет сделать «наоборот» – пригласить на вечер детского творчества военных-пограничников, находившихся на лечении в сестрорецком санатории.

«Ребятня» готовилась с полной отдачей, учила стихи, шила из открыток коробочки, которые собиралась дарить военным, вышивала салфетки гладью, лепила фигурки. Бабушка отдала для оформления вечера свои картины маслом, которые она писала с репродукций: «Три богатыря» и «Корабельную рощу».

Многое из подготовки этой выставки и деятельности детей «для других» будет потом описано в книге моей мамы, детской писательницы Марии Нарышкиной. Эта книга называлась «Вавка» по имени главной героини, шестиклассницы Валентины – (Вавки), и вышла в 1960 году. Но это уже другое время, другая страница жизни.

Закончить же свой рассказ хочу еще одним подарком, который преподнес мне город моего детства. Когда воспоминания были уже написаны, я решила съездить в Сестрорецк, и вопреки известной песне, что «нет билета» в наше прошлое, меня уже на перроне встретили знакомые «запахи детства»: заросшей ивами бочаги, желудей в Дубковском заповеднике, осоки на берегу молочно-белого залива.

На месте кинотеатра, деревянного ресторана и третьей школы на Дубковском шоссе высятся теперь многоэтажные дома. В «поисках своего детства» я обратилась к пожилой женщине, которая проходила мимо. Оказалось, она помнит и разбомбленный в войну

учительский дом между Зоологической улицей и улицей Коммунаров, на месте которого до сих пор пустырь, и розовую школу на Дубковском шоссе.

— Это была, — сказала она, — начальная школа. Я ее закончила в 1940 году.

Так это же бабушкина школа!

С замиранием сердца спрашиваю:

— А вы не помните учительницу Нарышкину?

— Пелагею Петровну? Я училась не у нее, но я ее хорошо помню.

Бабушке было бы сейчас 126 лет, и я встречаю на улицах современного Сестрорецка незнакомую женщину, которая ее хорошо помнит. Подумала, что если я напишу об этом, то мне, наверное, не поверят, поэтому спросила:

— А Вы не назовете свое имя. Как Вас зовут?

Ответ был не менее удивительный. По далекой школьной привычке она ответила так, как будто ее спросила об этом учительница:

— Лиза.

Вот оно, «судьбы сплетенье», как гениально писал поэт Б. Пастернак! Елизавета Викторовна Ануфриева, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института высокомолекулярных соединений Академии наук.

Примечательное имя в истории Сестрорецка. Не только вкладом в современную науку, но и человеческими качествами. Многие ли помнят давних первых наставников?

Память о своих учителях — это нравственная традиция, тот духовный стержень, который так нужен сегодня и о котором не уставали писать великие деятели культуры русской: красота души человеческой спасет мир.

Н. А. Романова

ЮРИЙ НИКУЛИН ЗАЩИЩАЕТ НАШ КРАЙ

18 ноября 1939 года, в 23.00, как гласила повестка из военкомата, Юрий Никулин был на призывном пункте. В Ленинграде, куда привезли призывников, им объяснили, что «на границе с Финляндией напряженная обстановка». Шестая батарея 115-го зенитного полка второго дивизиона «располагалась около Сестрорецка. Рядом Финский залив, недалеко река, лес». За водой ездили на машине, к колодцу на окраине Сестрорецка. Также под Сестрорецком в торжественной обстановке «мы приняли присягу... и стали настоящими бойцами», – писал Ю. Никулин в 1982 году.

На третий день финской войны, 2 декабря 1939 года, от батареи выставили наблюдательный пункт в Куоккала (теперь Репино).

Именно здесь наш любимый клоун обморозил ноги. Ему поручили протянуть линию связи к НП, дали участок в 2 километра. «Иду на лыжах по льду Финского залива, за спиной тяжелые катушки с телефонным кабелем. Не прошло и получаса, как почувствовал страшную усталость. Поставил катушки на лед, посидел немного и пошел дальше. А идти становилось все трудней. Лыжи прилипают к снегу. Я уж катушки на лыжи положил, а сам двигался по колено в снегу, толкая палками свое сооружение. Вымотался вконец. Снова присел отдохнуть, да так и заснул. Мороз больше 30, а я спал, как ни в чем не бывало. Хорошо, мимо проезжали на аэросанях пограничники. Когда они меня разбудили, ноги показались мне деревянными, чужими...

– Да у тебя, Никулин, обморожение, – сказал после осмотра санинструктор».

18 декабря 1939 года Юрий выпил первый раз положенные фронтовые 100 граммов: ему исполнилось 18 лет.

В ту зиму стояли страшные морозы. Не помогали ни тулупы поверх шинели, ни валенки. На НП стены покрыты сверкающим инеем.

Батарея располагалась под Сестрорецком, охраняя воздушные подступы к Ленинграду. Рядом шли тяжелые бои по прорыву обороны противника – линии Маннергейма.

В конце февраля – начале марта 1940 года наши войска прорвали долговременную финскую оборону, и 12 марта военные действия с Финляндией закончились.

Часть оставили здесь. Однажды в полк приехал К. Е. Ворошилов с инспекторской проверкой, но все сошло хорошо.

На второй год службы, после лечения в госпитале (от плеврита) Никулина перевели санитаром в санчасть военного городка (ст. Горская). С мая 1941 года Юрий был на НП батареи на ст. Оллила (Солнечное).

Ночью 22 июня нарушилась связь с командованием дивизиона. Два человека сразу вышли к Белоострову налаживать связь. Вернулись в 5 утра, сказали, что эта линия в порядке.

Только пойдя за пивом на станцию, услышали, что началась война.

В ночь с 22 на 23 июня 1941 года гитлеровские самолеты минировали Финский залив. «Юнкерсы–88» шли на бреющем полете со стороны Финляндии, с Териок (Зеленогорска) на Сестрорецк.

Батарея стояла на выступающем в море мысе (на Тарховской косе).

«Юнкерсы идут прямо на батарею. Вспышка. Еще не слышно залпа пушек, но мы понимаем: наша батарея первой в полку открыла огонь. Так 115-й зенитно-артиллерийский полк вступил в войну. С первым боевым залпом мы поняли, что война действительно началась. Один из вражеских самолетов сбита батарея нашего полка, которой командовал лейтенант Пимченков»

Главы из книги Ю. Никулина «Почти серьезно...»,

М., «Молодая гвардия», 1982

Держитесь до последнего патрона!

С тревогой следили мы за сводками Совинформбюро. Враг приближался к Ленинграду. Мы несли службу на своем наблюдатель-

ном пункте. Однажды на рассвете мы увидели, как по шоссе шли отступающие части нашей пехоты. Оказывается, сдали Выборг.

Все деревья вдоль шоссе увешаны противогАЗами. Солдаты оставили при себе только противогАЗные сумки, приспособив их для табака и продуктов. Вереницы измотанных, запыленных людей молча шли по направлению к Ленинграду. Мы все ждали команду сняться с НП, и, когда нам сообщили с командного пункта, что противник уже близко, нам сказали;

– Ждите распоряжений, а пока держитесь до последнего патрона!

А у нас на пятерых три допотопные бельгийские винтовки и к ним сорок патронов.

До последнего патрона нам держаться не пришлось. Ночью за нами прислали старшину Уличука, которого все мы ласково называли Улич. Мы обрадовались, увидев его двухметровую фигуру. Он приехал за нами в тот момент, когда трассирующие пули проносились над головами и кругом рвались мины.

Возвращались на батарею на полуторке. Кругом все горело. С болью мы смотрели на пылающие дома.

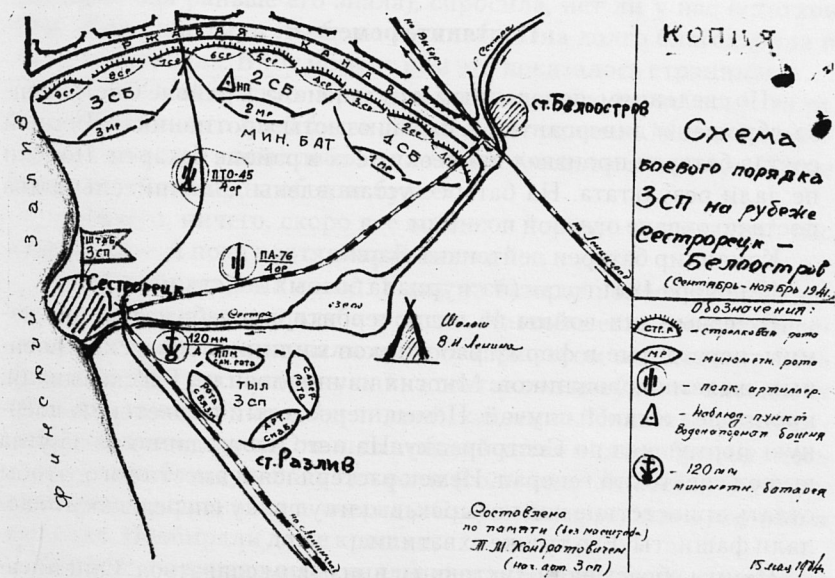

Схема боевого порядка

У Сестрорецка уже стояли ополченцы из рабочих-ленинградцев.

Уличук привез нас на батарею, и мы обрадовались, увидев своих.

Через несколько дней мне присвоили звание сержанта и назначили командиром отделения разведки.

С первого же дня войны на батарее завели журнал боевых действий. В тот день, когда мы возвратились, в нем появилась такая запись:

«Личный состав НП вернулся на точку. Батарея вела огонь по наземным целям противника в районе Белоострова. Расход – 208 снарядов. При поддержке артиллерии Кронштадта и фортов противник остановлен по линии старой границы в 9 километрах от огневой позиции батареи.

И. о. командира батареи лейтенант Ларин».

Вдоль реки в Сестрорецке гражданское население, в основном женщины, старики и подростки, рыло противотанковые рвы. По всей линии фронта, по всему перешейку возводились долговременные огневые точки. Чувствовалось – предстоит длительная оборона.

Подтяните ремешки

«По сведениям, переданным из дивизиона, в районе Сестрорецка сброшены диверсанты – парашютисты противника. Личный состав батареи произвел проческу леса в районе батареи. Поиски не дали результата. На батарее установлены дополнительно два поста по охране огневой позиции.

Командир батареи лейтенант Ларин,
13 ноября 1941 года» (из журнала боевых действий)

В первые дни войны на нашу территорию забрасывались немцы, переодетые в форму работников милиции, советских военных, железнодорожников. Многих из них ловили. Рассказывали, произошел и такой случай. Немец, переодетый в советскую военную форму, шел по Сестрорецку. На него неожиданно из-за угла вышел советский генерал. Немец растерялся и вместо того, чтобы отдать приветствие под козырек, выкинул руку вперед, как это делали фашисты. Его тут же схватили.

Немцы сбрасывали листовки с призывом сдаваться. Они писали, что все ленинградцы обречены на голодную смерть и единс-

твенный выход – это сдаваться в плен. Для этого, как сообщалось в листовках, нужно при встрече с немцами поднять руки вверх и сказать пароль: «Штык в землю. Сталин капут». Фашисты утверждали, что в одно прекрасное утро они войдут в Ленинград без единого выстрела, потому что у защитников не будет сил поднять винтовки. В этих же листовках описывалась «замечательная» жизнь советских солдат в плену. Мне запомнилась большая фотолитовка с портретом молодого человека. Подпись под фотографией гласила: «Вы знаете, кто это? Это сын Сталина, Яков Джугашвили. Он перешел на сторону немцев». Я, как и мои товарищи, ни одному слову фашистов не верил.

Насколько помню, первое время Ленинград почти не бомбили. Кольцо блокады замыкалось постепенно. Но мне казалось, что голод наступил внезапно. Хотя на самой деле все было иначе. После войны, читая книгу с подробным описанием блокады Ленинграда, я был потрясен, как мало мы знали о том, что происходило в действительности.

Конечно, армия по сравнению с теми, кто находился в самом городе, снабжалась лучше. Впервые мы узнали о начинающемся голоде, когда к нам пришла женщина и, вызвав кого-то из бойцов (видимо, она раньше его знала), спросила, нет ли у нас остатков еды. Женщине дали полбуханки хлеба. Она долго благодарила и потом заплакала. В тот момент нам это показалось странным.

После Октябрьских праздников наш паек резко сократили, предупредив, что хлеб будем получать порциями. Мы не поверили, но с каждым днем хлеба выдавали все меньше и меньше. Потом сказали: «Второго на обед не будет».

– Ничего, ничего, скоро все войдет в норму, – успокаивал нас старшина. – А пока подтяните ремешки.

Но скоро наступил голод. У нас на батарее полагалось каждому по триста граммов хлеба в сутки. Часто вместо ста пятидесяти граммов хлеба выдавали один сухарь весом в семьдесят пять граммов. Другую половину пайка составлял хлеб – сто пятьдесят граммов, тяжелый, сырой и липкий, как мыло. Полагалось на каждого и по ложке муки. Она шла в общий котел и там взбалтывалась – получали белесую воду без соли (соли тоже не было). С утра у каптерки выстраивалась очередь. Старшина взвешивал порцию и выдавал. Подбирали даже крошки,

Многие, получая хлеб, думали: съесть все сразу или разделить? Некоторые делили по кусочкам. Я съедал все сразу.

Наступили холода. Утром, днем, вечером, ночью – даже во сне – все думали и говорили о еде. Причем никогда не говорили: хорошо бы съесть бифштекс или курицу. Нет, больше всего мечтали: «Вот бы хорошо съесть мягкий батон за рубль сорок и полкило конфет подушечек»...

Начав курить в первый день войны, я через месяц бросил. Бросил не потому, что обладал сильной волей, а просто мне не нравилось курить. Наверное, это меня спасло от дополнительных мучений из-за отсутствия курева. Нам не выдавали табака, и заядлые курильщики очень мучились. Во время блокады самым дорогим в Ленинираде были хлеб и табак.

Помню, 23 февраля 1942 года, в День Красной Армии, нам доставили табак. Да какой! «Золотое руно»! Для курящих лучший подарок. Выдали по десять граммов. Решил покурить и я. Нас пять человек разведчиков и шестой командир, и мы договорились, что свернем одну самокрутку и раскурим ее на всех. Закурил первый, сделал две затяжки и передал мне, а я затянулся, и у меня все поплыло перед глазами. Я потерял сознание и упал. Так сильно подействовал табак. Меня трясло, оттирали снегом, прежде чем пришел в себя и сказал слабым голосом: «Вот это табачок!»

От постоянного голода острее ощущался холод. Надевали все, что только могли достать: теплые белье, по две пары портянок, туфлы, валенки. Но все равно трясло от холода.

Санинструктор постоянно всех предупреждал:

– Не пейте много воды.

Но некоторые считали, если выпьют много воды, то чувство голода притупится, и, несмотря на предупреждения, пили много и в конце концов опухали и совсем слабели.

Мы стояли в обороне. Старались меньше двигаться. Так прошли зимние месяцы. К весне у многих началась цинга и куриная слепота.

Как только наступали сумерки, многие слепли и только смутно, с трудом различали границу между землей и небом. Правда, несколько человек на батарее не заболели куриной слепотой и стали нашими поводырями. Вечером мы выстраивались, и они вели нас в столовую на ужин, а потом отводили обратно в землянки.

Кто-то предложил сделать отвар из сосновых игл. К сожалению, это не помогло. Лишь когда на батарею выдали бутылку рыбьего жира и каждый принял вечером по ложке этого лекарства и полу-

чил такую же порцию утром, зрение тут же начало возвращаться. Как мало требовалось для того, чтобы его восстановить!

В то время я особенно подружился с бойцом нашей батареи Николаем Гусевым. Мы делили с ним пополам каждую корочку хлеба, укрывались одной шинелью

Из сержантов – в рядовые

«Батарея дважды вела огонь по группе самолетов противника “Хейнкель–111”. Сбит один самолет противника, который упал в Финский залив. Расход снарядов – 38 штук.

9 марта 1942 года» (из журнала боевых действий)

Все время продолжались массированные налеты фашистской авиации на Ленинград. Мы по многу ночей не спали, отражая налеты. В одну из таких ночей наша батарея (одна из трех батарей дивизиона) заступила на дежурство и должна была быть в полной боевой готовности, с тем, чтобы по первой же команде открыть огонь. Наш комбат Ларин, жалея нас, сказал:

– Слушай, Никулин, – он обратился ко мне как к командиру отделения разведки, – пусть люди поспят хотя бы часа три, а ты подежурь на позиции. Объявят тревогу – сразу всех буди. Ну, в общем, сориентируешься.

Так мы и сделали.

И надо же, именно в тот момент, когда все заснуло, батарею приехали проверять из штаба армии. Приходят проверяющие на батарею и видят: все спят, кроме меня. Скандал возник страшный. И тут Ларин тихо-тихо мне:

– Выручай, Никулин. Скажи, что в двенадцать ночи я велел тебя будить, а ты этого не сделал, поэтому все и спят. Я тебя потом выручу, прикрою.

Я так и сказал. Наши ребята-разведчики возмутились:

– Да тебя под трибунал отдадут, ты что, сержант, с ума сошел?

Потом приехал следователь из особого отдела и выяснил, как все происходило. Я упорно стоял на своем.

После этого меня вызвали к командиру дивизиона. Он сказал:

– Зачем комбата покрываете?! Вы что, с ума сошли, знаете, чем это вам грозит?

Я продолжал упорно стоять на своем, мол, не комбата покрываю, а я сам во всем виноват. Тогда меня вызвали к начальнику штаба полка. Поехал я к нему.

Начальник штаба полка в упор спросил меня:

– Что, командира выручаешь?

И я честно во всем признался. Рассказал обо всем. Потому что любил начальника штаба и доверял ему. И ни меня, ни Ларина он не выдал, но за потерю бдительности и слабую дисциплину меня приказом разжаловали. Из сержанта в рядовые. Так я снова стал простым бойцом. А потом через два месяца мне снова присвоили звание сержанта.

Ленинград в блокаде

«С утра до наступления темноты каждый день батарея ведет огонь по вражеской авиации. Сегодня прямым попаданием снаряда сбито два Ю–88 и подбит один Ю–87. Часть вражеских летчиков погибла, три взяты в плен.

14 апреля 1942 года» (из журнала боевых действий)

Я видел Ленинград во время блокады. Трамваи застыли. Дома покрыты снегом с наледью. Стены все в потеках. В городе не работали канализация и водопровод. Всюду огромные сугробы. Между ними маленькие тропинки. По ним медленно, инстинктивно экономя движения, ходят люди. Все согнуты, сгорблены, многие от голода шатаются. Некоторые с трудом тащат санки с водой, дровами. Порой на санках везли трупы, завернутые в простыни.

Часто трупы лежали прямо на улицах, и это никого не удивляло. Бредет человек по улице, вдруг останавливается и... падает – умер.

От холода и голода все казались маленькими, высохшими. Конечно, в Ленинграде было страшнее, чем у нас на передовой. Город бомбили и обстреливали. Нельзя забыть трамвай с людьми, разбитый прямым попаданием немецкого снаряда.

А как горели после бомбежки продовольственные склады имени Бадаева – там хранились сахар, шоколад, кофе... Все вокруг после пожара стало черным. Потом многие приходили на место пожара, вырубали лед, растапливали его и пили. Говорили, что это многих спасло, потому что во льду остались питательные вещества.

В Ленинград мы добрались пешком. За продуктами для батареи ходили с санками. Все продукты на сто двадцать человек (получали сразу на три дня) умещались на небольших санках. Пятеро вооруженных солдат охраняли продукты в пути.

Я знаю, что в январе 1942 года в отдельные дни умирало от голода по пять–шесть тысяч ленинградцев.

Наш политрук как-то пошел навестить живших в Ленинграде отца и мать. Он вернулся на батарею весь черный. Потом рассказывал, что, с трудом дойдя до своего дома, зашел в нетопленную комнату и увидел мать и отца, лежавших на кровати. Оба они умерли от голода.

От дистрофии умирали дети, женщины, старики. К смерти привыкли. Город наводнили крысы.

Весной 1942 года, попав в Ленинград с заданием командования, я решил зайти к маминим родственникам.

Долго добирался пешком. Дошел до дома, на втором этаже на лестничной клетке увидел труп, на третьем тоже труп, но его кто-то прикрыл мешковиной. Поднявшись к родным, долго стучал в дверь. Наконец тоненьким голосом бабушка Леля спросила:

– Кто это?

Когда дверь открылась, я с трудом ее узнал – так она изменилась. Высохшая, с огромными печальными глазами, озябшими руками, она с трудом признала меня.

У меня в сумке осталось немножко сухого гороха и граммов пятьдесят табака. Все это я отдал бабушке Леле.

– Ой, горох, – сказала она чуть слышно. – Я его долго буду есть.

Бабушка Леля рассказала, что троюродного брата Бориса, того, который смеялся надо мной, доказывая, что войны не может быть, убили под Ленинградом, что дядя мой умер от голода, а тетка успела эвакуироваться. Спустя месяц бабушка умерла.

Сложно и трудно было. Тем не менее, к Новому году па дивизионном командном пункте мы дали концерт самодеятельности. Не очень веселый концерт, но все-таки концерт!

Такими мы приняли военное крещение. Крайний справа Марат Вайнтрауб, в центре Всеволод Филиппов.

Я конферировал, ребята читали стихи, пели под гитару, а пожилой дивизионный писарь развеселил всех, исполнив старую шансонетку «Вот я мастер часовой».

Наше выступление потом с удовольствием смотрели на соседних батареях. Хотя к приезжающим с концертами самодеятельности в то время относились довольно настроженно, боясь, что придется кормить артистов.

Помню, как один организатор передвижной бригады самодеятельности подошел к нам и попросил:

– Ребята, у вас же есть винтовки, подстрелите мне ворону.

Мы ему объяснили, что всех ворон давно перебили.

– Жаль, – сказал он. – Я бы из нее такой суп сварил, что пальчики оближешь.

Марат Вайнтрауб

С такими людьми ходят в разведку

Так судьба распорядилась, что не только на войне вместе – у нас вся жизнь рядом прошла. В 1950 году Юра женился на Тане. Естественно, его ближайшие фронтовые друзья, Юра Филиппов и я, были приглашены на свадьбу. Там и познакомился с Таниной двоюродной сестрой Ольгой, которая стала моей женой.

Мы жили 18 лет вместе в одной коммунальной квартире в Нащокинском переулке. Даже когда разъехались – Никулины на Бронную (кстати, две трети своей жизни Юра прожил в московских коммуналках), мы – на Арбат, все праздники по-прежнему вместе отмечали, почти 60 лет.

Война, как это ни странно прозвучит, была нашим лучшим временем жизни. Она прихлась на нашу молодость. С той войны, убившей миллионы, мы вернулись домой живыми!

В 1939 году по Ворошиловскому указу в армию призывали всех мальчишек, только что окончивших десятилетку и даже успевших поступить в институт. Юра попал под этот указ 18 ноября, а я, уже студент МАИ, – 6 декабря.

Нас прямо из института всех забрали.

У Юры потом появилась песенка:

*Не знаю, надо иль не надо,
Не знаю, хотел иль не хотел,
На фронт финляндский полетел.*

Вот так мы и полетели.

Мы не знали, куда, зачем едем. Только в Ленинграде поняли, что на финскую войну. В марте 40-го я попал на восьмую батарею 115-го артиллерийского зенитного полка, где было много москвичей с того, особого набора, в том числе и Юра Никулин.

Батарея наша стояла на берегу Разлива, недалеко находился шалаш Ленина. Перед войной там были модные ленинградские курорты, как раз напротив нас была дача Зошенко.

Когда военные действия с Финляндией закончились, часть нашу оставили на берегу Финского залива, под Сестрорецком, охранять воздушные подступы к Ленинграду. Никто не мог тогда предугадать, что мы на пороге долгой, тяжелой войны – отечественной. Что семь долгих лет не снимем солдатские шинели. Что не будем убиты пулей или снарядом и не умрем от голода. Что держащие против нас фронт финны через полвека построят великолепное здание цирка на Цветном бульваре, а директором его станет худой, долговязый солдат с восьмой батареи – Никулин. Все было впереди...

С мая 1941 года несколько солдат, в том числе и Юра, находились на наблюдательном пункте на станции Оллила, в километрах восьми от Сестрорецка, поэтому они на батарее наездами бывали. Поскольку мы все из одного города, одного возраста, то очень легко подружились – я, Юра, Сева Филиппов. Были и ленинградцы с нами. Компания теплая собралась.

Иногда по субботам и воскресеньям нам давали увольнения в Ленинград. Там мы попадали то на концерт Утесова, то Рознера, в Театре миниатюр побывали. С тех концертов мы привозили в часть всякие остроты, репризы для нашей художественной самостоятельности. Однажды мы с Юрой решили сделать номер, который назывался «Сумасшедший карлик»: я сел на стул, Юра становился сзади меня, укрывались пальто, получалась одна голова и две пары рук, которые демонстрировали разные фокусы. Все было просто, без затей, но «карлик» пользовался бешеным успехом.

В ночь с 21 на 22 июня нас подняли по тревоге. Чего подняли – никто не знал. И только в 12 часов дня выступил Молотов по радио, и мы услышали, что началась война. А на второй день или на третий появился вражеский самолет. «Юнкерс» летел на бреющем полете, летчика и пулеметчика хорошо было видно... Мы были первой батареей со стороны Финского залива, но то ли испугались, то ли растерялись, но пока разворачивали, наводили свой боевой

расчет, самолет благополучно над нами пролетел в сторону Левашова. Там, к счастью, тоже стояли батареи, правда, не нашего полка, а другого. Они вовремя открыли огонь. Это был первый сбитый под Ленинградом самолет. Командир той батареи Пимченков тогда на весь Ленинградский фронт гремел, даже орден получил. У нашего командира были страшные переживания: как же он упустил этот самолет? Пимченков сбил, а мы вот растерялись.

Мы стояли вплотную к финнам, вели они себя довольно интеллигентно: начав наступление в первые дни войны, дальше не пошли, остановились на своей старой границе, у Белоострова. А наши части отступали. Поэтому в один из первых дней войны пятеро разведчиков, Юра в том числе, как бешеные, прибежали с наблюдательного пункта Олилло. С ружьями, со всем своим нехитрым имуществом.

У Юры был знаменитый фанерный чемоданчик. Мы с ним были страшные болельщики за московское «Динамо», а папа Юры болел за «Спартак», и у них был вечный спор, кто лучше. На крышке чемоданчика у Юры была фотография всей команды «Динамо». Чемоданчик бывал с ним всюду, куда он бегал.

Немцы подошли к Ленинграду непосредственно 16 августа, их остановили почти у Кировского завода. Мы стояли в обороне и видели Ленинград в блокаде. Скоро у нас начался голод. К весне у многих началась цинга и «куриная слепота».

Представьте, нас ночью поднимают по тревоге. Кто лучше видел – бежал первым, все остальные, взявшись за руки, за ним, к орудиям. Бежали – это слишком громко сказано...

Тяжело приходилось без махорки нашим курильщикам, распивали даже довоенные бычки. Юра на войне закурил, а я попробовал, но мне не понравилось.

Марат Вайнтрауб, адвокат (Из книги «Юрий Никулин», М., «Искусство», 2000, с. 50–53)

Л. Ф. Бронзова

ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ ПОСЕЛКОВ ГРАФСКАЯ – ДИБУНЫ – ПЕСОЧНЫЙ (Графское поселение)

«История в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая. Зерцало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил, завет предков к потомкам, дополнения, изъяснение настоящего и пример будущего», – так писал Н. М. Карамзин в предисловии к «Истории государства Российского».

Несколько десятков тысяч лет назад наша местность была покрыта плотным слоем материкового льда, который пришел к нам со стороны современной Скандинавии и распространился на значительные расстояния. Толщина его достигала полутора километров; ледник приходил два или три раза, в промежутках отступая ближе к центру оледенения, к северной части теперешнего Ботнического залива. Иногда он постепенно таял, возвращался обратно, снова таял, и как результат таяния огромной толщи льда наша земля оказалась ниже уровня древнего Анцилового моря. Затем и море отступило, оставив огромные холмы, образовались естественные природные водоемы, такие как современные озера Медное, Сарженское, Глухое и подобные. Ледник, конечно же, оставил значимые следы – это, прежде всего, поддонная морена – плотный слой суглинка с вкраплениями горных пород в виде валунов. Подобные холмы имеют обычно разную структуру: в нашей местности они состоят из песка и гальки, а ближе к северу – уже из древних кристаллических пород, в том числе гранита.

Территория наших поселков была исконно русским краем. Первые поселения здесь датируются уже III–IV веками до нашей эры.

чем говорят археологические раскопки; из русских летописей IX–XI веков мы узнаем, что здесь, на приневских берегах, наряду со славянами проживали финские племена, такие как водь, чудь, ижора, карелы, вепсы. Они в союзе со славянами не раз отражали нашествия шведских и немецких полчищ на северо-запад Новгородского княжества.

Эти места с начала XI века стали называться Ингерманландией. В 1019 году первый крещеный король Швеции Олаф выдал свою красавицу-дочь, принцессу по имени Ингигерда, за новгородского князя Ярослава Мудрого. Земли, что пошли в приданое невесте, вошли в состав Новгородского княжества и стали называться Инкеринмаа (земли Ингигерды).

В 1617 году Швеция захватила юг Карельского перешейка, южный берег Невы, Ладоги, Финского залива и господствовала здесь на протяжении почти 100 лет. На завоеванной территории стало активно насаждаться лютеранство, и православные жители, стесненные в правах, тайком уходили в глубь России. Чтобы возместить убыль людей, шведы поощряли переселение сюда карел с запада Карелии и финнов из восточной части Финляндии. Поэтому большинство жителей в то время (1864 г.) носили финские фамилии, такие как Илле, Пелле, Мунке, Карху и т. п., что мы узнаем из материалов первой переписи населения Санкт-Петербургского уезда. И до сегодняшнего дня в поселке звучат финские фамилии: Оясте, Тервонен, Хуттонен, Меллуп, Ваттонен, Зивартс. Еще сохранилось много финских построек.

Территорию возвратил России Петр I в результате Северной войны. Чтобы заселить ее русскими, Петр I одаривал своих приближенных большими участками земли с тем, чтобы сюда переселяли крестьян. Последующие русские императоры поддерживали это начинание Петра I.

Первое упоминание о деревне Дыбун датируется 1728 годом. Она названа в связи с Чернореченскими и Дыбунскими чугунно-плавильными заводами. Именно в 1728 году на Черной Речке при Медно-заводском разливе были найдены залежи болотной железной руды. В районе д. Дыбун построили две «домницы» (плавильные печи), которые снабжали железом Сестрорецкий оружейный завод. (Еще по указу Петра I на эти земли насильно «сажали» – переселяли – беглых крестьян, пленных солдат и перебежчиков.) Одна из печей была постоянно в работе, вторая стояла в запасе.

В начале XVIII мызу Осиновая Роща Петр подарил генерал-адмиралу Апраксину.

Заводы были по тем временам очень продуктивны – они давали ежегодно свыше 30 тыс. пудов чугуна, причем очень хорошего качества. Свою продукцию Чернореченские–Дыбунские заводы поставляли на Сестрорецкий оружейный завод, основанный Петром I в 1724 году. Сестрорецкому оружейному заводу было выделено 70 тыс. гектаров леса. К нему были приписаны 1800 крепостных крестьян для выжигания древесного угля и снабжения им завода. До 1732 года Сестрорецкий завод получал сырье из Сибири, а затем металл поставлял Чернореченский чугунно-плавильный завод.

Это предприятие полностью обеспечивало потребность оружейников в металле, который к тому же был отличного качества. Кажется бы, производство чугуна надо расширять, но царское правительство об этом не заботилось.

В 1768 году имение Осиновая Роща купил граф Г. Г. Орлов. В 1779 году Указом от 25 января «О дарении Осинорощинской мызы» Екатерина II эти земли подарила князю Г. А. Потемкину с той целью, чтобы заводы прекратили свое существование.

После смерти Потемкина в 1791 году заводы перешли обратно в казну в качестве его долга государству. Затем они достались в аренду английскому купцу по фамилии Шарп, который занимался «плющением железа» (то есть прокатом стали).

В 1797 году по указу Павла I завод отдан во владение генерал-майорше Монахтиной, и с этого момента заводы прекратили свое существование. Позже мыза Осиновая Роща принадлежала князю П. В. Лопухину, министру юстиции.

Земли по правому берегу Черной Речки вместе с деревенькой Дыбун в 1807 году Александр I подарил тайному советнику Ивану Григорьевичу Долинскому.

В 1833 году граф В. В. Левашов получил от царствующего в то время Николая I в подарок Осинорощинскую мызу. Поместье графа Левашова находилось в Осиновой Роще. Граф был участником Отечественной войны 1812 года с Наполеоном, получил Золотое оружие с алмазами, орден Георгия IV степени, был произведен в генерал-лейтенанты, затем получил титул графа. В 1838 году был назначен членом Государственного Совета, в 1841 году награжден Орденом Андрея Первозванного, в 1842 году – алмазами к нему. В 1842 году В. В. Левашову поручено председательствование в Государственном Совете. 23 сентября 1848 года он умер от холеры. Похоронен в церкви Святого Духа Александро-Невской лавры. (Род Левашовых идет

с 1610 года.); так, в 1833 году граф Левашов получил в подарок от царя Николая 1 Осинорощинскую мызу. Поместье графа в Осиновой Роще до сих пор сохранилось, правда, в изуродованном виде. Земляные валы и рвы, которые сооружались для укрепления поместья, в настоящее время находятся на территории воинской части. Граф Левашов жил в имении, а на территории наших поселков в то время был густой сосновый бор.

Последними владельцами мызы Осиновая Роща с деревнями на левом берегу Черной Речки были графиня Екатерина Владимировна Левашова, жена сына графа Левашова, и княгиня Мария Владимировна Вяземская, дочь брата Василия Васильевича Левашова.

В конце XIX века значительно возросла численность населений в Петербурге, что было вызвано освобождением крестьян от крепостной зависимости (19 февраля 1861 года), проведением финляндской железной дороги, а также развитием промышленности.

После манифеста 19 февраля крестьяне из деревни Дыбун, записанные за помещицей А. В. Левашовой, согласились на выкуп полного надела. Им была отведена 2301 десятина земли, и налагался оброк — по 12 рублей с души. Те крестьяне, которые не могли выкупить землю, уходили в город на заработки. Таким образом, доход от земель мызы Осиновая Роща с каждым годом падал.

Графиня Е. В. Левашова и княгиня М. В. Вяземская в 1902 году тоже приступили к распродаже земель. Они выделили для этого 404 участка по одной десятине (2100 квадратных сажень), по цене 50 копеек за одну квадратную сажень. И граф Стенбок-Фермор решил продать часть земель и подготовил 91 участок земли площадью в одну десятину для торгов.

Хозяином земель по правому берегу Черной Речки был Иван Иванович Вашутин; деревня состояла в Стародеревенской волости, а Дыбун по левому берегу принадлежал Авдотье Васильевне Левашовой и относился к Осинорощинской волости. В одной деревне было три двора, в другой — четыре. Крестьяне Вашутина были на оброке, платили хозяину серебром, кроме того, они работали на него 18 летних дней и три дня зимой с каждого тягла. Каждая крестьянская семья имела надел, равный по сегодняшним меркам 330 соткам. Пользование самой Черной Речкой было общим для хозяина и для отделяемых крестьян, но кроме этого, на каждом земельном участке находился колодец. Охотиться на своей земле мог только сам Вашутин, но крестьянам не возбранялось уничтожать на своем наделе «вредных для ведения хозяйства птиц и зверей».

Вот выдержки из переписи населения 1864 года: «Дыбун при речке Безымянной: 4 двора, 9 мужчин, 12 женщин».

«Дыбунь». Откуда произошло название? По этому поводу существуют три версии: первая гласит, что это название финского происхождения, от имени холма Типун, который находится возле Глухого озера.

Согласно второй оно произошло от слова «дыба». Петербург в эти годы строится быстрыми темпами, мастеровые собраны со всех окрестных волостей и не только, условия труда очень тяжелые, и люди пытались со стройки бежать. При поимке их ожидало наказание – дыба. Предполагается, что орудие наказания находилось именно в этих местах, отсюда и название населенного пункта – Дыбун.

Однако многие склоняются к тому, что название населенного пункта произошло от имени местности. Мы знаем, что Черная Речка берет начало из озера Сарженка, и там, в верховьях, на карте XVIII века показано болотистое «урочище Большой Дыбун», то есть «вздыбленная земля». И, скорее всего, поселение получило имя от этой земли.

Из документов первой всеобщей переписи населения России 1897 года мы узнаем, что в Дибунах насчитывалось 41 двор и 120 жителей. В это время уже работает водяная мельница, необходимая для нужд крестьян. По этому факту можно судить, что Черная Речка в то время была полноводной, мелеть она начала лишь с вырубкой леса по берегам. Также в Дибунах работала хлебопекарня, на углу улиц Речной и Новостроек. В настоящее время сохранилась одна кирпичная стена этого здания. Также было «квасное заведение», с хозяином-немцем по фамилии Грайвер. До сих пор старожилы вспоминают его очень вкусный лимонад, но основной продукцией все-таки был квас. Это заведение располагалось там, где сейчас источник. Качество воды ценилось уже тогда, а в наше время медиками доказаны ее целебные свойства.

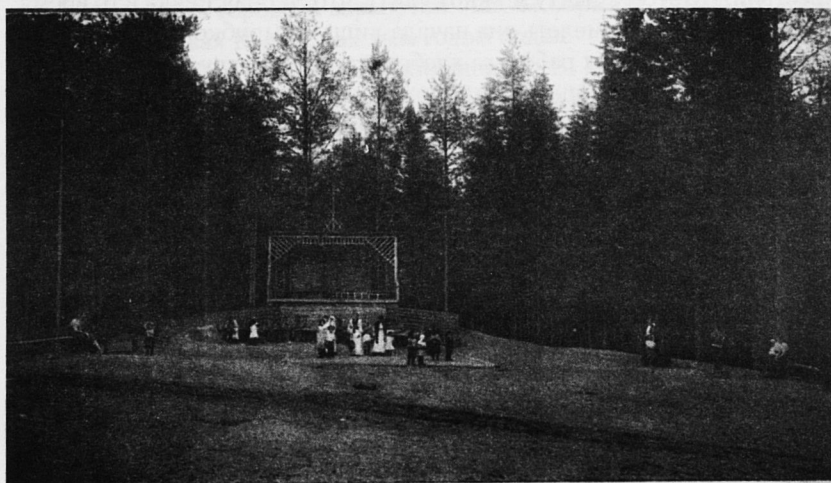
Повыше моста, при ручье Безымянном, находились пруды, приспособленные для разведения форели. Хозяином также был немец, фамилию старожилы не могут вспомнить. Пруды соединялись большими деревянными промасленными трубами, с вмонтированными в них сетками из нержавеющей металла. По определенным дням из Петербурга приезжал возница с бочкой, в которой форель и возили к царскому столу.

В это же время в Дибунах работала лесная биржа, множество мелких кустарных мастерских и кирпичный завод. Он был основан в 1880 году, так как здесь обнаружили залежи ценной голубой глины,

Дибуны - Пограничная ул.

Дибуны. Пограничная улица. Начало XX в.

Пос. „Графская Ф. ж. д. Общественный паркъ.

Изд. Графско-Дыбунского П. О.

Поселок Графская. Общественный парк. Начало XX в.

причем совсем близко к поверхности. В конце XIX века на заводе работало до 200 рабочих, что было крупным производством. Рабочие съехались из разных губерний: Новгородской, Псковской, Курской, Воронежской и Вологодской. Жили в бараках, работали по 12–14 часов в сутки. Труд был ручной, очень тяжелый. Глину добывали по сезонам. После революции два года завод не работал, а в 1920-м перешел в руки артели. В 1936 году его закрыли: иссякло сырье – ценная голубая глина.

В конце XIX–начале XX вв. обстановка меняется. Люди охотно заселяют наши места, их привлекают чистый сосновый бор, сухая почва, обилие грибов и ягод. В связи с повышением платы за жилье многие старались экономить, живя в пригороде.

Второй причиной притока жителей была постройка железной дороги, связывающей Санкт-Петербург с Финляндией. По поводу ее строительства в Финляндском Сейме развернулись дебаты: одни его члены ратовали за создание разветвленной системы каналов в стране озер, другие доказывали перспективность железных дорог с их высокими скоростями, удобством для пассажиров и круглогодичной эксплуатации.

Итогом в 1870 году стала дорога, связывающая Петербург с финской станцией Рихимякки. Она строилась 3 года, на строительстве было занято около 11 тысяч разных специалистов и простых рабочих; протяженность дороги – 347 верст. И ежедневно с Финляндского вокзала стали отправляться и прибывать 10 пассажирских составов и два товарных.

До 1902 года местность застраивалась хаотично, только 28 мая 1902 года на заседании строительного отделения Санкт-Петербургского губернского правления был утвержден план застройки поселка Дибунь. Среди дремучего леса пролегли улицы Графская, Пограничная, Ключевая и Церковная.

30 июня того же года был утвержден план поселка Графская Колония, представленный в строительное отделение Санкт-Петербургского губернского правления управляющим имением Осиновая Роща Ф. Ф. Колье. По желанию последних хозяев главные улицы поселка получили название Левашовский и Вяземский проспекты, а остальные – по именам детей и племянников графа Левашова. Поселок относился к Осинорощинской волости.

Поселки росли, но ни в Дибунях, ни в Графской не было платформ, хотя дорога и пролегла по их территории. Станция, прежде всего, была необходима в Дибунях, поскольку надо было вывозить

Поселок Графская. Лидинская улица. Начало XX в.

Дибуньы. Церковь святых апостолов Петра и Павла. 1910-е гг.

продукцию с кирпичного завода. Здесь платформа была построена в 1904 году, а чуть позднее и в Графской.

Вскоре после утверждения планов застройки поселков было создано множество общественных организаций. В первую очередь, общество благоустройства дачной местности. В Дибунах оно появилось в 1903 году, председателем был назначен коллежский советник Колоколов Николай Александрович (в прошлом – воспитатель в Александровском лицее на Петроградской стороне). В Графской такое общество создали в следующем году. Перед ним стояли разнообразные задачи, в том числе и освещение улиц, на центральных проспектах установили керосиново-калильные лампы, а остальные улицы освещались фонарями возле каждого дома. Электричество в поселках появилось только в 1925 году.

Общество по благоустройству также занималось театром, в котором играла группа местных жителей. Руководил ими П. М. Сипайлов. Артист Розенсанин жил летом в поселке и ставил с артистами Народного дома спектакли. С 1923 по 1926 годы в труппе было 30 человек. В 1921 году театр перешел в ведение клуба «Знание». Выступления самодеятельных артистов сопровождалась игрой духового оркестра в составе 40 человек, который принадлежал Графско-Дыбунскому пожарному обществу, созданому в 1907 году. Театр просуществовал до середины 1930 года.

При содействии общества благоустройства дачной местности в поселке была оборудована купальня. В начале века в Графской было создано спортивное общество «Унион», где были сильные футбольная, баскетбольная команды и команда по легкой атлетике. Общество распалось в 1914 году.

С 1921 года спортивной работой руководил К. К. Макеев. Тренировалась лыжная секция. Футбольное поле в Графской располагалось на Леонидовской улице. Вход на матчи был платный, но они собирали до 300 зрителей; сборы шли на содержание клуба «Знание». В команде играл Д. Д. Морозов, ставший впоследствии футболистом «Красного выборжца». Всесоюзный судья В. А. Быстров летом играл в поселковой футбольной команде (жил на даче). До 1914 года ее возглавляли братья Киселевы. Жительница поселка Графская Е. С. Макеева была первой женщиной – судьей по футболу.

При содействии общества по благоустройству дачной местности в Графской в 1906 году начала работать первая начальная школа с трехлетним курсом обучения. В 1910 году открыли первую Земскую школу. Преподавателем стала Мария Константиновна Евдокимова,

окончившая женскую гимназию с педагогическим уклоном. В Дибунах первая земская школа была открыта в 1911 году.

В 1909 году в Графской создается общество потребителей. А почтовое отделение открылось в 1912 году. В Дибунах почта начала работать раньше, в 1909 году, через два года при ней появляется телеграф.

В наших поселках один за другим начали действовать два храма. В Графской храм во имя пресвятого Серафима Саровского открылся в 1904 году. Первым священником был Миронов Николай Иванович, церковным старостой стал Павлов Василий Яковлевич.

В Дибунах церковь была построена и освящена в 1914 году. Первым священником стал Харизаменов Павел Константинович (репрессирован в 1930-х годах). Его дочь Надежда Павловна работала заведующей Дыбунской неполной средней школы.

Помимо крупных общественных организаций в поселке создается множество мелких обществ, которые прекратили свое существование довольно быстро.

Кроме перечисленных организаций при кирпичном заводе в 1891 году открылся «приемный покой» (здравпункт). До войны в поселках было два врача – Обухов и Дангулов, один из них – военный, другой – флотский; работала хлебопекарня и булочная, а также лесная биржа.

Старожилы рассказывают, что перед Октябрьской революцией на платформе Графская был ларек графа Комендантова. Он использовался как передаточный пункт почты для Ленина, который скрывался в Разливе. За такую услугу Комендантов получил от советской власти в подарок дом на улице Речной и персональную пенсию.

Вскоре появилось и кладбище, на котором первым похоронили поселкового почтальона.

Близость государственной границы обеспечивала в поселке порядок: таможенниками проверялись все пассажиры поездов, следовавших от Левашова до Белоострова.

При подготовке статьи использованы материалы краеведа Г. И. Волкова и воспоминания старожилы п. Песочный.

А. Филиппов

БЕРЕГА, БЕРЕГА. БЕРЕГ ЭТОТ И ТОТ...

А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме.
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

М. Волошин

Матушка Волга, седой Волхов, гигантские реки Сибири, наконец, наша красавица Нева. Все эти реки, так или иначе, сыграли большую роль в развитии России и русского государства. В древности — Нева и Волхов как путь «из варяг в греки», в гражданскую войну — Дон, где не на жизнь, а на смерть сошлись белые и красные. Березина, при переправе через которую практически перестала существовать великая армия Наполеона, битва за Волгу, решившая судьбу Советского Союза. Примеров можно привести много, но есть реки, сыгравшие в истории России не менее существенную роль, о которых мы знаем чрезвычайно мало или не знаем вообще ничего. Река Сестра (Систря, Сюстербек, Раяйоки), что о ней могут рассказать даже жители Петербурга? Это малая река, но её воды видели столько, что об этом можно написать десятки томов исследований. Казалось, какое отношение имеет это к истории Российского государства? Самое непосредственное. Но начнем по порядку.

Странная и своеобразная эта река. Берет свое начало в Лемболовских болотах и течет, извиваясь, среди лесов и кустарников к Финскому заливу. Но, не дойдя до моря 3–4 километра, в районе Репина вдруг делает крутой поворот и более 15 километров течет вдоль берега залива, затем опять резко поворачивает более чем на 90° и только тогда впадает в залив. Все мы знаем, что Волга впадает в Каспийское море, и знаем место её впадения, но вот где раньше было устье р. Сестры? Этот вопрос до сих пор вызывает споры. Называют многие места на побережье в диапазоне... от Горской до Дюн.

Мало найдется в мире рек, которые так часто меняли бы свое название. К сожалению, до нас не дошло точных данных о её первоначальном карельском имени, но из писцовых книг Водской пятины и мирных договоров XIV–XV веках мы знаем, что шведы называли её Сюстербек, а новгородцы – Систрая. По мнению некоторых ученых, в основе этого гидронима лежит карельское слово *siehtari*, что означает черная смородина. Нельзя так же отвергать гипотезу, что первоначально название реки могло быть латинского или славянского происхождения. В русском варианте Систрая стала Сестрой, что в корне изменило первоначальный смысл. Финны же называли её Сиестар-йоки, позднее Раяйоки, что в переводе означает пограничная река.

Пограничной рекой Сестра стала в 1323 году, после подписания в русской крепости Орешек мирного договора между Швецией и Великим Новгородом. Граница прошла «от моря река Сестрея, от Сестреи мох, среди мха гора, оттоле Сая-река, от Сае Солнечный камень», и далее идет перечисление пограничных ориентиров вплоть до выхода к побережью Ботнического залива. Таким образом, река Сестра стала первой межгосударственной границей на севере Руси, а если брать шире, она стала границей между двумя цивилизациями, восточной и западной, и между двумя церквями, православной и католической.

Кроме того, помимо земель, Сестра-река разделила жителей Карельского перешейка на два враждующих лагеря, столкновения их из-за владения тем или иным участком угодий решались с помощью оружия. Мирный договор был подписан, но на границе оставались спорные территории. Одним из самых известных в этом отношении пунктов была местность в Кивеннапском приходе (теперь Первомайское), ещё доселе известная у финнов как Риитамаа, то есть спорная земля. Русские, основываясь на древних трактатах, утверждали, что это их законная собственность, но она уже давно была занята шведами, ими возделана и была «коронной землёй» (владением короля).

Причиной споров послужили похожие названия русел: реки Сестры (Сиестар-йоки) и её притока Люблинки (по-фински Сиес-йоки). Это было известно только местным жителям, которые и воспользовались этим для захвата лучших плодородных угодий междуречья. С тех пор все приграничные земли по правому берегу Сестры-реки и стали называться Риитамаа.

Столкновения между новгородцами и жителями шведской Карелии были столь значительны, что приходилось вмешиваться войскам. Не помогло и то, что по распоряжению короля Густава Вазы всех

крестьян из приграничных деревень переселили вглубь страны, а на их место прислали жителей центральных районов, «ещё не ведавших разбоя». Но через короткое время всё повторилось сначала. Всего в XIV–XVI веках пограничные инциденты возникали 44 раза. Наиболее тяжелым временем для жителей Карельского перешейка был XVI век.

1554 год. 8 000 русских под предводительством боярина Ивана Боровсына, как сказано в шведских известиях, напали на участок Ритамаа и дочиста ограбили все селения, отобрав собранный хлеб и прочие запасы; остальное же, чего не могли увезти с собою, сожгли, объявив, что это все произведение земли русской и составляет их собственность.

1555 г. Русские отряды в количестве 12 000 человек под руководством Ивана Бибикова по приказанию новгородского наместника напали на Кивеннапский приход, где сожгли более сотни дворов и разорили деревню Йоутселькя (ныне Симагино), но потерпели поражение. На месте сражения в 1931 году финнами был установлен памятник с надписью: «11 марта 1555 года небольшое войско гарнизона крепости Кивеннапа и местных крестьян разбило на холмах Йоутселькя многочисленную вражескую армию». Этот памятник пережил две войны и лишь в 1973 году был полностью уничтожен.

В 1575 году на Сестре-реке между Швецией и Россией было заключено перемирие на два года. Причём русские добились того, что для переговоров шведы прибыли на нашу сторону реки. Несмотря на это, в начале 1578 года шведские отряды вновь вторглись на русскую территорию: резали женщин, детей, старцев, монахов, жгли селения и грабили монастыри и деревни так, что сам король молил Бога отвлечь от него и государства «справедливую кару свою за такое бесчеловечие».

Но приграничные споры и конфликты были лишь малой толикой тех ужасов и лишений, которые приходилось испытывать населению из-за войн. Страшную картину запустения представляла эта земля на многие версты по обе стороны реки: мызы и деревни выжжены, все пожитки истреблены или разграблены, жители убиты или уведены в неволю, а те, кто, укрывшись в лесах, спаслись от неприятелей, становились жертвами голода и холода.

Но, как известно, все войны рано или поздно заканчиваются миром. Так, в 1595 году в Тязвине под Нарвой был подписан долгожданный мирный договор. Межевая комиссия (для установления новой границы) заседала в Сюстербеке, что для нас интересно, при устье

реки Сестры. Новая граница, в основном, повторяла ту, что была определена Ореховецким договором. Граница помечалась крестами, выбитыми на валунах, с указанием года. Один из таких камней сохранился и по сей час у самого истока р. Сестры.

К сожалению, мир опять был недолгим. В России наступило смутное время, и Швеции удалось захватить весь Карельский перешеек, Неву и отодвинуть границу до реки Луги, что было подтверждено в 1617 году Столбовским мирным договором. Река Сестра, оказавшись под шведским владычеством, стала границей между Выборгским и Нотебургским ленами (административно-территориальный округ в Швеции).

Отсюда начался массовый исход коренного населения, не желавшего оставаться под шведским владычеством, в Россию. На их место приходили выходцы из северной Финляндии, Швеции, Германии и даже из Голландии. Швеция полностью перекрыла выход России к Балтийскому морю. Помимо захваченного ими Орешка, строится новая крепость в устье реки Охты – Ниеншанц и город Ниен, вскоре ставший одним из центров русской торговли. Королевским указом строго разграничивались торговые права между Ниеном и Выборгом, ориентированным на финские, карельские и шведские товары. И тому и другому городу было запрещено торговать на чужой территории.

Но дела Ниена шли настолько успешно, что город начал конкурировать с Выборгом, организовывая в приграничных с ним селениях торговые ярмарки. Одна из них находилась в Сюстербеке. В 1643 году Выборг даже жаловался в Стокгольм: «Ниен дошёл до такой дерзости, что, захватив всю торговлю Кексгольма, торгует уже на границе Выборгского округа, т. е. на реке Сестре, чем наносит ему большой ущерб». Из источников известно, что помимо ярмарки в устье р. Сестры были и другие Сюстербекские ярмарки и биржи, одна из которых находилась в районе поселка Йоутселькя (теперь Симагино), вероятно, на «Старой русской дороге», теперешнем Выборгском шоссе. Этот тракт в течение многих лет был основной сухопутной дорогой, по которой ещё ганзейские купцы доставляли товары в Новгород.

Более 80 лет шведская казна успешно пополнялась за счет торговли русскими товарами. Такое положение дел никак не устраивало поднимающую голову Россию. Петр I хотел, чтобы русские купцы сами возили свои товары за море, но получить выход к морю можно было только силой.

В 1701 году началась Северная война. После первой неудачи под Нарвой Петр I чрезвычайно быстро оправился: модернизировал ар-

мию, начал активно строить флот. Воспользовавшись моментом, когда Карл XII с основными силами безуспешно гонялся по просторам Польши за королём Августом, штурмом взял крепости Орешек и Ниеншанц и уже в 1703 году начал строить в устье Невы новую крепость и будущую столицу Петербург.

Шведы, естественно, простить такого не могли, и генерал Кронинорт с отрядом в 6 800 человек перешел реку Сестру. Из Петербурга, ему навстречу, Петр I двинул два гвардейских полка пехоты и четыре драгунских, всего 6000 человек. 7 июля на реке Сестре (в районе Йоутселькя) состоялось знаменитое сражение, во многом решившее судьбу Петербурга. Шведы были наголову разбиты и отброшены к Выборгу. Это дало Петру некоторую передышку: возможность укрепить Петербург, спустить на воду несколько кораблей, заняться строительством укреплений в Кронштадте. Но шведы не хотели мириться с потерей Невы и ещё дважды выходили на её берега, даже форсировали, но своей цели так и не достигли.

Петру же не нравились базирующиеся за рекой Сестрой шведские отряды. Он прекрасно понимал, что рано или поздно здесь появится Карл XII с основной армией, поэтому в 1706 году делает попытку штурма Выборга.

Всего на Выборг двинулось 13 000 солдат пехоты, 5 000 – регулярной кавалерии и 2 000 – казаков. Вечером 7 октября войска подошли к Сестре-реке. На следующее утро началась переправа, была она довольно сложной: после неё для «соборания и отдыха» войска простояли весь следующий день. Попытка взятия Выборга оказалась неудачной. Петр решил снять осаду и отступить. Он на всякий случай приказал выслать к устью реки Сестры фрегат «Гедан» и две бригантины, обеспечивая себе эвакуацию на случай внезапного нападения шведов.

Выборг пока устоял, но Петр Великий был не тем человеком, который останавливается на полпути. Море было его «навязчивой» идеей, и отступать он не хотел, да, вероятно, и не мог. Он «положил жизнь» за море и за флот, и практически единственной преградой на его пути был щуплый, но чертовски талантливый Карл XII. Девять лет Петр искал с ним личной встречи и нашел ее под Полтавой.

Далее все известно. Выиграна решающая баталия, и, хотя Швеция не перестает быть грозным противником, с Россией ей уже не совладать. В результате Выборг стал русским городом, а граница между Россией и Швецией отодвинулась до реки Кюми.

А наша Сестра? Она осталась границей, но уже не между государствами, а разделила Выборгскую и Петербургскую губернии.

Северная война затягивалась. Армия нуждалась в оружии. Тульские и Уральские заводы уже не справлялись с военными поставками, кроме того, находились слишком далеко от театра военных действий. Возникает острая необходимость в строительстве заводов недалеко от новой столицы.

Таким местом был выбран Карельский перешеек, идеально подходивший для этих целей, где в бесчисленных болотах было много руды, а кругом стояли леса, пригодные для выжигания угля, необходимого плавильным печам. Сам царь Петр появится на берегах Сестры еще раз, в 1714 году, после Гангутской победы. Места на взморье Финского залива поразили его красотой, и он повелевает строить на Дубковском мысу свою новую летнюю резиденцию. Как известно, фонтаны были его слабостью. Возникает мысль запрудить реку Сестру на крутом изгибе и воды такого искусственного озера пустить на водные забавы. Однако перепад высот оказался недостаточным для фонтанов, и поэтому решено приспособить их для работы станков строящегося оружейного завода.

В 1719 году в устье реки Сестры началось строительство гавани, куда из Петербурга и Кронштадта могли приходиться с разными материалами торговые и военные суда. Река в то время была настолько глубока и полноводна, что суда могли доставлять грузы прямо на завод. О том, что река Сестра в те времена сильно отличалась от нынешней, свидетельствует тот факт, что жители поселков, находящихся в её верховьях, занимались сплавом леса.

В 1724 году Сестрорецкий оружейный завод в присутствии Петра I был торжественно открыт. История завода описана достаточно полно; скажем лишь, что самые современные виды стрелкового оружия создавались именно здесь. Достаточно вспомнить трёхлинейную винтовку системы Мосина, которая десятки лет была на вооружении сначала русской, а затем советской армии.

Одновременно со строительством завода инженер Беер сооружает запруду и плотину (на пересечении нынешних улиц Мосина и Воскова). Таким образом, возникает искусственное озеро «Сестрорецкий резервуар», а затем просто – Сестрорецкий Разлив. По некоторым данным, плотина на этом месте была построена ещё шведами в XVI веке, а те, в свою очередь, использовали запруду, сооружённую до 1500 года.

Озеро Разлив в первые годы доставляло немало волнений и хлопот жителям Сестрорецка. Плотины часто разрушались весенними паводками, и воды озера устремлялись в залив.

В 1839 году для регулирования стока вод Сестры было построено две плотины со шлюзами выше впадения реки в озеро. Одна из них на специально прокопанном отводном канале от реки до Финского залива. Его потом назовут Граничным ручьём, а позже – Ржавой канавой, поскольку он действительно превратился в канаву, заросшую болотными растениями. Сюда мы ещё вернёмся, когда речь пойдёт о границах.

Итак, начался XIX век, наполеоновские войны и передел Европы. Бонапарту нужна была континентальная блокада Англии. Швеция же с его планами была не согласна, и тогда на переговорах в Тильзите Наполеон практически «дарит» Александру I Финляндию (это напоминает пакт Молотова–Риббентропа).

Александр «подарком» воспользовался: в 1808 году русские войска в очередной раз переходят реку Сестру. Эта последняя русско-шведская война была недолгой и не кровопролитной. Швеция почти без боя отдаёт свою провинцию, и Финляндия становится Великим княжеством с правами автономии в составе Российской империи. Царь «дарует» финнам ряд привилегий: сохраняет конституцию и парламент, свободу вероисповедания, освобождает финнов от службы в русской армии и т. п. В 1812 году он присоединяет к Финляндии Выборгскую губернию, тем самым возвращая границу туда, где она была определена ещё по тязвинскому миру (1595). Устанавливаются таможенные посты и пограничные шлагбаумы, но все это довольно условно. Известен случай с частной таможней, которую открыл в своем имении в верховьях р. Сестры (деревня Хииреля) купец Фредерик Тапке.

Передача Выборгской губернии прошла как-то незаметно (как в недавнее время передача Крыма Украине). Обыватель думал: «Какая разница, где проходит новая граница, если вся Финляндия входит в состав России?..» Но этот, на первый взгляд, незаметный факт имел определенные негативные последствия: Сестрорецкий оружейный завод оказался на территории с другими законами. Поэтому в 1864 году принято решение об изменении границы. Теперь она прошла по Ржавой канаве, исключив из состава Выборгской губернии 14 кв. км площади. Взамен Финляндии предоставили территории в Лапландии. Таким образом, Ржавая канава и река Сестра до 1939 года становятся границей между Россией и Великим княжеством, а впоследствии – независимой Финляндией.

Время, как известно, бежит быстро. Уже через 6 лет происходит событие, круто изменившее жизнь Старой Финляндии, как до сих

Дюны — Лебедевская набережная рѣки Сестры.

Дюны. Лебедевская набережная реки Сестры. Начало XX в.

Советские саперы на реке Сестре. Декабрь 1939 г.

пор называют финны Выборгскую губернию. В 1870 году тишину в селениях Карельского перешейка разбудил гудок паровоза: начала действовать железная дорога Петербург–Гельсингфорс (ныне Хельсинки).

Событие, без преувеличения, стало эпохальным. Из захолустья перешеек превращается в привлекательную дачную местность. Начался строительный бум, способствующий рождению особого архитектурного стиля – северного модерна. Как правило, строились двух-трехэтажные дома с башенками, верандами и витражами, часто с разновысокими крышами. В горниле войн и революций такие постройки практически не сохранились. Хотя и сегодня мы еще можем оценить всю прелесть этого стиля, стоит лишь взглянуть на уцелевшие чудом редкие дома в Тарховке, Разливе, Курорте. В частности, это дача известного врача Л. Клячко, о нем писал в своих воспоминаниях А. Берна (сейчас там детский санаторий).

Чтобы осознать, что нами утрачено, стоит посетить выставку в библиотеке им. Зоценко, прекрасно передающую дух и очарование архитектуры того времени.

В поселках открываются магазины, рестораны, кафе, казино, яхт-клубы, отели, пансионаты... Количество отдыхающих здесь настолько велико, что для удобства сообщения с Петербургом в 1884 году инженер и предприниматель П. А. Авенариус открывает еще одну железную дорогу «Новая Деревня – Сестрорецк», проложенную вдоль берега Финского залива.

Чтобы покрыть убытки, он просит и получает разрешение на строительство в устье реки Сестры, на берегу залива, бальнеологического санатория, получившего название «Сестрорецкий курорт». Здесь же строится гавань, откуда пароходы отправляются в Кронштадт и Петербург. Санаторий открывается в 1900 году, и уже Всемирная бальнеологическая выставка в Бельгии (1907 г.) признает его одним из лучших в мире, награждая Гран При. Уникальные природные условия: прекрасные пляжи, высокая ионизация воздуха (самая высокая – в пойме р. Сестры), собственная минеральная вода, – настолько благотворно сказываются на здоровье человека, что Курорт до сих пор пользуется заслуженной славой.

От станции Курорт, по правому берегу р. Сестры, среди песчаных дюн, прокладывается дополнительный участок железной дороги с двумя станциями: Школьная и Дюны. Так, в конце XIX века здесь идет активное строительство дач для столичной интеллигенции и разных благотворительных обществ (например общество школьных

дач – откуда и название станции), создаются детский ревматический и гомеопатический санатории и другое.

На высоком холме у станции Дюны возводится небольшая деревянная церковь, в ограде которой нашел вечное успокоение П. Авенариус. На беломраморном надгробии надпись: «Создателю сего храма, преобразователю глухой местности в Сестрорецкий курорт П. А. Авенариусу». Сейчас всего этого, к сожалению, нет. Как нет и поселка Дюны, в котором так любил отдыхать В. Шкловский, часто ездивший в гости на противоположный берег: многие предпочитали селиться в Старой Финляндии, где царила определенная свобода. Если и не Швейцария, то все же за граница – другой язык жителей, другие порядки, другая валюта, даже форма поездных кондукторов, и та отличалась от российской, а «извозчики были похожи на сенаторов» (по образному выражению Осипа Мандельштама).

Воистину, вплоть до 1917 года оба берега р. Сестры переживали свое «золотое время». Реку можно было свободно переходить и в том и в другом направлениях. Крестьяне переезжали ее вброд, из одной деревни в другую. Для них наступили лучшие времена: мясо, сливки, сметана, грибы, ягоды – все раскупалось состоятельными дачниками. Здесь отдыхали, жили и творили почти все знаменитости того времени. Только перечисление их фамилий займет не одну страницу.

Среди них были поэты и художники, композиторы и писатели, ученые и артисты: К. Чуковский, И. Репин, Ю. Анненков, М. Горький, В. Серов, Л. Андреев, И. Павлов, В. Бехтерев, генерал Куропаткин. К ним съезжались десятки не менее именитых гостей: В. Маяковский, С. Есенин, Ф. Шаляпин, В. Мейерхольд, В. Стасов и многие другие.

Было принято читать свои только что написанные произведения, ставить спектакли, демонстрировать рисунки, картины, устраивать музыкальные вечера, пикники. Откройте знаменитую «Чукоккалу» – и вы попадете в то прекрасное время.

Первая мировая война мало задела жителей двух берегов р. Сестры. Конечно, приходили тревожные сводки с театра военных действий, дорожали продукты, газеты писали о беспорядках в Петрограде... Но все это было не здесь...

Вот после октября 1917 года случилось то, что не могло и привидеться в кошмарном сне. Началось самое страшное – гражданская война, причем не только в России, но и в отделившейся от нее Финляндии. Грабежи, пожары, убийства, голод. Мир рухнул.

К счастью, на правом берегу весь этот ужас как-то быстро закончился, «белые» сумели навести в стране порядок. А совсем рядом был Петроград, где ЧК, бесконечные расстрелы...

И в Финляндию буквально хлынул поток желающих спастись от большевистского террора. Рубеж на Карельском перешейке, куда направилось больше всего беженцев, охранялся финской армией. В середине 1918 года из-за опасений эпидемии вся граница на Карельском перешейке была закрыта, переход мог осуществляться только по мосту через р. Сестру (Раяйокский погранпункт), и то время от времени. Лиц, пытавшихся нелегально проникнуть в Финляндию, было так много, что комендант, капитан К. Рантакари, заявил о своем единоличном решении пропускать всех. Финский Сенат поддержал его, и границу открыли.

К. Рантакари, известный в прошлом как журналист, признался, что «не мог выталкивать людей обратно, в объятия смерти, поскольку этот шаг на протяжении целых поколений принес бы нам ненависть всего цивилизованного мира». Люди пытались переходить границу в обоих направлениях не только через погранпункты. Одно такое место около деревни Тулокас прямо называлось «Раяйокское окно».

С переходом границы связан еще один интересный факт. В 1925 году на левом берегу р. Сестры, у деревни Старый Алакуль, чекистами была проведена операция по инсценировке гибели известного английского разведчика – С. Рейли.

Год от года пограничный режим все более ужесточался, как с той, так и с другой стороны. Берега реки затянулись колючей проволокой, мосты были взорваны, кроме моста в Белоострове, через который происходили перевозки между Финляндией и СССР. Все контакты жителей двух берегов прекратились. У финских крестьян исчезла возможность вести прибыльную торговлю с Петроградом, и многие семьи в поисках работы стали покидать родные места.

Еще в более тяжелом положении оказались жители советского берега, как правило, ингерманландцы. В 1930-е годы большинство из них подверглось раскулачиванию и высылке. В 1935–1936 годах. Ленинградское УНКВД полностью «очистило» пограничную полосу от местного населения. Длинные вереницы телег с поклажей, пожитками потянулись в неизвестном направлении, а опустевшие деревни были превращены в пепелища. В то же время вдоль всей границы с Финляндией начинается строительство оборонительной полосы под названием Карельский укрепленный район. Зачем он строился, было непонятно, если финны воевать с нами не собирались, а наоборот, зи-

мой 1939 года СССР организовал провокацию на границе, в районе деревни Майнила (в настоящее время на месте этого селения сохранились лишь остатки старой пограничной казармы) и, без всяких видимых причин, начал войну с независимым нейтральным государством.

Происходит передел мира. В результате военных действий от Финляндии отторгается часть территории, и граница опять проходит за Выборгом. «Незнаменитая война», по словам К. Симонова, обернулась для СССР потерей тысяч жизней солдат и мирных жителей.

Наступил 1941 год. Финны выступили в войне на стороне Германии. Опять ценой тысяч жизней мы сдали КП и ушли за р. Сестру. И опять Сестра. Финны форсировали ее, но, несмотря на жесткие требования Берлина, не пошли штурмовать Ленинград и, по приказу Меннергейма, перешли к обороне.

9 июня 1944 года советские войска нанесли удар по первой полосе финских укреплений, 10 июня, форсировав р. Сестру, перешли в наступление вдоль Приморского шоссе и железной дороги на Выборг. Уже 11 июня Москва салютовала войскам Ленинградского фронта в честь прорыва «Карельского вала». История защиты Карельского перешейка, подвиги наших солдат и офицеров во время Великой отечественной войны заслуживают отдельного повествования. В 1944 году берега р. Сестры снова становятся мирной территорией, и только отдельные сохранившиеся ДОТы говорят о том, сколько людских жизней было отдано, чтобы перейти с одного ее берега на другой.

Л. И. Амирханов

ФОРТ ТОТЛЕБЕН – СМЕРТЬ ИЛИ ЖИЗНЬ?

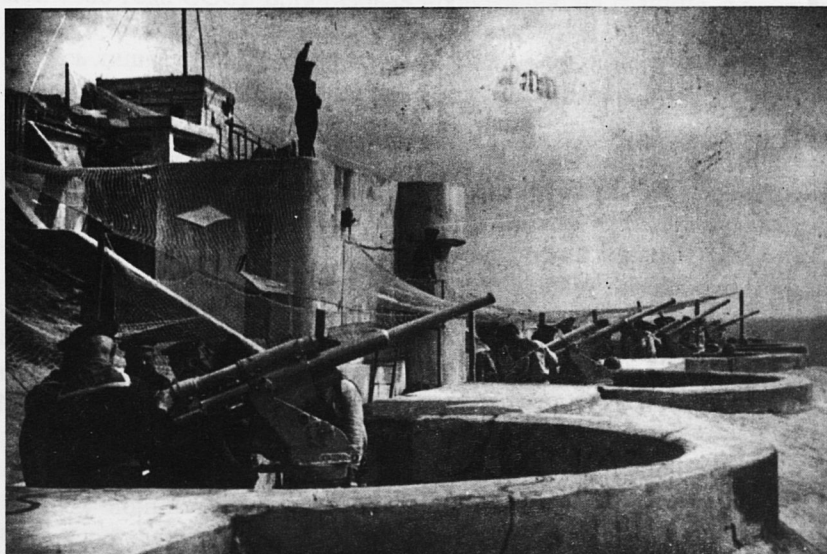
«Tot» по-немецки смерть, «Leben» – жизнь. Именно так сейчас ставится вопрос о существовании уникальных памятников человеческой культуры – фортах кронштадтской крепости. Один из них, «Тотлебен» расположен всего в 4 с небольшим километрах от Сестрорецка и хорошо виден с берега. Чуть дальше от Сестрорецка ближе к Кронштадту расположен подобный форт «Обручев».

Это искусственные острова-форты построены на отмелях, где глубины не превышали 2 метров. Необходимость в этих фортах определилась очередным скачком в развитии корабельной артиллерии. Северные номерные форты (по которым сейчас проходит дамба) уже не смогли бы противостоять дальнобойным орудиям противника. Поэтому требовалось вынести оборонительные сооружения и орудия как можно дальше от центра крепости

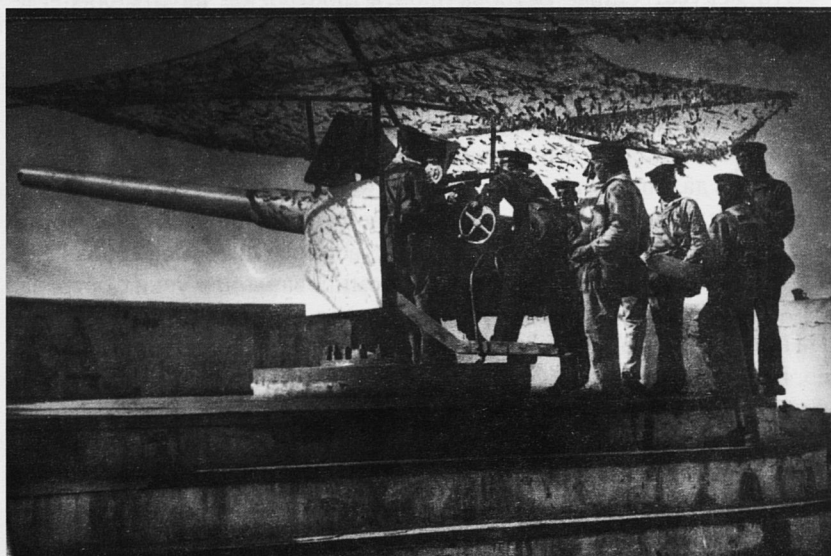
3 февраля (ст. ст.) 1897 года под воду ушел первый ряж форта «Тотлебен», тогда имевшего только буквенное (литерное) обозначение – «А». Уже к 1901 году были сформированы два узких острова, возвышавшиеся над ординаром на 2,7 метра.

Новые форты надежно перекрывали не только северный фарватер, но и прибрежную часть Карельского перешейка. «Тотлебен» находился всего в 4 км от Сестрорецка, «Обручев» – в 12. «Тотлебен» обошелся казне в 6,5 млн. рублей, «Обручев» – в 7 млн.

По проекту предполагалось иметь на каждом из фортов по десять 254-мм, по 12 152-мм и по 16 228-мм мортир, а также противодесантные орудия и пулеметы. Разумеется, вооружение фортов непрерывно совершенствовалось. Особенно оно усилилось, когда на фортах разместили 203-мм башенные установки, снятые с броненосного крейсера

Форт Тотлебен. Батарея 45-мм орудий. 1942 г.

Форт Тотлебен. Батарея 120-мм орудий. 1942 г.

«Рюрик». Этот крейсер был построен в Англии фирмой «Виккерс» по заказу русского правительства в 1912 году. Он активно участвовал в событиях Первой мировой войны, будучи флагманским кораблем командующего Балтийским флотом. В 1922 году, после подавления Кронштадтского мятежа, большевики уже не доверяли, как прежде, флоту, который в то время унижительно назывался Морскими силами РККА. Поэтому они решили продать на металлолом большую часть боевых кораблей. Так башни с «Рюрика» оказались на «Обручеве» и «Тотлебене».

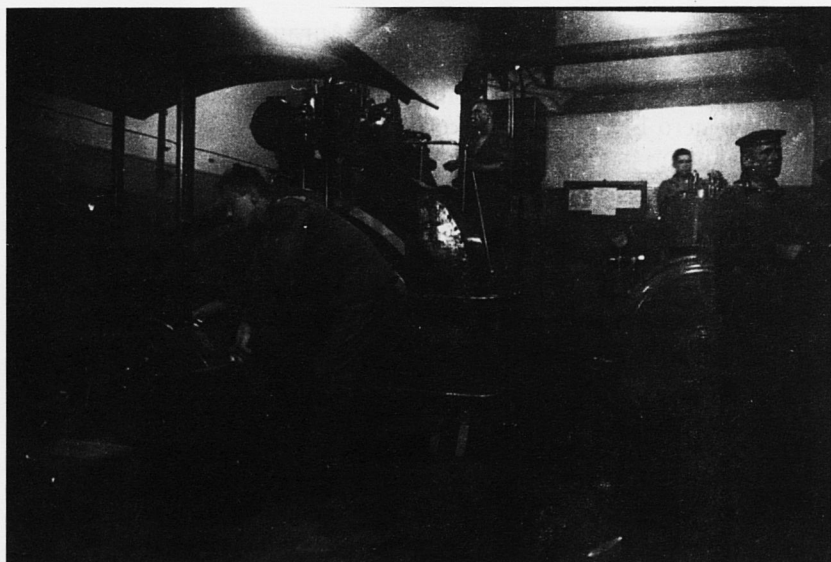
Но мы забежали несколько вперед. К началу Первой мировой войны форты были приняты в казну и могли начать боевые действия, однако немецкие корабли в Финском заливе так и не появились.

Несколько слов об устройстве фортов (подробно об этом можно будет прочитать в книге В. Ф. Ткаченко «Форт Тотлебен», которая готовится к печати в издательстве «Остров») – оно отвечало самым последним требованиям того времени. Форты имели свою систему опреснения и очистки воды, канализацию, хлебопекарню, баню, обширные хранилища боезапаса и провианта, ледник для хранения скоропортящихся продуктов, аптеку, жилые казематы на батальон крепостных артиллеристов (650–800 человек), церковь и даже синематограф на «Тотлебене». Между собой и Кронштадтом форты были связаны телефонным, телеграфным и индикаторным кабелями.

В первый день советско-финляндской войны форт «Тотлебен» обстреливал передовые позиции финнов на реке Сестре. Во время Великой Отечественной войны форты «Обручев» и в основном «Тотлебен» вели огонь по узлам сопротивления противника, дорогам, артиллерийским батареям на северном берегу Финского залива от Белоострова до Терийок (Зеленогорск). А в июне 1944 года приняли участие в начальном этапе Карельской операции.

В некоторых последних публикациях, посвященных К. Г. Маннергейму, говорится о его гуманном нежелании наступать на Ленинград. При этом опускается тот факт, что артиллерия форта «Тотлебен» перекрывала почти половину ширины Карельского перешейка. 203-мм пушки крейсера «Рюрик», имевшие скорострельность 40 секунд на выстрел, делали бессмысленным любое наступление финнов в зоне их действия. Бывший офицер русской армии К. Г. Маннергейм не мог не знать возможностей артиллерии «Тотлебена».

В 1960-х годах крепость Кронштадт как войсковая часть была расформирована, и с фортов начали демонтировать вооружение. При

Форт Тотлебен.
Дизель-электростанция 203-мм башенной установки. 1944 г.

Форт Тотлебен. 152-мм орудие ведет огонь по врагу. 1944 г.

этом почему-то стволы орудий на «Тотлебене» залили цементным раствором. После того, как сняли орудия и другое оборудование, на опустевшие форты первыми стали приходить яхтсмены и немногие обладатели катеров. Считалось особым шиком рассказать в компании о том, как в последний weekend жарили шашлычок на «Обручеве» или «Тотлебене», сколько выпили водочки. О том, что пустые бутылки были разбиты о камни, не упоминалось. Так постепенно брошенные форты стали превращаться в помойки. «Обручев» таким остается и по сей день.

В один из летних дней 1989 года на «Тотлебене» появился художник Владимир Ткаченко. Этот день можно считать началом возрождения форта. К счастью, есть еще люди, чужую беду воспринимающие, как свою. *Genius loci* (гений места – *лат.*) принял Ткаченко и наполнил его душу болью за варварское отношение современников к труду наших предков. С тех пор каждый день вечером в окнах тотлебенских казематов можно было видеть бледные отблески керосиновых ламп. И это останавливало тех, кому остатки железа могли пригодиться на садовых участках. Когда же по стране стали открываться пункты приема металлолома, именно В. Ткаченко не позволил мародерам окончательно разграбить форт.

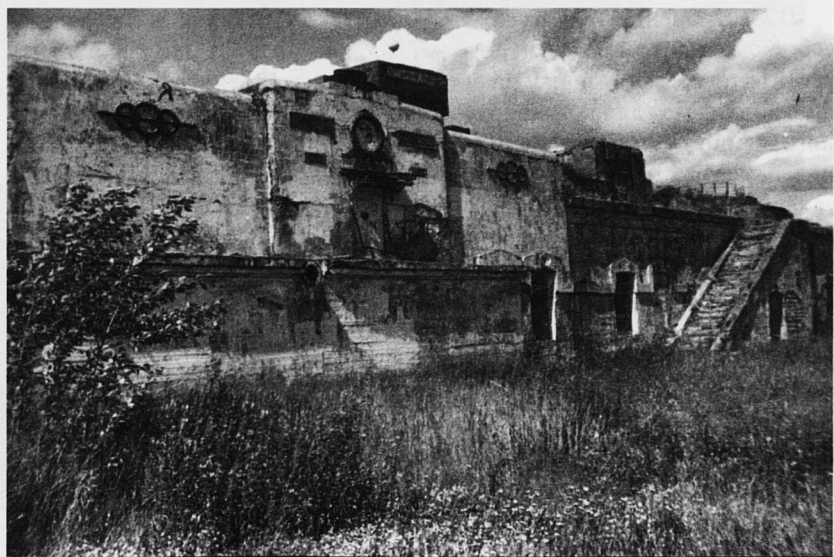
В Сестрорецке знают, что на фортю живет человек, называющий себя комендантом и не каждого пускающий на форт. Но как пустить тех, кто подходит к форту на шлюпке, в которой отчетливо виден мешок водки. Тех, для кого форт – лишь необычный антураж для обычного пьяного пикника. Они и распускают о Ткаченко слухи один нелепей другого: то на форту склад оружия, то братва держит здесь заложников, etc.

О том, что Ткаченко на свои скудные средства с помощью верных друзей расчистил казематы, восстановил гидроизоляция, очистил от губительного мха часть орудийных дворики, обыватель слышать не хочет. Для некоторых скромный музей, который годами создает на форту Ткаченко, лишь груда металла, имеющая цену металла. Сразу хочу предупредить воров и мародеров (давайте называть вещи своими именами), осенью все экспонаты музея надежно прячутся в тайники.

Зима «самое трудное время для форта. Две печки не могут поднять температуру выше 18 градусов, а уйти с форта нельзя. Сразу же на лыжах придут мародеры или рано повзрослевшая, но не поумневшая девица, которой доставляет удовольствие бить стекла в окнах казематов.

Гавань форта Тотлебен. Вдали – Сестрорецк. 1999 г.

Аттик форта Тотлебен. 2002 г.

Именно это и случилось в последних числах марта 2006 года. Лишь на один день Форт остался без присмотра, и сразу же пожаловали сестрорецкие акселераты. Сломаны рамы, побиты стекла. Тепло, так бережно хранимое, унесло из каземата за какой-нибудь час.

За 16 лет жизни на форту Ткаченко удалось «заразить» фортом нескольких молодых ребят, чьи родители благодарят за это судьбу. Именно такие ребята и помогают Ткаченко, деля с ним вахту. Но, как и везде, на форту тоже надо есть и пить, нужны дрова и керосин для ламп...

Удивительно, что, располагая таким богатством, как форты Кронштадта, власть способствует их уничтожению. Может быть, кому-то это такое выражение покажется слишком резким, но это действительно так. Уникальный комплекс фортов, равного которому нет нигде в мире, не охраняется, орудия и металлоконструкции, способные украсить любой военный музей мира, уничтожаются, на территории форта «Александр I» проводятся дискотеки, убивающие в юных душах самое святое – память. Если не будут приняты срочные меры, через год—два на фортах останутся лишь развалины.

Поэтому тот музей, который В. Ф. Ткаченко долгие годы создает на форту «Тотлебен», должен, наконец, получить статус государственного музея.

Сейчас очень модно слово «брэнд». Форт «Тотлебен» и его комендант Владимир Ткаченко и есть самый настоящий «брэнд». Его знают не только в Сестрорецке и Петербурге. Его хорошо знают в Финляндии, о нем снимало фильм Германское телевидение. Власти Сестрорека могли бы сделать из форта «Тотлебен» уникальный представительский комплекс, сами стены которого могли бы способствовать успешному решению переговоров. Но до сих пор ни один из представителей власти не удосужился полюбопытствовать, что это там за каменный остров на горизонте? Пока лишь председатель совета Муниципального образования г. Сестрорецк А. В. Вишневский обещал по весне посетить «Тотлебен».

Может быть, по-человечески отнесется фортам и новое Кронштадтское руководство.

А ведь при разумном подходе (как во всем мире) все это может приносить серьезные дивиденды, но что-то не складывается у наших бизнесменов, не терпится им, видимо, получить прибыль прямо сейчас. Но форт – это не пиво, это кропотливая, нудная и подчас неблагодарная работа, требующая внимания и участия 24 часа в сутки.

В. Ф. Ткаченко (сидит слева) принимает гостей из Кронштадтской школы юных моряков. 2000 г.

Фрагмент музея на форту Тотлебен. 2002 г.

Мы считаем, что все форты Кронштадта должны быть объединены в государственный заповедник, а, может быть, и не только форты, но и фрагменты уникальной Линии Маннергейма и Карельского вала, крепости Ивангород и Копорье и многое другое, что мы топчем, не понимая, что уничтожаем самих себя.

Р. С. Совсем недавно «Деловой Петербург» опубликовал информацию о том, что на месте знаменитого Сестрорецкого инструментального (в прошлом «оружейного») завода скоро появятся развлекательный и офисный центры, таунхаузы. Так, может быть, Администрация Курортного района и компания «Брансвик Ю Би Номиниз» (фактический владелец Сестрорецкого завода) обратят, наконец, внимание на уникальный памятник русского фортификационного искусства, который скоро превратится в грудку камней, несмотря на все титанические усилия В. Ф. Ткаченко и его друзей.

Приносим извинения за опечатки, допущенные в первом выпуске нашего сборника:

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
16	10-я сверху	1 линия – 0,254 мм.	1 линия – 0,254 см
71	12-я снизу	1914	1814
73	2 сверху	Белоостров	Териоки
116	Подпись к фото.	Станция Оллила.	Станция Оллила. Бывший магазин Ииаатинена. Современный корпус №10 дома отдыха «Взморье».

СОДЕРЖАНИЕ

Памятник истории искусств. Сестрорецк. СПб., 1843 г.	2
<i>А. С. Кубарева</i>	
Улицы Сестрорецка.	15
<i>О. М. Протопопова</i>	
Курортная жизнь Териок и окрестностей.	23
<i>М. А. Логунцов</i>	
Вокзал, которого не было.	35
<i>Н. Ю. Наумкина</i>	
«Товарищество актеров, художников и музыкантов» в Териоках в 1912 году.	45
<i>Б. Е. Ривкин</i>	
Человек-легенда.	57
<i>И. Я. Юдина</i>	
«Память о нем и сейчас волнует» (Из жизни М. Зощенко).	63
<i>И. А. Снегова</i>	
Русский интеллигент.	71
<i>Н. А. Нарышкина</i>	
Сестрорецк моего детства.	79
<i>Н. А. Романова</i>	
Юрий Никулин защищает наш край.	89
<i>Л. Ф. Бронзова</i>	
История основания поселков Графская—Дибуны—Песочный.	101
<i>А. Филиппов</i>	
Берега, берега. Берег этот и тот...	111
<i>Л. И. Амирханов</i>	
Форт Тотлебен—смерть или жизнь?	123

Курортный район. Страницы истории. Выпуск 2.

Составители Н. А. Романова, Р. Н. Гараева

Редакторы Н. А. Романова, Л. И. Амирханов

Корректор Н. П. Иванова

Иллюстрации из собраний

авторов, Л. И. Амирханова, Библиотеки им. М. М. Зощенко,

Издательство ОСТРОВ

Лицензия ИД №03938

Тираж 1200 экз.

С вопросами и предложениями обращайтесь по адресу:

199004, Санкт-Петербург, а/я 71, Амирханову Л.И.

E-mail: zitadel@bk.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «С-Принт»

199178, Санкт-Петербург, 19-я линия ВО, 24

Приносим извинения за опечатки,
Допущенные по вине корректора:

Стр.	строка	напечатано	должно быть
26	9-я сверху	демократическая	драматическая
57	1-я сверху	В.В. Маяковского	Н.С. Тихонова
122	14-я сверху	Меннергейма	Манпергейма

Окр. Сестрорѣцкаго Курорта. Школьная д. Гомеопатовъ.

